

Коми республиканский благотворительный общественный фонд
жертв политических репрессий «Покаяние»
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
РОЛЬ ГУЛАГА, МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Материалы I Международной научной конференции

(Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.)

Часть 1

Сыктывкар 2011

УДК 94:323:343.43(470.1)(063)

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: РОЛЬ ГУЛАГА, МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.). Сыктывкар, 2011. Ч. 1. 100 с.

В сборнике публикуются доклады и сообщения, прозвучавшие на I Международной научной конференции, состоявшейся в г. Сыктывкаре (Республика Коми) 25–29 октября 2011 г. На конференции, подготовленной и проведенной под руководством Главы Республики Коми и Государственного Совета Республики Коми, были обсуждены следующие научные проблемы: история ГУЛАГа (идеология, политика, экономика), массовые насильственные переселения, лагеря ГУЛАГа как хозяйственно-экономические комплексы, использование труда спецпереселенцев в экономике, численность репрессированных, историография и источниковедение истории репрессий, перспективы развития туризма по историческим и памятным местам, особенности мемориального туризма по местам бывших лагерей ГУЛАГа и спецпоселков, разработка туристских маршрутов и карт, деятельность поисковых отрядов и патриотическое воспитание молодежи.

Редакционная коллегия

д.и.н. И.Л. Жеребцов (отв. редактор, составитель, Сыктывкар), к.и.н. М.Б. Рогачев (зам. отв. редактора, Сыктывкар), к.и.н. Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), д.и.н. А.А. Борисов (Якутск), д.и.н. В.А. Исупов (Новосибирск), д.и.н. Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), д.и.н. В.И. Меньковский (Минск), к.и.н. О.Л. Рябченко (Харьков), д.и.н. Т.С. Садыков (Астана), к.и.н. М.В. Таскаев (Сыктывкар), к.и.н. С.Ю. Шокарев (Москва)

© Авторский коллектив, 2011
© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2011
© И.Л. Жеребцов, сост., 2011

ПРИВЕТСТВИЕ ЕПИСКОПА СЫКТЫВКАРСКОГО И ВОРКУТИНСКОГО ПИТИРИМА

Уважаемые участники конференции, дамы и господа, братья и сестры!

Мемориальная деятельность Русской Православной Церкви подняла очень важную проблему в жизни современного общества, в жизни новой России – подвиг многочисленных мучеников за веру и Отечество, их патриотизм и любовь к своей земной Родине как пример жизни для каждого гражданина России.

Христианские новомученики России своим подвигом показали нам главную истину советской истории: коммунистическая власть была властью, борющейся с Богом. Эту истину христиане понимали уже задолго до 1917 года. После революции 1905 года это понимание стало проникать в умы лучших представителей русской интеллигенции, однако коварная и опасная атеистическая идеология прельстила тогда многих. Коммунистическая власть старательно замаскировалась под образ поборницы прав народа, наследницу всего самого лучшего, что было в русской истории. Ею были старательно вычеркнуты из народной памяти искренняя любовь к Богу и монархическая настроенность, была попорчена и соборная традиция русского народа. Для того, чтобы вскрылась перед всем миром эта горькая правда борьбы большевистской власти с Живым Богом, и нужна была кровь новомучеников, невинно пролитая, но обильно хлынувшая на тщедушную самозванную власть и освятившая собою землю Российскую.

Именно христианские новомученики в подвиге своем паки и паки явили России и всему миру, что есть истинная жизнь, что есть Истина и Истинный Бог. Новомученики явили в себе тот Божественный Свет, который дает возможность реального понимания происходящего в мире. Апостол Иоанн Богослов пишет: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий делающий злое ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Иоан. 3, 19-21). Действительно, исповедничеством и мученичеством был совершен суд над греховным миром и историей. Именно поэтому прославление новомучеников, повествование о них есть не только долг и торжество внутрицерковной жизни Православия, но и необходимый акт всей соборной жизни России. Почитание новомучеников, обращение к их светлой памяти освящают нашу жизнь, помогают пониманию происходящего, зовут к изменению нашей сегодняшней жизни.

В Сыктывкарской и Воркутинской епархии очень многое делается для увековечивания памяти пострадавших и невинно убиенных в то страшное время в застенках ГУЛАГа. Уже канонизированы 17 новомучеников и исповедников, в земле Коми просиявших. Их иконы украшают сегодня храмы епархии и дома православных христиан. Нами изданы Акафист новомученикам Коми-Зырянским и их жития.

Мы проводим с молодежью конференции, образовательные чтения и круглые столы о подвиге мучеников за веру Христову. Создаются многочисленные телефильмы о жизни репрессированного духовенства, клириками епархии пишутся статьи о жизни пострадавших за Христа.

Освящен в этом году храм в честь первого мученика за веру в Коми земле – священномученика Димитрия Спасского в селе Помоздино Усть-Куломского района, на его родине. В городе Ухта продолжается строительство большого собора во имя Новомучеников и исповедников Российских, в земле Коми просиявших, а в Сыктывдинском районе возводится храм еще одного новомученика – св. Евфимия Вильгортского.

Подобная мемориальная деятельность Русской Православной Церкви открывает все новые и новые страницы нашей истории. Необходимо, чтобы молодое поколение знало свою историю, чтобы имена погибших в лютую годину гонений звучали не только на научных конференциях, но и в школах, других учебных заведениях. Только тогда мы сможем быть уверены, что тот страшный урок для Отечества Российского не повторится.

Дорогие друзья! Давайте вместе молиться о вразумлении тех, от кого зависит будущая жизнь нашей прекрасной молодежи.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и умножения сил в многотрудной мемориальной деятельности. Пусть Господь укрепит всех нас на трудном тернистом жизненном пути. Божие всем вам благословение!

Питирим, епископ Сыктывкарский и Воркутинский

ПРИВЕТСТВИЕ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Уважаемые участники конференции! Дорогие друзья!

От имени Духовного управления мусульман Республики Коми приветствую Вас, желаю успешной работы в проведении конференции.

В 1930-е гг. репрессивный элемент политики государства был направлен на все учреждения, предприятия, колхозы, школы, на культуру, науку и в том числе на религиозные организации. Активно проводились кампании по закрытию и разрушению мечетей и церквей и террор в отношении мусульманских и православных священнослужителей. Вплоть до начала 1920 г. имамы мечетей были высоко почитаемы и были лидерами в духовной жизни мусульманских общин. Однако до 1930-х гг. все мусульманское духовенство было разгромлено. Но когда началась Великая Отечественная война мусульманское духовенство, забыв обиды чудовищной несправедливости, решительно выступило против фашизма. ЦДУМ СССР призывает всех мусульман подняться на защиту родной земли. В мечетях проводятся молитвы за победу Красной Армии, благословляются сыновья Родины, воюющие за правое дело. Но наступившая с 1943 г. оттепель была непродолжительной. В конце 1950-х гг. вновь религия оказалась в тисках административных запретов. Годы репрессий были насыщены откровенно низкой ценой человеческой жизни. Чтобы избежать ошибок прошлого в будущем мы должны жить в согласии с исторической правдой и законами Всевышнего творца. Виновных в человеческих страданиях проклинают все народы, все религии мира. И когда у тиранов пройдет непрочная земная слава их ждут впереди ужасы ада и мучения. Скорбь от воспоминаний о прошедшем в 1930-е гг. приносит страдание, но это страдание позволяет осмыслить зло и подтолкнуть человека к добру. Человеческий мир нуждается в очищении и решительном обращении к своему духовному началу. Понимание этой острой необходимости обладает особым значением для нашего современного общества.

В 2011 г. исполняется 20 лет с того дня, когда впервые в истории Республики Коми прозвучала мусульманская проповедь. Двадцать лет назад мы официально зарегистрировали первую мусульманскую общину. Все это двадцатилетие мусульманским духовенством велась повседневная деятельность, мы призывали своих единоверцев к миру, согласию и добрососедству.

Стоит отметить, что благодаря мудрой политике руководства Республики Коми и лично В.М. Гайзера, республике присуща ярко выраженная гуманистическая направленность. Умудренный многими событиями своей истории, наш многонациональный народ хорошо понимает, что глубоко чтимые духовные традиции представляют собой бесценное богатство, важнейшую часть общенационального достояния.

*Валиахмад хазрат Гаязов,
председатель Духовного управления мусульман Республики Коми.*

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

«УСТНАЯ ИСТОРИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СТАЛИНИЗМА

В.И. Меньковский (Минск, Белоруссия)

Современная мировая историческая наука представляет собой мощную глобализованную инфраструктуру. Сотни исследовательских центров и университетов, тысячи исследователей во всем мире описали и проанализировали практически каждый год, а зачастую и день, в истории человечества. Количество публикаций достигло такого уровня, при котором ученому становится проблематичным освоить материал даже по своей узкой специальности.

В этой ситуации возникают вопросы, которые периодически повторяются в истории исторической науки. Осталось ли в мировой историографии место для нового поколения исследователей? Насколько необходимо проведение новых исследований, могут ли дать более глубокое понимание изучаемого времени и пространства?

Ответы даются разные, оценки состояния современной историографии варьируются от восторженных до резко негативных. Такая разница в трактовке вполне нормальна. История – наука, но наука, несущая в себе, как и все гуманитарные дисциплины, серьезную субъективную составляющую, связанную, в первую очередь, с личностью исследователя.

Англоязычная историография сталинизма, как и другие направления исторической науки, всегда несла в себе оценочные категории, связанные с ценностными ориентациями культуры и общества, к которому принадлежит исследователь. Любая ценностная характеристика всегда субъективна. Уже выбор темы, не говоря об анализе и выводах, предполагает включение шкалы ценностей исследователя в его работу. А. Тойнби справедливо отмечал, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени» [1].

Значительное влияние на результаты научной работы и их трактовку оказывает также методология исследований. Любая деятельность человека характеризуется методологией. Методология – это логическая организация деятельности человека, состоящая в определении цели и предмета исследования, подходов и ориентиров в его ведении, выборе средств и методов, определяющих наилучший результат. В исследовательской деятельности методология играет решающую роль в успехе.

История сталинизма в англоязычной историографии. Нам хотелось бы очень кратко напомнить историю формирования англоязычной историографии советской истории сталинского периода, чтобы читателю было более понятно стремление современных исследователей использовать новые методологические подходы, в том числе и методы устной истории.

- Становление и развитие академической дисциплины, которая вплоть до распада СССР, носила название «советология», проходили во второй половине XX в. В это время были сформированы исследовательские задачи и определены подходы к их решению, создана организационная структура англо-американских «российских и советских исследований», охватывающая академические организации, университеты и институты, библиотеки, государственные и частные структуры. Англо-американская историография истории Советского Союза прошла несколько этапов развития, каждый из которых, при наличии общих составляющих, имеет свою организационную, тематическую и методологическую специфику.

- Долговременная динамика изменений в советологии была связана с тремя важнейшими факторами: меняющейся внутренней ситуацией в англо-американском мире, прежде всего в США; изменениями в Советском Союзе; уровнем развития общественных и гуманитарных наук. Выделять какой-либо один фактор в качестве основного представляется нам непродуктивным. Именно комплексное взаимодействие названных причин определяло тенденции развития советологии как феномена научной и политической жизни Запада второй половины XX в.

- Первой научной моделью, нашедшей широкое применение в советологических исследованиях, стала тоталитарная парадигма, занимавшая господствующие позиции до середины 1960-х гг. «Классическая» тоталитарная модель рассматривала сталинский Советский Союз как уникальное мировое явление, сравнимое лишь с нацистской Германией и фашистской Италией. Концепция тоталитаризма позволила на определенном этапе развития англо-американской историографии глубже понять сталинизм и внести системность в изучение Советского

Союза. Значимость тоталитарного подхода заключалась также в поддержке внимания исследователей-советологов к теоретическим моделям и концепциям.

- В середине 1960-х гг. англо-американское академическое сообщество высказало неудовлетворенность статичностью и политизированностью тоталитарной модели. Начался процесс ее «ревизии», заметное место в котором занимали историки. Исследователи начали использовать множество моделей в зависимости от конкретной тематики и периода изучения.

Важнейшее изменение в анализе сталинизма было связано с ревизией «концепции непрерывности» ленинского и сталинского периодов советской истории. До начала 1980-х гг. «ревизионистское» направление становится определяющим в советологии. Англо-американские «русские и советские исследования» обогатились методологией западных социальных и гуманитарных наук, вышли из первоначальной изоляции в академическом мире и начали применять при изучении СССР методику, характерную для изучения других регионов мира. Однако главным объектом исследования продолжали оставаться советское государство и коммунистическая идеология.

- В середине 1980-х гг. происходит усиление позиций «новой когорты» социальных историков, которые поставили в центр внимания исследователей сталинского периода истории общество, а не властные структуры. «Вторая волна ревизионистов» пересмотрела многие устоявшиеся концепции, как сторонников тоталитарной модели, так и представителей ревизионизма 1960–1970-х гг. Социальные историки сталинизма сконцентрировали внимание на изучении истории «снизу», показывали хаотичность и непоследовательность действий власти на всех уровнях, выделяли базу социальной поддержки сталинского режима, массовую общественную мобильность, переоценивали в сторону уменьшения масштабы государственного террора. Историки предприняли попытку проанализировать сталинизм в терминах и категориях, которые представляли его западному читателю «обычной» системой, не отличающейся принципиально от других систем этого времени.

- В 1990-е гг. англо-американская система российских и советских исследований получила принципиально новые возможности изучения сталинизма и предложила новые методы решения исследовательских задач. Термин «советология» перестал быть соответствующим широкому спектру англоязычной историографии, характерному для периода после 1991 г. Исследователи усилили внимание к микроистории, вышли за узкие рамки политического понимания власти. Появилась возможность использования новой методологии, поскольку для специалистов стали доступны новые виды источников.

Эти изменения привели к росту сомнений среди историков в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента, который покажет то, что действительно произошло. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода.

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом – историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах: 1) как реальность прошлого, 2) как реальность прошлого, отраженная в источниках, и 3) как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках. Видение прошлого в конечном итоге определяется исторической ситуацией, в которой работает историк. Особенно важно подчеркнуть, что меняется методология исторического познания, т. е. совокупность нормативных подходов, принципов, приемов, процедур, которые задаются профессиональным сообществом в определенном культурном контексте и призваны определять направление и цели творческого поиска.

А. Гуревич использовал для характеристики этой ситуации термин М. Фуко «хронотоп историка», подразумеваемая под ним переключку времен – времени, когда проводится историческое исследование, времени, когда совершались исследуемые события и промежуточных периодов времени, которым принадлежат предыдущие интерпретации события, т. е. историографическим традициям [2].

Историк находится в постоянном единорборстве с источником, ибо последний представляет собой одновременно и средство познания, и преграду. Помимо того, о чем прошлое устами современников намеревалось сообщить, в текстах источников можно обнаружить немало такого, о чем оно, это прошлое, вовсе и не собиралось рассказать; это ненамеренные, произвольные высказывания источников, это то, о чем авторы исторических текстов проговаривались помимо собственной воли. Этот «иррациональный остаток», не подвергшийся цензуре сознания создателей текстов, по мнению А. Гуревича, и является наиболее подлинным историческим свидетельством [3].

Современный взгляд заключается в том, что исторический источник, прежде чем он окажется способным раскрыть какие-то аспекты прошлого, нуждается в критике. Он «непрозрачен», и к фактической информации, которая в нем содержится, прибавляются мысли, идеи, образы, присущие автору или составителю данного текста, с

которым вынужден работать историк. Сведения о происшедших событиях и их субъективные оценки и освещение, идущие от создателя текста, неразрывно сплавлены воедино, следовательно, историк сталкивается с огромной трудностью дешифровки, демистификации источника [4]. Для того чтобы расшифровать дошедшие до него послания из прошлого, он должен понять изучаемую эпоху. Такой взгляд принципиально отличается от подхода позитивистской историографии, без всяких оговорок считавшей архивные документы самыми надежными и достоверными материалами.

Постмодернизм в англоязычной историографии сталинизма. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории сталинизма. Здесь историки также сфокусировали внимание на культурной истории, языке и анализе дискурса.

Подробный анализ постмодернистских подходов к изучению истории сталинизма сделан немецкой исследовательницей Катариной Уль в нашей коллективной монографии «Советский союз 1930-х гг. в англоязычной историографии», подготовленной для печати в серии «История сталинизма» [5]. Анализируя оценку личности советского человека в англоязычных исследованиях 1990–2000-х гг., она находит много общего в выводах историков-постмодернистов и исследователей, базировавшихся на тоталитарной концепции.

В качестве примера постмодернистских исследований советской истории сталинского периода в англоязычной историографии приведем работы Стивена Коткина [6], Йохена Хелльбека [7] и Игала Халфина [8]. Их книги были подготовлены после переломного историографического момента для англоязычных «советских исследований», которым стала «архивная революция», начавшаяся после 1991 г.

Этапным исследованием стала книга С. Коткина «Магнитка: Сталинизм как цивилизация» [9]. Автор рассматривал сталинизм как сложную общественную систему с «новыми отношениями собственности, социальной структурой, организацией экономики, политической практикой и языком», сознательно созданную как антипод капиталистической системы. С его точки зрения, сталинская система поддерживалась не только государственной машиной, но и более тонкими механизмами власти, регулировавшими повседневную жизнь.

Выходя за узкие рамки политического понимания власти, С. Коткин использовал лингвистический подход для анализа взаимоотношений власти и общества. Автор стремился в своей книге «определить реальный смысл доминирующих терминов и категорий, используемых людьми, жившими в советском обществе того времени» [10]. Концепция тесной связи языка и власти составляла основу его методологии. Автор писал, что «сталинизм должен рассматриваться не просто как сочетание институтов, персоналий и идеологии, а как совокупность властных символов, отношений, языка и новых форм речи, новых форм поведения в обществе и частной жизни, даже нового стиля одежды, т. е. всего, что дает возможность понять новую цивилизацию, называемую социализмом» [11].

В наиболее важной главе монографии «Язык большевиков» автор показывал процесс советизации различных общественных групп, участвовавших в строительстве города, их приспособление к «большевистскому языку». Полностью зависимые от государства жители Магнитогорска, как и всей страны, были вынуждены соблюдать навязанные сверху «правила игры» для улучшения или сохранения своего социального статуса. С. Коткин был убежден, что, за исключением небольшой группы искренних сторонников коммунистической партии, основная масса населения соблюдала «правила игры» из чисто прагматических соображений, приобретая навыки «двоемыслия» (по выражению Дж. Оруэлла), без которого невозможно было существовать в условиях сталинизма.

Устная история. Изменения в источниковой базе англоязычных «советских исследований» совпали по времени со сменой парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников. Так называемый «лингвистический поворот» конца 1960-х гг. был только одним из многих «культурных поворотов» в развитии гуманитарных наук, за которыми последовали «пространственный», «изобразительный», «визуальный», «перформативный» повороты [12].

Западные историки, проводя исследования, могли свободно передвигаться по территории бывшего Советского Союза, сочетать возможности, предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами.

Немецкая исследовательница Йохан Фойт подчеркивал, что историческое интервью является продуктом коммуникации, формирующейся из перспектив обоих участников интервью. Это значит, в определенной мере источником, возникшим в результате их совместной работы. При условии, что интервьюирующийся подходит к беседе с должными бережностью и вниманием, а само устное высказывание подвергается критической проверке, интервью может привести к результатам, которые представляют собой целесообразное дополнение к сведениям, полученным из традиционных источников, и тем самым к значимым научным выводам [13].

Считается, что устная история как признанная академическая дисциплина существует в США с конца 1940-х гг., после создания в 1948 г. при Колумбийском университете в Нью-Йорке Исследовательского центра по изучению устной истории. Еще в 1938 г. профессор Колумбийского университета Алан Невинс призвал своих коллег создать организацию, «которая систематически собирала бы и записывала устные рассказы, а также мемуары видных американцев об их участии в общественной, политической, экономической и культурной жизни

страны» [14]. А. Невинс, первым введший в научный оборот термин «устная история», понимал под ним сбор и использование воспоминаний участников исторических событий. И только впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им как различные виды устных свидетельств о прошлом, так и исследования, написанные на их основе.

Современное понимание научного направления «устная история» нам представляется целесообразным в трактовке, предложенной российским историком Е. Ф. Кринко, который подразумевает под этим особый вид исследований, с присущими ему не только источниками, но предметом и методами изучения [15].

В западной советологии до второй половины 1980-х гг. в силу закрытости советского общества ощущалась нехватка систематических эмпирических данных. Лучшее, что удалось сделать в таких условиях, – массовые интервью советских эмигрантов. Первый раунд интервью был предпринят в США в рамках Гарвардского проекта (*Harvard Refugee Interview Project – HIP*) в 1950–1951 гг. Следующим шагом стал проект советских интервью (*Soviet Interview Project – SIP*), проведенных в 1983 г. [16].

Гарвардские исследователи А. Бауэр, А. Инкелес, К. Клухон, используя социологические методы, подготовили по итогам *Harvard Refugee Interview Project* книгу «Как работает советская система». Публикация была основана на докладе «Важнейшие психологические стороны советской общественной системы», подготовленном для ВВС США, заказавших и оплативших пятилетнее исследование данной проблемы. Собранные в ходе реализации проекта материалы представляют значительный интерес. Было проведено комплексное интервьюирование 329 беженцев из СССР. Кроме этого дополнительно опрошено 435 человек. В общей сложности собрано 33 тыс. страниц данных, подготовлено 50 неопубликованных и 35 опубликованных исследований [17]. Гарвардские ученые обратили внимание прежде всего на изучение сильных и слабых сторон общественной системы СССР, поведение отдельных групп населения в советском обществе. Экономические и политические аспекты интересовали исследователей в меньшей степени [18].

Хотя проект финансировался ВВС США как целевое исследование, ученые, проводившие его, поставили перед собой задачу действительно понять советское общество и использовали для этого социологические, антропологические и психологические концепции. Они отметили наличие в советском обществе определенных групп, неформальных организаций и неофициальной культуры, т. е. социальной жизни, существующей вне рамок официальных институтов. Исследователи обращали внимание не только на социальные группы, но и на личную жизнь советских людей, что нашло отражение в названии подготовленной ими работы: «Советские граждане: Повседневная жизнь в тоталитарном обществе».

Наиболее продуктивным периодом использования методологии устной истории в англоязычной историографии сталинизма стало первое десятилетие XXI в. Отправной точкой для анализа англоязычной историографии устной истории сталинизма выбрана статья английского историка Орландо Файджеса *Don't Go There* (Туда не ходить!) для американского журнала *Foreign Policy* в июне 2011 г. [19].

Орландо Файджес – британский историк, специалист по русской истории, профессор истории в Лондонском университете, Биркбек. Читал лекции по истории в Кембриджском университете и Лондонском университете. Известен своими работами по истории России, в частности *A People's Tragedy* (Трагедия народа), *Natasha's Dance* (Танец Наташи). Его книги были переведены на многие языки. О.Файджес использует различные методики, к примеру, социальную, культурную и устную историю, его работы соединяют в себе свойства как литературные, так и академические. Файджес использовал архивы российской правозащитной организации «Мемориала» при подготовке книги *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia* (Шепчущие: Частная жизнь в Сталинской России). Именно эта книга в большинстве сегодняшних справочно-информационных материалов называется первой англоязычной работой по устной истории сталинизма. К ее анализу, а точнее к тем размышлениям и выводам, а, в еще большей степени, к тем историографическим аналогиям и параллелям, которые она вызвала, мы и будем обращаться.

В статье «Туда не ходить!» О. Файджес отмечает, что несмотря на появление с наступлением эпохи гласности в конце 1980-х гг. многочисленных новых материалов по истории сталинизма (опубликованных дневников, мемуаров и писем) многие сферы жизни советского общества сталинского периода остаются неизвестными. Адекватной методологии для работы с новыми источниками историческая наука не имеет.

Долгие годы все, что мир знал о Советском Союзе, относилось исключительно к публичной сфере. За исключением немногочисленных мемуаров великих писателей, попавших в жернова репрессий 1930-х гг., в частности, Евгении Гинзбург и Надежды Мандельштам, в те годы о личной жизни почти никто не писал. Более представительные свидетельства начали появляться лишь в эпоху гласности, когда жертв сталинских репрессий стали призывать рассказывать свои истории. Такая организация как «Мемориал» помогала им искать информацию о пропавших родственниках, брала у них интервью, организовывала архивы из большого количества документов, писем, фотографий и артефактов, которые люди приносили в целлофановых пакетах и коробках после краха советского режима.

Но даже эти документы было очень сложно расшифровать и понять. Возьмем для примера дневники, которые считаются самым непосредственным выражением личных мыслей и чувств людей. Но тем, кто вел дневники

в 1930-е и 1940-е гг., грозили серьезные последствия. Когда человека арестовывали, первым делом у него отнимали дневник, который можно было использовать как инкриминирующую улику. Во многих дневниках, всплывших в период гласности, выражаются конформистские политические идеи. Следует ли нам принимать их слова за чистую монету, как выражение искреннего желания принадлежать к советскому коллективу – ведь многие люди, занимая свое место в системе, чувствовали себя в опасности? Или же нам следует исходить из того, что страх заставлял их скрываться под маской? Есть две важные находки, переведенные с русского языка. Это дневник 1930-х гг. кулацкого сына Степана Подлубного, который переделывает себя в советскую личность в фабричной школе. Дневник был опубликован в Германии в 1996 г. историком Йохеном Хелльбеком (Jochen Hellbeck) под названием «Tagebuch aus Moskau». Вторая находка – дневник школьницы «Хочу жить!», написанный Ниной Луговской в то же время. Он был опубликован на английском языке в 2006 г. Для Хелльбека дневник Подлубного – это свидетельство того, что человек был практически не в состоянии думать вне рамок и терминологии советской политики. В представлениях Хелльбека о «советском субъекте», которые изложены в книге «Revolution on My Mind» (С мыслью о революции) (2006 г.) и основываются на нескольких обнаруженных дневниках сталинской эпохи, для личной жизни у такого субъекта места очень мало, если мы ведем речь о самостоятельной мысли. А вот пример Луговской показывает, что даже школьница, подвергшаяся мощной пропаганде о «светлом советском будущем», способна не соглашаться, проявлять пессимизм и даже демонстрировать «антисоветские» мысли. Она доверяет их своему дневнику как выражению собственной индивидуальности.

В мемуарах налицо аналогичные проблемы толкования. Повествовательная линия литературных мемуаров, написанных Гинзбург и Мандельштам, оказала огромное влияние на любителей-мемуаристов с началом гласности, когда эти работы были опубликованы в России впервые. Сегодня в архивах «Мемориала» имеются сотни неопубликованных мемуаров о сталинском времени. Многие вышли в свет крошечными тиражами в несколько сотен экземпляров (обычно тираж оплачивал сам автор), либо размещались в интернете. Большинство носит повествовательный характер, начинаясь с ареста мужа или отца. Там имеются ностальгические воспоминания о счастливой семье до ареста, а затем делается переход к последствиям для всей семьи. Звучит рассказ об аресте самого автора, о времени, проведенном в лагерях, о возвращении, о поисках семьи и, наконец, о примирении с прошлым. Однообразие таких «семейных хроник» и «документальных рассказов» нельзя объяснить исключительно литературной модой. Возможно, эти мемуаристы ощущали некую потребность связать свою судьбу с судьбой остальных им подобных людей, пересказывая историю собственной жизни по образцу литературного прототипа. Как бы то ни было, они настолько сильно отождествляли себя с эмоциональным и идеологическим посылом таких книг, как история Гинзбург, что считали эти работы ключом к пониманию истории террора и собственного опыта, и откладывали свои мемуары в сторону, позволяя книгам этих авторов говорить самим за себя.

«Даже сейчас, спустя двадцать лет после распада Советского Союза, непонятно, что делать с этим новым материалом. В центре исторических дебатов стоит вопрос: а позволяли ли себе советские подданные вообще частную жизнь?.. В этом смысле у устной истории есть некоторые преимущества над письменными мемуарами. Как любое воспоминание, рассказ во время беседы ненадежен, особенно если речь в нем идет о событиях, произошедших несколько десятилетий тому назад. Однако собеседников, дающих такие интервью, можно подвергнуть перекрестному опросу, в отличие от книги; и изустные истории можно проверить, сопоставив с другими источниками. Сделать это намного легче, чем проверить исторические документы» – пишет О.Файджес.

Одна из многих проблем, с которыми мы столкнулись при проведении бесед-интервью, это доминирующее воздействие семейных легенд. Большинство людей, с которыми мы беседовали, в 1930-е гг. было детьми или подростками. У них почти не было надежной и проверенной информации, на основе которой можно было бы восстановить историю семьи до либо во время террора. Документы исчезали; государство скрывало правду о судьбах расстрелянных или умерших от непосильного труда в лагерях людей. А дедушки и бабушки вместе с другими родственниками из инстинкта самосохранения обычно хранили молчание об арестованных членах семьи. Чтобы заполнить эти пустоты, люди черпали информацию из легенд о «счастливой семейной жизни» или о «добром отце», которая была порой основана не более чем на немногочисленных детских воспоминаниях и историях, которые они слышали...

«В целом мы побеседовали с 454 людьми. Многие не хотели говорить или очень сильно тревожились по поводу наших бесед. В лучшем случае, они вспоминали трагические события, произошедшие несколькими десятилетиями ранее, когда почти все они были не более чем подростками. Проблемы памяти и толкования событий обескураживали. Но это был стоящий проект. Сегодня более половины из тех людей, с кем мы беседовали несколько лет назад, ушли из жизни, а остальные в основном слишком стары или слишком немощны, чтобы отвечать на такого рода вопросы. Слишком быстро закрывается дверь к последним живым источникам информации, способным рассказать, как им жилось и выживалось в сталинском Советском Союзе».

«А выяснить предстоит еще очень многое. В 2007 г. «Мемориал» получил 1500 писем, которые привезли в штаб-квартиру организации в пачках в огромных чемоданах. Это была самая необычная находка за последние 20 лет. Там был архив, собранный за восемьдесят лет Львом и Светой Мищенко. Лев и Света познакомились в 1930-х годах, будучи студентами физического факультета МГУ. Затем началась война. Лев пошел в Советскую

Армию, но попал в плен к немцам. Он прошел через несколько концлагерей, в том числе, через Бухенвальд. После войны у него была возможность эмигрировать на Запад, но он ее отверг, так как хотел отыскать Свету. Но, как и многих других военнопленных, его после возвращения в страну немедленно арестовали и отправили в лагерь в Печору. В 1946 году он написал тете в Москву, спросив ее, знает ли она, что случилось со Светой. Ответила ему сама Света. Она ждала его пять лет. На протяжении следующих десяти лет они поддерживали отношения, постоянно переписываясь. Они писали друг другу по два-три раза в неделю. В конце каждого дня они что-нибудь записывали. Поскольку письма отправлялись тайком через вольнонаемных рабочих, которые могли переписываться как все, эти послания по своему содержанию удивительно откровенны. Письма Льва – это единственное крупное документальное свидетельство повседневной жизни в ГУЛАГе в режиме реального времени, которое стало доступно людям. Письма наполнены самыми сокровенными мыслями и чувствами, и помогают читателю изнутри заглянуть в жизни Льва и Светы и посмотреть, как развивались их отношения».

«Неудивительно, что многие из этих писем трудно расшифровать. Имена людей изменялись, а на случай, если письма будут перехвачены, использовались эвфемизмы (МВД называли «дядями», ГУЛАГ «зонтом», а взятки витамином Д (от слова деньги). Но у моих коллег из «Мемориала» и у меня была возможность поработать вместе со Львом и Светой, чтобы расшифровать их значение. Мы сделали несколько видеосъемок до того, как они скончались в 2009 году – один за другим. Позднее мне довелось поработать в архиве лагеря, где удалось выяснить многие новые детали из писем Льва и подробности о лагерной жизни, о которых он не писал. Я также провел десяток бесед с бывшими заключенными этого лагеря, которые все еще жили в Печоре и могли помнить о пяти тайных, незаконных и исключительно опасных поездках Светы ко Льву. В истории ГУЛАГа нет ничего подобного этим поездкам, но все они подтверждаются письмами. «Мемориал» опубликует переписку Льва и Светы. История их жизни будет темой моей новой книги».

О. Файджес внес значительный вклад в развитие устной истории в России. Совместно с обществом «Мемориал» он собрал в своей книге *«Шепчущие»* несколько сотен частных семейных архивов из разных домов по всей России и провел более тысячи интервью как с жертвами, так и с преступниками сталинских репрессий. Материалы находятся в ведении общества «Мемориал» в Москве, Санкт-Петербурге и Перми, многие из них доступны в сети Интернет.

Собранные материалы Файджес использовал для написания книги *«Шепчущие»*. Переведенная более чем на двадцать языков, эта книга представляет собой одно из крупнейших собраний документов из частной жизни сталинской эпохи. По мнению Андрея Куркова, «„Шепчущие“ стали одним из лучших литературных памятников советскому народу наряду с „Архипелагом ГУЛАГ“ Солженицына и прозой Варлама Шаламова».

В ней Файджес подчеркивает значимость устных показаний для реконструкции истории репрессий бывшего Советского Союза. Признавая, что «как любые воспоминания, устные показания могут быть ненадежными», он утверждает, что устные показания в целом «являются более достоверными, чем литературные мемуары, которые, как правило, всегда считались более точными свидетельствами прошлого». В качестве довода он указывает на то, что «в отличие от книги, [устные показания] можно подвергнуть перекрестному допросу и сверить с прочими доказательствами, чтобы отделить настоящие воспоминания от приобретенных или воображаемых».

В отличие от прочих книг, в которых уделялось внимание лишь внешним фактам о советских репрессиях, в «Шепчущие» в основном рассматривается влияние репрессий на внутреннюю частную жизнь. Книга изучает влияние советского режима и его кампаний во времена террора на семейные отношения, эмоции и верования, нравственный выбор, вопросы личной и социальной идентичности и коллективной памяти. Описывая основную тему своей книги, Файджес утверждает, что «истинная власть и существующее и по сей день наследие сталинской системы заключается не в государственных структурах, и не в культе лидера, а, как однажды отметил русский историк Михаил Гелфер, «в том, что сталинизм проник в каждого из нас».

Файджес включил в свою книгу «Шепчущие» подробное исследование жизни и творчества советского поэта Константина Симонова, ставшего главной фигурой в советском Союзе писателей и пропагандистом во время кампании «против космополитизма» в последние годы жизни Сталина. Файджес черпал информацию из закрытых секций архива о Симонове в Российском государственном архиве литературы и искусства, из архивов жены и сына поэта, когда создавал свое исследование об этой важнейшей фигуре советской элиты.

Устной истории российской физики посвящена исследовательская программа, которая начала проводиться с 1989 г. Г.Е. Гореликом совместно с И.В. Дорман при участии А.Б. Кожевникова и А.В. Андреева, а особенно активно – с 1991 г. при поддержке Дэвида Холловэя (Стэнфордский университет). Некоторые интервью использованы в книге Д. Холловэя «Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956» (1997, американское издание – 1994) [20].

«Я мог работать в архивах, – с удовлетворением отмечает автор, – в которые, как я думал прежде, никогда не смогу попасть, и интервьюировать людей, с которыми, как я считал, никогда не смогу встретиться» (с. 6). Книга изобилует ранее не публиковавшимися фактами и высококвалифицированными оценками, почерпнутыми автором из личных бесед с Г. Н. Флеровым, П. Л. Капицей, А. Д. Сахаровым, Ю. Б. Харитоном, пригласившим его, в частности, в Арзамас-16. Естественно, что «взгляд с Запада», нашедший подробное освещение в книге,

базируется также и на материалах авторских интервью с Хансом Бете, Виктором Вайскопфом и многими другими физиками-ядерщиками. Вместе с тем бросается в глаза незначительное количество ссылок на материалы советских, а ныне российских архивов [21].

«Мемориалом» в рамках проектов «**Женская память ГУЛАГа**» и «**Дети АЛЖИРа**» записано около 200 интервью, собраны тысячи документов, фотографий, мемуарных текстов, писем и дневников, иллюстрирующих судьбы жен «изменников родины», без суда отправленных в лагерь, и их детей, принудительно помещенных в детские дома. Собранный материал и, прежде всего, устные свидетельства, дают возможность проследить, как история матерей, оказавшихся в ГУЛАГе, повлияла на биографии и судьбы детей, по-новому оценить травматический опыт советской семьи. Проекты «**Выжившие в Маутхаузене**» и «**Принудительный труд в национал-социалистической Германии**» посвящены сбору данных о людях, угнанных на принудительные работы в Германию. В течение последних лет было записано около 300 аудио- и видеointerview с бывшими узниками концлагерей и оstarбайтерами, в которых отражены не только трагические перипетии в судьбах этих людей во время войны, но и длительный опыт дискриминации в послевоенную эпоху.

Источники и литература

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 14.
2. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>.
3. Там же.
4. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>.
5. Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2012 (в печати).
6. Kotkin, Stephen (Коткин, Стивен) – профессор Принстонского университета, автор книг *Soviet Society and Culture in the 1920–30s*. Sapporo, 1993; *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation*. Berkeley, 1995.
7. Hellbeck, Jochen (Хелльбек, Йохен) – профессор исторического факультета университета Рутгерс (Нью-Джерси). Автор книг *Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006; *Autobiographical Practices in Russia*. Guttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004 (with Klaus Heller); *Laboratories of the Soviet Self. Diaries from the Stalin Era*. Columbia University, 1998.
8. Halfin, Igal (Халфин, Игал) – Профессор Школы истории Тель-Авивского университета (Израиль). Автор книг *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007; *Halfin I. Terror in my Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003; *Language and Revolution: Making Modern Political Identities*. London: Cass, 2002; *From Darkness to Light. Class, Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000).
9. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.
10. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. P. 380.
11. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995. P. 14.
12. См. более детальный анализ Smith P. *Cultural Theory: An Introduction*. Oxford, 2001; Bachmann-Medick D. *Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbeck bei Hamburg, 2007.
13. http://erinnerungsort.de/-_180.html
14. Цит. по Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // *Российская история*. 2006. № 2. С. 136-148.
15. Кринко Е. Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // *Вопросы теории и методологии истории*. Сб. научных трудов. Майкоп, 2001. Вып. 3. С. 37-48.
16. Обобщение результатов НИР дано в работе Bauer R., Inkeles A, Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes*: Cambridge, 1956; SIP – *Politics, Work, and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Soviet Citizens*. Cambridge, 1987.
17. Мы акцентируем внимание в основном на двух исследованиях в рамках гарвардского проекта: Bauer R.A., Inkeles A., Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes*. Cambridge, 1956; Inkeles A, Bauer R. *Soviet Citizens: Daily Life in a Totalitarian Society*. Cambridge, 1956.
18. Эделе в работе «Советское общество, социальная структура и повседневность» также рассматривает гарвардский проект, см.: *Edele M. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered* // *Kritika*. 2007. Vol. 8. Is. 2. P. 349-373.
19. Bell D. *Ten Theories in Search of Reality* // *World Politics*. 1958. Vol. 10. Is. 3. P. 348.
20. <http://www.inosmi.ru/history/20110620/170948330.html?id=170948569>. Далее все цитаты из статьи будут приводиться по данной электронной публикации.
21. Holloway D. *Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956*. New Haven, 1994. Рус. изд.: Холлоуэй Д. *Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия, 1939–1956 гг.* Новосибирск, 1997. (Частично книгу можно найти по адресу http://hirosima.scepsis.ru/library/lib_22.html)
22. Размеров В.В. *Историография. Д. Холлоуэй. Сталин и бомба. Советский союз и атомная энергия 1939–1956* // *Вопросы истории*. 1999. № 9. С. 164-166.

ДЕПОРТАЦИИ СОВЕТСКИХ НАРОДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону, Россия)

Принудительные переселения народов СССР в годы Великой Отечественной войны в последние годы вызывают повышенный научный и общественный интерес [1]. Особенно острые дискуссии вызывают причины, характер и последствия сталинских депортаций. Большинство современных исследователей расценивает их как антигуманные и незаконные акции, «чудовищные преступления» сталинского режима, а отдельные авторы характеризуют депортации как геноцид. П.М. Полян отмечает, что во многих случаях они «являлись лишь прелюдией к физическому уничтожению депортируемых», нередко сочетались с другими видами репрессий. Кроме того, по его мнению, депортации стали своеобразной формой «учета и обезвреживания государством его групповых политических противников (и не столь уж важно, подлинных или мнимых, важно, что государство решило их нейтрализовать)» [2].

Н.Ф. Бугай объясняет причины принудительного выселения советских народов тремя основными факторами: 1) гипотетической возможностью предательства, которая вылилась в превентивное обвинение отдельных народов, 2) изменой – выступлением на стороне противника, 3) принадлежностью к конфессии или нации, с которой велась война. Цель депортаций историк видит в стремлении советского правительства ослабить этническую напряженность [3]. Практически к тем же самым обстоятельствам сводит главные причины депортаций советских народов В.Н. Земсков. Он рассматривает депортации, во-первых, как «акт мести государства за предательство отдельных лиц и групп этих народов во время фашистской оккупации»; во-вторых, как превентивную меру «за возможное предательство, а по сути – за принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война». Исследователь считает, что массовые выселения стали одним из важных компонентов решения задач политического, экономического, социального и межнационального характера [4].

Значительная часть авторов видит корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима. Э.В. Черняк считает, что целью массового террора против малочисленных народов являлось не столько их «наказание», сколько устрашение более многочисленных народов. Кроме того, он утверждает, что депортации были «средством продвижения к стиранию национальных различий», способом решения межнациональных противоречий [5]. По мнению В.А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью». В то же время В.А. Тишков указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов», а также стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований» [6]. Идеи о том, что И.В. Сталин рассматривал депортации как возможность создания новой «социалистической нации» – советского народа путем ассимиляции малых народов, а также как средство разрядить социальную напряженность и покрыть дефицит в дешевой рабочей силе разделяют и другие авторы [7].

Помимо общих объяснений значительное внимание уделяется поиску причин депортаций отдельных народов. Так, А.А. Шадт выделил следующие основные причины депортации немцев Поволжья: искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны»; стремление решить проблемы национальной политики путем устранения значительных различий в уровне жизни народов («немцы оказались наказаны за зажиточность»); ускорение развития восточных регионов в период оккупации запада страны; стремление использовать трудовые ресурсы немцев [8]. Большинство авторов считают, что объективных причин для выселения немцев из Поволжья, как и других регионов страны, не было, в большинстве своем они относились лояльно к советской власти. Л.П. Белковец подчеркивает, что главную роль в депортации немцев сыграли искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны», а также экономический мотив: советское руководство намеревалось заселить при их помощи малоосвоенные территории Сибири, Казахстана и Средней Азии. Кроме того, она рассматривает депортации как «своеобразный способ реализации особого правового режима, каковым является военное положение, введенное в СССР с началом войны». Он предусматривал ограничения прав граждан и их наделение дополнительными обязанностями, проведение мобилизации, введение особого порядка деятельности органов государственной власти в целях обеспечения обороноспособности страны и ликвидации агрессии против нее [9].

Депортацию народов Северного Кавказа значительная часть исследователей объясняет тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии за счет «исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского дви-

жения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе [10]. В качестве одного из аргументов того, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии, приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. Академией наук СССР. Административный центр Карачая город Микоян-Шахер на ней уже получил грузинское название Клухори, которое и носил в 1943–1957 гг. Авторы одной из обобщающих работ по истории карачаевцев и балкарцев, соединив две первые версии, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы сразу несколько группировок – «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Сулов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» – руководитель партийной организации Кабардино-Балкарии в годы войны) [11].

Возражая им, другие историки отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией [12]. К.-М.И. Алиев указывает, что в случае использования первой версии причины подменяются следствиями, ибо вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Между тем «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть» [13]. Наконец, само перемещение огромного количества людей на восток страны также требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий.

Депортацию тюркоязычных мусульман (балкарцев, карачаевцев) связывают с внешнеполитическим фактором – угрозой создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции [14]. Ряд исследователей приводит свидетельства того, что на Северном Кавказе имели место массовые антисоветские выступления и широкое распространение бандитизма в годы Великой Отечественной войны. А.М. Гонов связал депортацию части народов региона с общей обстановкой в нем, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депортацию северокавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением» [15], что вызвало резкую критику со стороны других историков региона.

В последние годы ряд исследователей фактически оправдывает проведение депортаций народов СССР во время Великой Отечественной войны, считая, что благодаря этому удалось избежать создания «пятой колонны» в тылу СССР [16]. Подобная точка зрения фактически представляет собой изложение официальной точки зрения советского правительства по вопросу о выселении советских народов, высказанной во время войны. Напротив, многие историки из республик Северного Кавказа считают, что документы НКВД, содержащие сведения о бандитизме в регионе, послужившие основанием для депортации, были прямо фальсифицированы [17], но не приводят никаких аргументированных доказательств в пользу этой точки зрения.

Немало внимания уделяется и дальнейшей судьбе выселенных народов. Исследователи охарактеризовали трудовую деятельность спецпереселенцев в ссылке, тяжелые условия их жизни, ограничение в правах и возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Вследствие принудительного переселения произошли резкие изменения в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура. Согласно подсчетам Д.М. Эдиева, демографические потери населения СССР от депортаций 1920–1950-х гг. составили около 15% численности населения депортированных, «которая могла бы сложиться в отсутствие депортаций» [18]. Изменение административно-территориальных границ заложило основы для новых межнациональных конфликтов. Отрицательно сказалась депортация и на развитии экономики регионов, из которых выселяли народы: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла.

Появились специальные исследования, посвященные реабилитации репрессированных народов [19]. В них отмечается половинчатый характер реабилитации конца 1950-х – начала 1960-х гг., обращается внимание на то, что так и не были восстановлены автономии крымских татар и немцев Поволжья, а карачаевцев объединили с черкесами в рамках Карачаево-Черкесской автономной области, вошедшей в состав Ставропольского края. Ряд современных авторов указывает на противоречия и конфликты в отношениях депортированных граждан со своими старыми и новыми соседями. В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., говорит о трудностях в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией страны, так и с непродуманностью самих актов [20]. Часть авторов говорит о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической реабилитации депортированных народов, «что означает разрушение государственными органами» их отрицательных стереотипов «в глазах других народов» [21].

Разные точки зрения высказаны и по вопросу о том, кто несет личную ответственность за принудительное выселение того или иного народа и депортации в целом. Н.Ф. Бугай полагает, что «вина в проведении мер по депортации должна быть отнесена исключительно к Сталину и его окружению». Остальные участники событий – комиссары, офицеры, солдаты – были лишь рядовыми исполнителями [22]. Напротив, А.М. Некрич указывал на то, что «депортацию нельзя списать на злую волю Сталина – все подготавливалось снизу» [23]. Особая ответственность за трагедию депортации возлагается на Л.П. Берию.

Многие авторы также указывают на негативную роль местных партийных руководителей. В частности, критике подвергается секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.-У.Б. Токаев, «аморально предавший свой народ». По словам одного из современных авторов, вместо того чтобы убедить правительство в том, что они сами сумеют решить проблему «нескольких десятков предателей-бандитов, еще не сдавшихся Советской власти», руководители Карачаевской автономии, «искусственно преувеличивая массовость сопротивления, требовали ввода значительного количества регулярных сил Красной армии» [24]. Приводимые оценки отражают присущей части представителей современной историографии субъективизм: Сталин вряд ли принял бы во внимание мнение местных руководителей при решении данного вопроса. Другое дело, что поведение указанных лиц в этой сложной ситуации хорошо характеризует их самих как политиков, для которых собственная жизнь и карьера оказались важнее судьбы своего народа.

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы. Так, в книге «Земля адыгов» говорится, что «в начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И.В. Сталин... запретил даже думать об этом». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны – на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу» [25]. Похожий ответ предлагает М.М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован черкесский народ, «представители которого также участвовали в повстанческом движении». Ответ на этот вопрос он связывает с тем, что «именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая» [26]. К сожалению, автор не подтверждает свой вывод дополнительными аргументами, а его утверждение о том, что Северный Кавказ стал «полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики» ему прямо противоречит, так как действия партизан или их отсутствие не могли в этом случае иметь для Сталина решающего значения. Как отмечает другой исследователь, карачаевцы все равно «были бы депортированы, если бы на фронтах со словами “За Сталина!” погибла половина населения» [27].

Версии о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно – «по злой воле» Берии) и его спасло личное вмешательство Сталина, который учел «особые заслуги» перед Родиной, достаточно давно и широко распространены в массовом сознании. Однако подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным, уже исходя из того что истинные планы и намерения Сталина далеко не всегда отражались в документах. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием.

Таким образом, обращение к данной проблематике в последние десятилетия нередко имело политизированный характер, выражавшийся, в частности, в попытках «посчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на несправедливости только по отношению к конкретному народу. Этим подчеркивается историческая несправедливость депортации по отношению к определенному этносу, а не данной акции вообще. Политизация проявляется и в стремлении ряда авторов привести в качестве аргументов «несогласие» или «неприятие» народом тех или иных выводов и работ, привлечь своих оппонентов не только к моральной, но и к юридической ответственности. Тем не менее, постепенно изучение депортаций в современной историографии способствует созданию более полной, обстоятельной и достоверной картины событий.

Источники и литература

1. Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР – новое направление историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; Чернова Т. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против немцев. Наказанный народ. М., 1999; Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2001; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История народов Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону, 2009; Степанов М.Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010 и др.
2. Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 6.
3. Бугай Н.Ф. Депортация с юга России в 40-е гг. Причины, ход, последствия // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995. С. 44.
4. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 280.
5. Черняк Э.В. Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993. С. 6.
6. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы Междунар. конф. 1993 г. М., 1994. С. 24.
7. Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 59; Бакунин А.В. Основные этапы политических репрессий в СССР // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале», проходившей в Нижнем Тагиле 10–12 ноября 1997 г. Нижний Тагил, 1997. С. 12 и др.

8. Шадр А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 14–15.
9. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. **Новосибирск**, 2003. С. 30–32.
10. Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Черкесск, 1993. С. 43–44; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993. С. 27; Коновалова О.В. Карачаевцы: трудное возвращение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность: Тезисы докладов III Междун. конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», 18–21 сентября 2001 г. Пятигорск, 2001. С. 36; Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998. С. 449–453; Алиев К.-М. И. Указ. соч. С. 58 и др.
11. См.: Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002.
12. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 7–8; Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2000. № 3–4. С. 39.
13. Алиев К.-М.И. Указ. соч. С. 58–59.
14. Буров А.Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // *Репрессированные народы: история и современность*. Элиста, 1992. С. 59–60.
15. Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX в.: Дис... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 17.
16. Мартиросян А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х гг. М., 2007; Пыхалов И.В. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008 и др.
17. Тебуев С. Предисловие // *Депортация карачаевцев: Документы рассказывают*. Сб. документов. Черкесск, 1997. С. 8–9; Алиева С.К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. С. 14–15 и др.
18. Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 303.
19. Калтахчян А. Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // *Этнополитический вестник*. 1992. № 2; Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. (20–90-е годы). Нальчик, 1998; Зумакулов Б.М. Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998; Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // *Отечественная история*. 2008. № 1 и др.
20. Муравьев В. Миграции на Северном Кавказе – следствие переселений народов // *Народы России: проблемы депортации и реабилитации*. Майкоп, 1997. С. 122–124.
21. Карачаевцы. Выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 5.
22. Бугай Н.Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // *Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы)*. Майкоп, 1992. С. 158; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». С. 285.
23. Некрич А. Наказанные народы // *Родина*. 1990. С. 32.
24. Байрамуков И.Х. Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // *Репрессированные народы: история и современность: история и современность: Материалы респ. науч. конф.*, 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003. С. 16–17.
25. Земля адыгов. Майкоп, 1996. С. 311.
26. Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998. С. 310.
27. Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». С. 61.

**ВОССТАНИЕ, ПОТЯСШЕЕ ГУЛАГ
(ОБ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ СТЕПЛАГА)**

Т.С. Садыков (Астана, Казахстан)

На огромной территории бывшего Советского Союза идеологическое и политическое ужесточение привело к разрастанию репрессивных органов и созданию лагерной системы. У каждого лагеря есть своя история.

Миллионы людей, приговоренные к лагерям, незаконно обвиненные как «враги народа», «предатели Родины», подверглись не только политике подавления инакомыслия, беспрекословного подчинения, но вместе с тем их бесплатный труд использовался для выполнения экономических задач. Иначе говоря, в значительной степени потенциал экономики создавался за счет каторжного труда заключенных, экономически выгодной рабочей силы. Поэтому не случайно основная часть лагерей была сосредоточена там, где были скудны производительные силы, но колоссально богаты природные запасы. Об этом свидетельствует история Карлага, Степлага и других лагерей, организованных на территории Казахстана.

В 17-летней истории Степлага, ломавшей судьбы тысячи людей, есть до сегодняшнего дня не полностью раскрытая страница истории – волнения заключенных внутри лагеря, переросшие в вооруженное восстание.

По степени тяжести труда, по чрезмерно строгому внутреннему распорядку, по нечеловеческим условиям жизни заключенных Степлаг превзошел другие лагеря. Однако невыносимо тяжелый каторжный труд, голод, нищета, болезни и даже смерти не смогли сломить свободолюбивый дух безвинно страдавших заключенных. Как и в других лагерях Советского Союза, заключенные выражали свое недовольство в различных формах. Так, отказ от работы, создание тайных организаций, распространение листовок впоследствии вылились в крупное восстание. Восстание в Степлаге было значимым и длительным.

Известие о смерти Сталина в 1953 г. всполохнуло всю лагерную систему. У заключенных появилась искорка надежды, и проснулось желание снова жить. Несмотря на усилия лагерного начальства скрыть это, отголоски доходили до далекого степного лагеря. И здесь вселялась надежда в души заключенных.

27 марта 1953 г. правительство объявило амнистию. Амнистия освобождала осужденных до 5 лет. Поскольку большинство политзаключенных имели срок от 10 до 25 лет, они не попали под амнистию. Согласно одному из параграфов закона, заключенным осужденным более чем на пять лет, срок был сокращен наполовину. Тем не менее он не имел силу в отношении осужденных по политическим обвинениям. Таким образом, данный закон в своей основе освобождал и облегчал участь воров и других преступников такого рода. В качестве свидетельства можно привести письмо Капитона Ивановича Кузнецова, который был одним из организаторов восстания: «Среди нас (политзаключенных – Т.С.) уголовных преступников, убийц, коррупционеров нет и для нас амнистия не подходит. Амнистии подлежат в реальности опасные для общества, государства, воров, уголовные преступники, коррупционеры самые деградированные. В соответствии закона об амнистии эшелон вредных для общества элементов были освобождены весной, но через месяц прибыло 6 таких же эшелонов, среди них есть и те, которые были осуждены ранее» [1]. В действительности, если сослаться на архивные сведения по Степлагу, то в 1954 г. 600 заключенных (среди них освобожденные по амнистии и снова осужденные) были осуждены дважды, а то и больше, среди них 230 осужденных за преступления внутри лагеря [2].

Так как ожидаемые надежды не сбылись, недовольство среди заключенных не только не погасло, наоборот, достигло накала. Если позволить образное сравнение, то некогда спокойная лагерная система стала напоминать бурящее море.

Чтобы разрядить столь обострившуюся ситуацию, партия большевиков и руководство Советского государства принимают совместные решения. К примеру, на основании Положения от 12 марта 1954 г. «Об улучшении работы трудовых лагерей» и по Постановлению ЦК КПСС органам внутренних дел поручено пересмотреть дела осужденных по ст. 58.

В апреле того же года (1954) по Указу Президиума Верховного Совета СССР освобождались заключенные, не достигшие 18 лет. В Степлаге на основе этого Указа в 1954 г. было пересмотрено 1297 дел. 1041 заключенный, не достигший 18 лет, был освобожден, 1007 заключенных, потерявших здоровье, также оказались на свободе. Среди осужденных по ст. 58 было оправдано всего 62 политзаключенных [3].

Как бы то ни было, по своим результатам все эти меры являлись каплей в море. Окончательного решения о полном освобождении людей не было. Недовольство лагерной системой не шло на убыль. Только в Степлаге за 1954 г. было 349 проявлений недовольства; в течение года 7481 заключенный не выполнили трудовую норму [4].

Администрация лагеря в соответствии с распоряжениями МВД СССР усилила требования по внутреннему распорядку. Приведем пример из упоминавшегося выше письма К. Кузнецова: «Недавно в колонне, возвращавшиеся с работы, 14 человек были тяжело ранены. В другой раз охранник направил дуло своего автомата на

заклученных, сидевших возле бараков и 5 человек на месте были убиты» [5]. Из этих примеров можно видеть, насколько ценилась жизнь человека в лагере.

14–15 апреля 1954 г. заключенные двух лагерных отделений, доведенные избиением до полусмерти охранниками по причине мнимого нарушения порядка, полностью не вышли на работу. Начавшееся таким образом недовольство заключенных постепенно вылилось в вооруженное столкновение с охранниками.

16 мая 1954 г. свыше 60 заключенных трех лагерных отделений, расположенных в поселке Кенгир, не подчинившись охране, вторглись на территорию другого лагеря. При помощи дополнительно призванной военной охраны нарушившие порядок были схвачены и заключены в тюрьму. Однако остановить восстание было очень трудно. Даже создание между лагерными пунктами по приказу лагерного начальства группы отстрела не остановило заключенных.

18 мая восстание вылилась в вооруженное сопротивление, в лагерных отделениях начали строить баррикады, крепости. Для руководства восстанием формируется специальной штаб, который возглавил бывший офицер Красной Армии К.И. Кузнецов, в него также вошли еще восемь человек. Задача руководства состояла в организации порядка и защитных мер. С целью связи с жителями за пределами лагеря восставшими использовались воздушные шары, разбрасывались листовки. Своими руками изготавливали оружие и даже взрывные устройства. 18 мая во время митинга, посвященного похоронной процессии, 18 заключенных, ставших первыми жертвами столкновения, К. Кузнецов призывал всех к сплочению и единому сопротивлению. Несмотря на то, что в начальный период восстания из Москвы пришел указ об его освобождении, он не оставил своих друзей и остался с ними до конца.

Исследователи документов восстания признают его организованность. На общем собрании, состоявшемся в лагере, восставшие написали письмо в адрес МВД СССР и Главного управления лагерями, в котором выдвинули требования о создании специальной комиссии по расследованию беззакония, имевшего место в лагере. Восставшими было принято решение до приезда комиссии не выходить на работу, не подчиняться администрации лагеря.

Вскоре прибыла солидная комиссия в составе заместителя МВД СССР генерал-майора С. Егорова, начальника Главного управления лагерями генерал-лейтенанта И. Долгих, ответственного работника Прокуратуры СССР Н. Вавилова [6]. Признавая, что с помощью военной силы ничего практически не достигнуть, комиссия дает указание для освобождения несовершеннолетних, больных, осужденных на короткий срок. И все же комиссия не пересматривает дела незаконно осужденных по 58-й статье.

Обостренные отношения между восставшими и официальным руководством сохраняются в течение 40 дней. Во время Кенгирского восстания Жезказган посетили министр государственной безопасности СССР Серов, министр МВД СССР Круглов, Генеральный прокурор СССР Руденко, член Президиума ЦК КПСС Фурцева. «Не могу поручиться дать гарантии, – заявила Фурцева во время встречи с заключенными. – Но не сомневаюсь в изменении вашей жизни в будущем». «Изменения», о которых было сказано, не заставили долго ждать. Осознав, что восставшие не согласятся на уговоры, принимается решение подавить восстание силой. Это решение обсуждалось на самом высоком уровне. Будучи на тот момент I секретарем ЦК Компартии Казахстана, Пономаренко просит разрешение об использовании войск против восставших. На эту просьбу дано согласие Политбюро ЦК КПСС [7].

На 40-й день восстания, 26 мая, два дивизиона военной охраны из 1600 чел., один дивизион внутренней охраны, группы со специально обученными собаками, три пожарные машины вторглись к заключенным. Им прокладывали дорогу, разрушая сооруженные восставшими баррикады, пять танков Т-34 [7]. Во время подавления вооруженного столкновения офицерами и командирами частей использовалось табельное оружие.

В результате вооруженного подавления сопротивления, по свидетельству оставшихся в живых, число жертв достигло несколько сот. А если опираться на официальные документы, то во время вооруженного столкновения было убито всего 46 заключенных, пять человек убиты самими заключенными, 61 получили различного рода повреждения и ушибы. Среди военных получили увечья 40 человек. Материальные затраты во время восстания составили 36908 руб., потери от отказа работать – 4708621 руб. [8].

Судьба 5200 участников восстания была нелегкой, особо активные 400 чел. заключены в тюрьму, поддержавшие восстание 1 тыс. чел. (500 женщин и 500 мужчин) были переведены в Магаданлаг и Озерлаг. Дела руководителей восстания были рассмотрены на выездной сессии Верховного суда Казахской ССР с 21 июля до 8 августа 1955 г. Вошедшие в штаб по организации восстания Э.И. Сученков, Г.И. Келлер, В.П. Рябов, Ю.А. Кномпус, В.П. Скирчук, В.В. Иващенко по ст. 58-3 Уголовного кодекса РСФСР были обвинены и приговорены к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 8 сентября 1956 г. [9]. Приговор, вынесенный руководителю восстания К.И. Кузнецову 5 августа 1955 г., Постановлением Верховного суда Казахской ССР был заменен на 25 лет заключения.

Тем не менее восстание не осталось бессмысленным, бесследным. Официальное руководство вынуждено было пересмотреть дела многих политзаключенных, в результате которых только в Степлаге 8 тыс. заключенных были оправданы и получили свободу.

Несмотря на все усилия держать в секрете известия о восстании в Кенгире, оно дошло до Запада. Так, женщины-украинки во время перевода из Жезказгана в Мордовию (Дубровлаг) тайно передали письмо восставших за границу. Это письмо в 1956 г. было опубликовано в Лондоне. В США, Германии бывший заключенный Степлага венгр Ференц Варкони, будучи свидетелем всего, написал и выпустил книгу. В 1956 г. В Нью-Йорке прошел митинг в поддержку осужденных Кенгирского восстания. Участники митинга обратились со специальным письмом к президенту США Д. Эйзенхауэру [10].

Если на западе о Кенгирском восстании говорили открыто, то на родине это событие оставалось под запретом. Даже в конце 1950-х гг. во время ослабления сталинского режима и в последующий период о восстании заключенных полностью не говорилось. Только в 90-х гг. XX в. с обретением Независимости Казахстана появилась возможность изучать и говорить о событиях так, какими они были.

Кенгерское восстание, всколыхнувшее всю лагерную систему, явилось началом распада Степлага. С 1955 г. администрация лагеря уменьшилась на 2309 чел., т.е. на 53,7%, число начальников – на 227 чел, т.е. на 50% [11]. В 1957 г. Степлаг, принесящий тысячам людей неисчислимо горе в их судьбе, был полностью закрыт.

Прошедшие годы никогда не сотрутся в человеческой памяти и займут достойное место в истории. Воспронести это и донести до следующих поколений – это задача исследователя.

Степлаг остался в памяти представителей многих народов, волею судьбы вынужденных находиться в тяжелых условиях. По сведениям на июнь 1954 г., в Степлаге было 2660 русских, 9596 украинцев, 2690 литовцев, 1074 латышей, 290 казахов и представителей других народов, входивших в состав Советского Союза.

В 1945–1947 гг. в лагерях военных заключенных были немцы, японцы, китайцы, корейцы и другие граждане государств, участвовавшие в Великой Отечественной войне. В Степлаге был даже капитан американской армии – негр, который на танке выехал в зону Красной Армии в Германии после войны [12].

На земле Жезказгана до сих пор сохранились остатки некоторых сооружений, напоминающих о лагере-мученике. Некоторые из молодых знают об этом, другие – нет. Пока живы свидетели этих лагерей, более тысячи заключенных Карлага и Степлага, они будут напоминать нам всегда об этом периоде истории.

Источники и литература

1. Архив Жезказганского областного управления внутренних дел. Ф. 52. Оп. 2. Д. 6. Л. 10.
2. Архив Жезказганского филиала Карагандинской области. Ф. 498. Оп. 35. Д. 7. Л. 29.
3. Там же. Оп. 38. Д. 9. Л. 20.
4. Там же. Д. 5. Л. 49.
5. Архив Жезказганского областного управления внутренних дел. Ф. 52. Оп. 2. Д. 6. Л. 11.
6. Газ. «Сарыарка». 1997. 5 апр.
7. Газ. «Казахстанская правда». 1994. 7 сент.
8. Там же.
9. Архив Жезказганского областного управления внутренних дел. Ф. 52. Оп. 2. Д. 6.
10. Там же.
11. Газ. «Казахстанская правда». 1994. 7 сент.
12. Архив Жезказганского филиала Карагандинской области. Ф. 498. Оп. 38. Д. 5. Л. 49; Оп. 36. Д. 2. Л. 2.

РЕПРЕССИИ КАК ФОРМА БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ ЯКУТИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ

А.А. Борисов (Якутск, Россия)

Якутия, с одной стороны, с самого начального периода освоения России стала местом ссылки. Здесь побывали поколения противников царской власти, участники заговоров и мятежей. С другой стороны, в истории самой Якутии было немало драматичных страниц, связанных с репрессиями. Парадокс заключался в том, что Якутия, долгое время служившая местом отбывания ссылки репрессированных, сама стала ареной политической борьбы, нередко принимавшей форму репрессий. Поскольку Якутия всегда занимала особое место в истории России, эти факты приобретали специфическое значение, связанное с региональными особенностями.

Еще первый якутский воевода Петр Головин, пользуясь бесконтрольностью со стороны центральных властей из-за значительной удаленности края от центра и еще слабым развитием коммуникаций, самодовольно заявлял: «Правда моя в Сибири, что солнце на небесах сияет» [1]. Как известно, в 1642 г., когда он прибыл в Якутский (тогда еще Ленский) острог в качестве воеводы, свое вступление в должность ознаменовал жестокими репрессивными мерами как против якутского населения, заподозренного в «измене», так и против своего товарища второго воеводы Матвея Глебова и его людей. Дело в том, что царское правительство, принимая решение об организации Якутского воеводства в 1638 г., пыталось таким образом установить новый порядок сбора ясака и управления. Идея была благая, но вылилась в ничем не оправданный террор и бесчинства распоясавшегося воеводы. Одним из главных мероприятий должна была стать перепись ясачного населения – дело новое, ранее невиданное и потому вызвавшее пересуды и нелепые слухи среди якутов, принявшие угрожающий характер. Ситуацию и без того напряженную еще более обострили служилые люди, ранее служившие в остроге, и прежде всего его бывший приказчик Парфен Ходырев. Все они и особенно он должны были быть примерно наказаны за злоупотребления и насилие, чинившиеся ими в Ленском крае в 1632–1638 гг. Дело доходило до братоубийственных столкновений между енисейскими, мангазейскими и томскими казаками в азарте погони за ясаком и другими богатствами края. Желая избежать заслуженного наказания, П. Ходырев способствовал распространению этих нелепых слухов намеренно, имея целью спровоцировать якутское восстание, чтобы списать часть своих «грехов» на «изменников якутов». Тем самым пытаясь обелить себя, оправдывая таким способом жесткие крутые действия. Он так и говорил якутам, уже сидя под следствием в острожной тюрьме: «соберите де войско большое да придите де к острогу да приступайте и как де вы станете приступать и меня де воевода тогда из за пристава для вашево приступу драгя выпустит и яз де тогда воивоуду Петра Головина сам убью а яз де с вами на русских людей стану за одно» [2].

Слухи упали на благодатную почву. Настороженные якуты, страдавшие от произвола лихих казачьих атаманов, охотно поверили слухам о том, что перепись имеет целью описание якутского скота для отнятия его, а затем и уничтожение самих якутов. Цель была достигнута – якуты взялись за оружие. Конфликт между воеводами, назревавший еще на пути к месту службы (а ехали они со всем штатом воеводской администрации без малого три года), принял осязаемые черты в ходе спора о том, проводить ли так скоро перепись. Лояльные к властям якутские князцы предупреждали воеводу о «шатости» среди якутов («боятся де якуты письма»), что нужно проводить перепись не спеша, прежде осмотревшись. О том же говорил Ефим Филатов, дяк воеводской канцелярии, поддерживавший М. Глебова. К несчастью, П. Головин не послушал разумных доводов в пользу осмотрительных действий. Переписчики были высланы в якутские улусы незамедлительно. В результате случилось самое худшее – вооруженное выступление якутов зимы 1642 г. Переписчики были перебиты в разных местах, острог окружен якутским ополчением. Далее события приняли непредвиденный характер. Постояв несколько дней в нерешительности возле острога, якутские отряды разошлись. Здесь сыграла свою роль агитация лояльно настроенных князцов и прежде всего намского Мымака и борогонского Логуя, которые, вероятно, были вовремя осведомлены об истинных намерениях властей.

Тем не менее, воевода П. Головин обрушил серию безумных репрессий на якутов за мнимую «измену», а на русских людей – за попустительство и соучастие. Попутно он свел личные счеты со своим недругом М. Глебовым, который вместе с несколькими десятками казаков и торговых людей просидел в тюрьме Ленского острога до приезда через три года новых воевод. К арестованным применялись пытки, их били кнутом и батогами, жгли огнем, подвешивали на дыбе. При этом П. Головин заставлял подвергавшихся истязаниям якутов и русских оговаривать М. Глебова и его товарищей. Батурусский князец Очей так и умер, не выдержав пыток, но, не оговорив никого. Обо всем этом безобразии подробно говорится в коллективной челобитной грамоте якутских служилых и торговых людей, которая хоть и с опозданием дошла-таки до правительства в Москве [3].

Обращает на себя внимание и тот факт, что благое дело – проведение переписи с целью более эффективного ясакообложения – сопровождалось насилием и жестокими репрессиями. Было казнено 23 наиболее видных якута

(«лутчих людей»): князцов, шаманов, «добрых мужиков». Прямым следствием этих событий стало паническое бегство и исход якутов на окраины и новая полоса отчуждения и недоверия между русскими властями и местным населением.

Теперь обратимся к примеру, не столь отдаленному от наших дней, но отстоящему от предыдущего почти на триста лет. Как известно, так называемое движение конфедералистов 1927 г., возглавленное П. Ксенофонтовым, стало поводом к началу репрессивной политики в Якутии конца 20–30-х гг. XX в. «Дело П.В.Ксенофонтова в последующем послужило поводом для развязывания репрессий против беспартийной интеллигенции и учащейся молодежи и наступления на капиталистические элементы, т.е. курса на ликвидацию в Якутии кулачества и «социально чуждой интеллигенции» [4].

Известно также, сколь трудно происходило установление новой власти в крае. Советскую власть понадобилось устанавливать дважды: вначале в июне 1918 г. это сделал на короткое время отряд А.С. Рыздинского, а затем в декабре 1919 г. в результате переворота против колчаковского режима. Хронология гражданской войны в Якутии до сих пор вызывает споры. 1923 г. – год краха пепеляевской авантюры – значительное число ученых считает конечной датой этой затянувшейся в крае войны. Вместе с тем есть основания считать таковой датой 1925 г. – год мирной ликвидации тунгусского восстания. Это восстание, вызванное перегибами «левых коммунистов», применявших методы «военного коммунизма», удалось ликвидировать почти бескровно. Здесь сыграли свою роль дипломатия и терпимость советских властей и военного командования (главкома К.К. Байкалова). Так или иначе в молодой республике было неспокойно. Образование ЯАССР в 1922 г. было разумным шагом, на время ослабившим напряжение. Но среди определенных кругов якутской интеллигенции и общественности зрело недовольство усеченным характером автономии. Они желали большего повышения статуса ЯАССР до статуса союзной республики. На выборах на IV Всеякутский съезд их лидеры не были избраны в советские органы власти. Поэтому наиболее горячие из них решились на так называемую «военную демонстрацию», как они сами выразились. Летом 1927 г. была образована Партия конфедералистов и созданы два отряда по шестьсот человек в каждом. Вновь, как это было не раз в истории, получили хождение слухи о зреющем заговоре с целью свержения советской власти вплоть до отделения от СССР. Вновь поступили доносы. В условиях наступления сталинского тоталитарного режима подобные выступления подлежали самому жестокому подавлению и были даже на руку сторонникам теории о том, что по мере движения к социализму классовая борьба будет нарастать. Так и случилось. Вначале были схвачены и расстреляны активные деятели конфедералистов. Затем гонения начались на национальные кадры Советской Якутии, которые пытались мирно ликвидировать выступление конфедералистов. Для этого были проведены переговоры, сам Байкалов поручился в неприкосновенности добровольно сдавшихся повстанцев до приезда примирительной комиссии ЦК ВКП(б). Но машина террора была запущена. С затяжной инерцией она вновь прокатилась в 1938–1939 гг. по национальной интеллигенции, деятелям местных советских и партийных органов [5].

Сотни и тысячи людей, отсидев различные сроки, потянулись в ссылку на «Соловки», Караганду, в том числе и по некоторым данным и в Коми АССР (например, управляющий агентством «Якутзолотоснаб» И.М. Левин, получивший 20 лет и высланный в г. Воркуту; С.В. Васильев, директор 2-го Московского авторемонтного завода, сосланный на 5 лет в г. Канин Нос и др.) [6].

Вновь, как это было в истории края, отдаленность от центра, перегибы, связанные с некомпетентностью, провокации и доносы в малокультурной среде сыграли решающую роковую роль в событиях конца 1920–1930-х гг.

В истории Якутии можно назвать еще один период репрессивной политики, пришедшийся на 1830-е гг. Ему предшествовал период, когда развивалось движение якутов за расширение самоуправления [7]. В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», где были определены принципы инородческого самоуправления. Таким народам, как буряты, хакасы было дозволено создавать Степные думы – собрания, объединявшие территориальные родовые группы. Для якутов первоначально не было предусмотрено образование степных дум, но стараниями их лидеров и благодаря либеральным настроениям некоторых чиновников областного правления (областному начальнику Н.И. Мягкову) она была учреждена и всего за 11 лет в 1827–1838 гг. она сумела сделать многое. Причиной закрытия стала наметившаяся тенденция превращения думы в оппозиционный орган власти, который стал замещать функции местной власти. Это вызвало недовольство и негативную реакцию среди чиновничества области. В Сенат поступил донос от одного из них (Кривошапкина, уволенного Мягковым за какую-то провинность). В Якутск была направлена специальная комиссия для расследования законности действий Думы. Далее события развивались по самому худшему сценарию. Якутской степной думе было запрещено отправлять депутацию на встречу с Николаем I, где они хотели изложить самые насущные проблемы. Затем при загадочных обстоятельствах в течение года один за другим ушли из жизни три главных деятеля Думы И. Мигалкин, Г. Старостин, Н. Рыкунов. Началось многолетнее следствие над злоупотреблениями родоначальников Думы, обвиненных в незаконном присвоении общественных сумм. Другими словами, иначе как репрессиями, это не назовешь. Был отозван либерально настроенный к якутам и способствовавший Думе областной начальник Н.И. Мягков, подвергся гонениям и другой чиновник А.Я. Уваровский (автор первого художественного произведения на якутском

языке), также помогавший Думе. В конце концов, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири в 1838 г. Якутская степная дума была закрыта.

Главным следствием во всех рассматриваемых случаях стало утверждение атмосферы недоверия и настроенности. Ведь репрессии начинались с доносов, провокаций и даже нелепых слухов, иногда намеренно распространяемых. Хотя прошли века, но механизм репрессий и их ход остались те же. Чувство безнаказанности, порожденное отдаленностью от контроля центральных властей, и сравнительно низкий культурный уровень (слабая информированность из-за неразвитости средств коммуникаций) местного населения в свою очередь порождали чудовищные по своей жестокости репрессивные действия и беззаконие. Одновременно это наносило урон престижу власти. В первом случае – режиму царского правительства периода Московского государства. Еще долгие годы люди, бежавшие от дикого произвола воеводы П. Головина, помнили об этом и страшились самого вида служилых людей. А сами служилые люди в период воеводства Д.А. Францбекова почти через 20 лет после описанных событий сочинили сатирический каламбур: «был де Головин, и то де головою покатыл, а приехал де с товарищи Василей Пушкин, так де стало пуше, а как Дмитрий Францбеков приехал, так весь мир разбегал» [8].

С чувством горечи писал через десятилетия в своих «Воспоминаниях» А.Я. Уваровский о том, что время правления областного начальника Мягкова было радостным временем для якутов, а ныне (т.е. в современное ему время) они прозябают под властью слабых начальников [9]. В условиях императорской России это был период николаевской реакции на свободомыслие в любом его проявлении, будь то декабристское движение или кружки революционных демократов или борьба за самоуправление на национальных окраинах.

Особо следует сказать о репрессиях 1920–1930-х гг. Как считают специалисты, именно с этого времени укоренилось пагубное мнение о национализме среди общественно-политических деятелей и национальной интеллигенции Якутии, и «...с этого момента внесудебный произвол приобретает широкий размах, вовлекая в свою орбиту все новые социальные слои, в первую очередь руководство республики» [10]. Следователи НКВД пытались выявить доказательства сращивания якутского «буржуазного национализма» с правыми троцкистами, выбить из арестованных вынужденные признания с целью доказать существование «Антисоветского правотроцкистского буржуазно-националистического блока». Это им не удалось, так как многие из арестованных проявили стойкость и мужество во время нечеловеческих допросов, в ходе которых применялись незаконные, жестокие методы пыток, мало отличавшиеся от тех, что применяли палачи воеводы П. Головина.

История имеет свойство повторяться, но с точки зрения гуманизма и духовных ценностей человека все, что связано с насильственными действиями, тем более с репрессиями как метода борьбы, заставляет вновь и вновь задуматься над ценой этой борьбы и их последствиями, прежде всего нравственного характера. Несмотря на усмотренные исторические параллели, хочется верить, что они не порождены какими-то особенностями культуры или менталитета. Тем не менее некоторые факторы, по-видимому, создавали схожий механизм и логику репрессивной политики, будь то это первые годы продвижения русских «встречь солнцу» на восток, или период сталинского тоталитаризма. Это удаленность от центра, слабость и безответственность местной административной системы, общий низкий уровень культуры, отсутствие демократических традиций, неразвитость институтов гражданского общества. Последствия репрессивных действий ощущались длительное время, оказывая отрицательное воздействие на престиж власти, нравственную атмосферу и психологический климат и, в конечном счете, на человеческие взаимоотношения. Никакие благие цели не могут оправдать насилие в любой ее форме.

Источники и литература

1. Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993. С. 25.
2. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 276. Л. 5-6; Борисов А.А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск, 1997. С. 113.
3. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII веке: Сб. документов. Л., 1936.
4. Иванова Т.С. Из истории политических репрессий в Якутии (конец 20-х – 30-е гг.). Новосибирск, 1998. С. 37.
5. Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Республике Саха (Якутия) (февраль 1917 – 1941). Якутск, 1998; Он же. Обреченные. Намцы, 1993; Он же. Признаю виновным...» Служба безопасности РС (Я): исторический очерк. М., 1996; Он же. Тайная война. Якутск, 2005; Малькова А. (Клиорина И.С.) Василий Никифоров. События. Судьбы. Воспоминания. Якутск, 1994; Николаев И.И., Ушницкий И.П. Центральное дело (хроника сталинских репрессий в Якутии). Якутск, 1990 и др.
6. Иванова Т.С. Указ. соч. С. 251, 265.
7. Борисов А.А. Социальная история якутов позднего средневековья и нового времени. Новосибирск, 2010. С. 126-134.
8. Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 25-26.
9. Уваровский А.Я. Воспоминания / Пер. с якутского. Якутск, 1995. С. 38, 40.
10. Иванова Т.С. Указ. соч. С. 148.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СТУДЕНТОВ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В 1920–1930-е ГОДЫ

О.Л. Рябченко (Харьков, Украина)

Процессы социальной трансформации в 1920–1930-е гг. всегда пользовались повышенным вниманием исследователей. Все они называли эти годы необычными и противоречивыми, но, как точно отметил Н. Глазков, чем эпоха интереснее для исследователя, тем она печальнее для современника.

Трансформационные процессы охватили в то время все сферы жизни общества, в том числе и высшую школу. Политика коммунистов по отношению к студентам отличалась последовательностью, сочетала в себе методы идеологического давления и административного влияния на противников [1]. Но, несмотря на все усилия власти по пролетаризации студентов, их контингент до конца 1920-х гг. преимущественно характеризовался как «мелкобуржуазный»: во многих вузах сильным было влияние эсеров, укапистов и других антибольшевистских группировок и только слухи о перерегистрации «вызвали усиленное сочувствие КП(б)У» [2]. Большинство вузовских коллективов воспринимали советские нововведения отрицательно или с осторожностью, отношение профессором и студентов к коммунистам было враждебным, а в помещениях институтов нередко висели иконы, портреты В. Винниченко, срывались плакаты и объявления комячейки [3]. «Искренних сторонников советской власти из них, конечно не будет», – отмечалось в политотчете Полтавского ИНО [4]. Многих обвиняли в «печатании и распространении антисоветских листовок, журналов», в антисоветской агитации, выступлениях на институтских собраниях [5].

Студенчество не ограничивалось противостоянием внутри учебных заведений. В феврале-марте 1922 г. с протестами против нового «Положения о вузах» выступили профессора Киева, Одессы, Каменца-Подольского [6], а в Москве, Петрограде, Харькове и других городах прошли студенческие митинги и демонстрации [7]. Но, как отмечали современники, к протестам власть всегда оставалась глухой, а чаще всего отвечала новыми арестами [8]. Например, в 1921–1922 гг. в вузах Украины происходили аресты студентов – членов партии эсеров и меньшевиков, наказанием, как правило, была высылка за границу и в Туркестан [9].

Студенты, «неспособные поддаваться политическому влиянию и не отвечавшие духу пролетарской школы», надолго в ней не задерживались, именно против них были направлены перманентные чистки, проходившие в вузах в это время [10]. О систематичности этой работы говорят многие документы: отчеты учебных заведений, разные эго-документы. Бывшая студентка Киевского ИНО, писательница Д. Гуменна отмечала, что чистки шли одна за одной – «в моем лексиконе начал появляться этот новый до сих термин. Это крылатое слово начало порхать на собраниях, в объявлениях, на комиссиях» [11]. Практически каждому студенту, несмотря на происхождение и партийность, пришлось пройти через них. Кроме объявленных всеобщих кампаний, с 1921 г. в институтах действовали всевозможные краткосрочные комиссии, начиная от регистрации воевавших в составе вражеских армий и заканчивая перерегистрацией студентов-первокурсников, оставленных на второй год обучения. Списки неблагонадежных студентов составлялись и подавались в комиссии по чистке партийными и комсомольскими ячейками вузов, именно благодаря им студенчество «было занузвано, укрощено в его самостийничьих настроениях. На общих собраниях враждебные выступления были исключены, резолюции по тем или иным вопросам принимались единогласно. Но за этим единогласием пряталась еще глухая враждебность или пассивность» [12]. Трудно сегодня говорить о том, насколько спокойно проходили чистки в вузах, одни, по воспоминаниям, могли прекрасно работать «и в этой неразберихе» [13], в других разыгрывались настоящие драмы и ломались судьбы. Причем вычищались и «бывшие», и лица пролетарского происхождения, и те, кто воевал в Красной армии, и академически успевающие. Чаще всего для всех категорий студентов причины исключения были одни и те же – «как социально-враждебный элемент» или «как академически неуспевающий». Определить по этим данным достоверность причины практически невозможно. Например, из Полтавского ИНО во время социально-академической проверки 1924 г. «как академический и общественный балласт» был исключен полностью успевающий студент III курса Мигаль К.Г. [в 1943–1944 гг. был деканом исторического факультета Харьковского государственного университета], выходец из действительно бедной крестьянской семьи, который «сдал не только необходимый минимум зачетов для перехода на высший курс, а и 4 зачета сверх того, а также активно отбывал все необходимые практические занятия» [14]. Реальной же причиной исключения успешного студента, по нашему мнению, были его симпатии к УКП, кандидатом в члены которой он состоял.

Несмотря на значительное сокращение количества студентов в результате таких акций, они не могли в конечном итоге, как отмечалось в отчетах, основательно изменить «физиономию» студенческого состава, но моральное значение они имели. Оставшихся такие чистки заставляли «подтянуться» в учебе и «втянуться» в общественную работу» [15].

Процедура «чистки» проходила путем индивидуального опроса студентов, вызванных на специальные заседания местных комиссий. К нам дошли воспоминания студентов разного социального происхождения о таких

«судилищах» [16]. Решение местных комиссий вызывали гнев и негодование одной части студенчества, панику – у другой. Сообщения об исключении «каждый студент встречал с сильным волнением. Кое-кто плакал и истерически выкрикивал: «Вокруг вранье и неправда», «необходимо организовываться», «так туманить взрослых людей невозможно». Молодежь требовала четко формулировать мотивы увольнения, но в Киевском медицинском институте, например, «члены комиссии не реагировали на требования студентов, они даже не считали нужным говорить с исключенными...» [17].

Исключенные из Киевских вузов, отмечал начальник Киевского окружного ГПУ Иванов, настроены озлоблено и нервно. Отдельными студентами высказывалась мысль о мести и терроре. В Медицинском институте группа студентов пыталась призвать путем распространения прокламаций к террору над «якобы учинявшими над ними насилие участниками проверочных комиссий» [18]. Появились политические листовки с призывом к объединению и решительным действиям против насилия в Киеве [19] и Харькове: «Помните, что только решительностью действий мы можем достигнуть своей цели и уничтожить террор «социалистических народных рабоче-крестьянских погонщиков» [20]. Наиболее активные студенты, которые протестовали против чистки, были арестованы. Стопроцентному пролетарию А. Давиденко, братья которого погибли на фронтах гражданской войны, находясь в лавах Красной Армии, за распространение листовки пришлось «заканчивать обучение» на Соловках [21]. По словам В. Бруновского, в 1926 г. из Киева в Бугырскую тюрьму привезли 76 «бандитов», среди них – восемь студентов, которые организовали протест против академической чистки. Все они были казнены [22].

Масштаб трагедии маленького человека тяжело измерить статистикой, как и передать душевное состояние исключенного из вуза человека. Отчаяние и потеря веры в справедливость донесли нам воспоминания Д. Нитченко: «Какой это ужас в миг ощутить, что ты оказался за бортом жизни, что ты никому не нужен, ощутить и видеть, как от тебя все держатся в стороне... Несколько дней я ходил, как прибитый, под страшной депрессией. Я видел, что жизнь для меня закончена. Вечером я пошел на вокзал с намерением броситься под поезд» [23]. Известно немало примеров самоубийств студентов как реакция на несправедливость. Об этом упоминал заместитель наркома образования УССР А.Т. Приходько [24], об этом неоднократно рассказывалось в прессе. Бесильные против тоталитарной системы, добровольно уходя из жизни, самоубийцы пытались таким образом обратить внимание широкой общественности на действительное состояние общества. О влиянии на систему в этом случае говорить мы не можем. Пролетарское студенчество, как указывалось в прессе, «рассматривало этот жест как попытку подорвать нашу работу в деле проверки студенческих рядов» [25].

В конце 1920-х гг. практика «чисток» приобретает новое содержание и чрезвычайно широкий масштаб: она начала проводиться как плановая, систематическая повседневная работа. По сообщению Укрпрофобра, в 1929 г. была «усовершенствована анкета для поступающих, а также разработана специальная справка, в которой должно быть подробно указано о социальном и усадебном состоянии до революции и сейчас» [26]. Помогали выявлять неблагонадежных студентов в это время отряды «легкой кавалерии».

В редакции разных периодических изданий постоянно поступали многочисленные справки на студентов, которых «не должно быть в пролетарских вузах, воспитывающих будущих специалистов с пролетарской идеологией». В частности, в газете «Комсомолец Украины» сообщалось, что редакции завалены заметками о «волках в овечьей шкуре» [27]. Студенчество требовало «генеральной чистки» вузов от классово-враждебных элементов под лозунгом: «Ни одного чужого не оставлять в вузах. Тех, кто затаил свое лицо, нужно не только исключать, но и привлекать к криминальной ответственности и судить в показательном порядке» [28]. В периодике студентов открыто призывали доносить друг на друга: «...нужно всем студентам, как только кто знает о ком что-то подозрительное, так и подавать заявление. Что это за студент, когда он не беспокоится за чистку своего вуза» [29]. Пресса того времени изобилует сообщениями о многочисленных «врагах», поэтому справедливо заметил «суровый аналитик эпохи» В. Пидмогильный: «...Классовый враг, это у нас на каждом заводе и в каждом учреждении будто штатная должность, которую кто-то, да должен занимать» [30].

В соответствии с директивами ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) в 1929 г. о систематической очистке институтов от враждебных элементов, в вузах создавались специальные комиссии по проверке социального состава студенчества [31]. В 1930-е гг. чистки стали публичными, явка студентов на них была обязательной. Студентка Харьковского университета Л. Дряжевская вспоминала: «Осенью 1934 г. в течение нескольких месяцев, где-то от семи до десяти вечера три или четыре раза в неделю в большой аудитории – амфитеатре происходила публичная чистка членов партии, студентов и преподавателей университета. ... Вызванный становился около стола и коротко рассказывал свою биографию. Потом ему задавали вопросы сидевшие за столом и желающие из аудитории» [32]. Документы свидетельствуют, что самоотверженно разоблачали «врагов народа» единицы, большинство молчало или говорило штампами о том, что нужно повышать политическую бдительность, и молча расходилась после собраний, не обсуждая услышанное и увиденное. Лишь иногда осмеливались на более решительные шаги, например, после критики отдельных преподавателей на открытых партийных собраниях подавали в парткомы заявления с положительной характеристикой раскритикованных [33].

В целом, к середине 1930-х гг. коллективы высших учебных заведений внешне вынуждены были проявлять безразличие к всевозможным идеологическим штампам, к постоянному появлению «врагов» в своей среде,

к «чисткам» среди профессорско-преподавательского состава и студентов, привыкали к аморальности. Трудно представить, как молодежь почти единодушно исключала своих товарищей из вузов, единодушно их осуждала, одобряя предложенные решения.

Общую статистику исключений на сегодня установить невозможно из-за отсутствия таких данных. В наличии имеем лишь отдельные показатели. После чистки комсомола последних курсов институтов, в конце 1931 г. средний процент исключенных из тех, кто закончил вузы, по некоторым институтам Киева, Одессы, Запорожья, Николаева составлял 14%; тех, кто имел взыскания, – 16,3%. В некоторых вузах этот процент был выше. В Киевском политехническом институте исключено из окончивших вуз 22,7%, в Киевском свекольно-сахарном институте – 40%. Большинство исключений приходилось на «социально-чуждых людей по своему происхождению и идеологии» [34]. Таких массовых исключений студентов, как в 1920-е гг. и на рубеже десятилетий, в 1930-е гг. не было. Они все больше приобретали другое содержание – на смену исключениям по социальному происхождению приходили аресты за «контрреволюционную» деятельность. На 1935 г. имеем такие данные об исключении за «враждебное» происхождение: из Киевского индустриального института – 24 студента, из Днепропетровского горного – 20, Одесского индустриального – пять, Харьковского инженерно-строительного – шесть, Харьковского инженерно-экономического – три, Рубежанского химико-технологического – четыре студента [35]. Арестованы были единицы: в Одесском индустриальном институте – один, Днепропетровском горном – два, Харьковском инженерно-экономическом – два, Рубежанском химико-технологическом – восемь. Даже на физико-математическом факультете ХГУ, где фиксировалось «наиболее сильное распространение контрреволюционных теорий и влияния на студенчество», в марте 1936 г. за «контрреволюционную деятельность» было исключено одиннадцать студентов, в августе следующего – семь [36].

С каждым годом в вузах увеличивалось количество студентов, в семьях которых были «враги народа» или родители которых были репрессированы. Проф. Б. Красовицкий вспоминал, что 1937 год студенты «почувствовали и в университете», где приходилось учиться в атмосфере подозрительности и страха: «С детьми «врагов народа» окружение старалось не «водиться», всячески избегали близкого общения с ними» [37]. То же отмечает и О. Соловей: «Во времена моего студенчества мы не вели никаких разговоров относительно происхождения или относительно политики. Будто за Орвеллом [Дж. Оруэлл – *O.P.*], все опасные темы исключались. Люди держались отдельными кучками, встречались лишь на лекциях и мало знали друг о друге. ... Неусыпный глаз следил за нами внимательно, в этом я убедилась на собственном опыте» [38]. Жизнь принуждала студентов не доверять друг другу, это недоверие угнетало, все прекрасно знали, что среди них кто-то непременно, но был информатором, которых особенно много развелось среди студентов в 1930-е гг. А.Шпорт вспоминал, что одних они «знали в лицо, других подозревали, но никто из нас не ошибался – как бы они не маскировались, мы их знали... Их кто-то проталкивал в партком, комсомольский комитет группы, потом – факультета. Их знали преподаватели. Пришибевы были в цене, на них как будто был «социальный заказ». Они все слышали, все видели, все перевертали с ног на голову, но им верили» [39].

С середины 1930-х гг. начинается демонстративная кампания примирения с выходцами из «социально-враждебных» слоев населения, в частности, вузам рекомендовали стать «колоссальными воспитательными центрами», используя разнообразные методы «переделки, перевоспитания людей» [40]. Отсев «чужих» студентов предлагалось использовать как последнее средство, на первом месте должна стать «вдумчивая, сознательная, планомерная переделка людей» [41].

Семейные связи с «врагами народа» или непролетарское происхождение длительное время еще будут преследовать молодежь, за такой «грех» могли легко исключить из комсомола, а значит и из института [42]. Некоторым студентам, отнесенным к категории «чужих» и исключенных из институтов, удалось получить разрешение на продолжение учебы в руководителей республики, особенно после знаменитой фразы И. Сталина «Сын за отца не отвечает». Но в большинстве случаев судьбу решали местные организации, которые не всегда считались с полученным разрешением и опротестовывали решение сверху. Например, когда сестру известного украинского новеллиста Г. Косынки (Стрельца) после расстрела брата лишили права учиться, она, как и много других, написала письмо П. Постышеву с просьбой восстановить ее в составе студентов. Ответ был положительным: «Учитесь, сестра за брата не отвечает», но в комитете комсомола разрешение это порвали, а просительницу выгнали, угрожая расправой [43]. В аналогичных случаях мечты о получении образования оставались невыполнимыми.

Таким образом, непреклонная вера лидеров большевиков в то, что должен быть один шаблон мировосприятия, что многомерность взглядов опасна, диктовала необходимость постоянных поисков «врагов» в студенческой среде и стала характерным признаком общественного поведения. Образ «врага» стал обобщающим образом всех противников социализма – и «социально – чужих», и оппозиционеров, и даже людей с собственным мировоззрением. Против них и направлялись всевозможные репрессии. Решающими в процессах избавления от «врагов» в середине студенческой корпорации были межличностные отношения, даже личные симпатии или антипатии. Весомое место принадлежало комсомольским и партийным активистам, часть которых готова была ради собственной карьеры и безопасности разоблачать и обвинять ни в чем не повинных людей. Перманентные чистки и аресты, которые использовались для преодоления многочисленных «уклонов» и борьбы с реальными

и надуманными «врагами», создавали атмосферу напряжения, недоверия к ближнему и заставили подавляющее большинство студентов усвоить совсем нехитрую науку верного ориентирования в политическом пространстве советского вуза: быть не просто молчаливым наблюдателем, а «пылким сторонником» политики большевиков. Фетишизация собственной позиции в результате приводила к разрушению системы ценностей, характерной для общества в прошлом.

Источники и литература

1. Квакин А.В., Постников Е.С. Завоевание высшей школы. Профессорско-преподавательский состав и студенчество России в пореволюционное время (1917 – конец 1030-х годов) // Научный журнал «Экономика-Право-Политика-Безопасность». М.: Изд-ий дом «Ветераны спецслужб, 2009. С. 494.
2. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 405. Л. 53; Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 2. Д. 1077. Л. 171.
3. ГАХО. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 405. Л. 53.
4. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф.Р-495. Оп. 1. Д. 8. Л. 170, 176.
5. Отраслевой архив Службы Безопасности Украины. Харьков. Д. 015151. Л. 8.
6. Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні у 1920-ті рр. Тернопіль: Збруч, 2000. С. 92.
7. Маслов С.С. Россия после 4 лет революции. Париж: Русская печать, 1922. С. 171.
8. Сорокин П. Современное состояние России. Прага: Линва, 1922. С. 79.
9. Отраслевой архив Службы Безопасности Украины. Харьков. Д. 015151. Л. 8.
10. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 1513. Л. 46-47.
11. Гуменна Д. Дар Евдотеї. Испит пам'яті. К.: Дніпро, 2004. Кн. 1. С. 158.
12. ГАПО. Ф.Р-495. Оп. 1. Д. 8. Л. 177.
13. Утевский А.М. Начало пути // Университеты (Харьков). 2005. № 3. С. 68.
14. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 5. Д. 604. Л. 79.
15. ГАПО. Ф.Р-495. Оп. 1. Д. 8. Л. 177.
16. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 6. Д. 10514. Л. 413; Гуменна Д. Дар Евдотеї. Испит пам'яті. С. 159.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1908. Л. 17.
18. Там же. Л. 16.
19. Там же. Л. 20.
20. ГАХО. Ф.Р-6452. Оп. 6. Д. 594. Л. 66, 68.
21. Там же.
22. Бруновский В. Дело было в СССР. Странички из воспоминаний бывшего «смертника» // Архив русской революции. М.: Terra, 1993. Т. 19-20. С. 132.
23. Нитченко Д. Від Зінькова до Мельборну // Березіль. 1992. № 3-4. С. 71.
24. ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 9. Д. 52. Л. 148.
25. Дефі Ф. Замість некролога // К.П.І. Газета пролетарського студентства, професури та службовців Київського політехнічного інституту. 1929. № 80.
26. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1908. Л. 20.
27. Комсомолец України, 1929. 19 лютого.
28. Комсомолец України, 1929. 17 грудня.
29. Ворог напирас. До чистки вишив (ХІНО) // Студент революції. 1930. № 4. С. 49. Подпись: О.К-н.
30. Підмогильний В. «З життя будинку» // Підмогильний В. Оповідання. Повість. Романи. К.: Наукова думка, 1991. С. 235.
31. Вища школа Української РСР за 50 років. Ч.1 (1917 – 1945 рр.). К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1967. С. 200.
32. Харківський університет очима колишніх студентів. Дражевська Л. (1928–29, 1933–35) // Сучасність. Мюнхен, 1982. Ч. 1-2 (261 – 262). С. 262.
33. ГАХО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 230. Л. 314.
34. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4637. Л. 21.
35. ЦГАВО Украины. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 361. Л. 37, 43, 49, 66, 90.
36. ГАХО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 260. Л. 172.
37. Красовицкий Б.М. Воспоминания. Харьков: Фолио, 2008. С. 153.
38. Харківський університет очима колишніх студентів. Оксана Соловей (1936–1941) // Сучасність (Мюнхен), 1982. Ч. 1-2 (261-262). С. 275.
39. Шпорт А. Беззаконня. Нотатки репресованого // Київ. 1991. № 7. С. 12-13.
40. ЦГАВО Украины. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
41. Там же.
42. Постановление Пленума ЦК ВЛКСМ об ошибках, допущенных комсомольскими организациями при исключениях из комсомола, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВЛКСМ и о мерах по устранению этих недостатков // Советское студенчество. 1938. № 3. С. 9 (6-11).
43. Гончар О. Щоденники. К.: Веселка, 2008. Т. 2. С. 206.

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В 1930–1950-е гг.**

Н.М. Игнатова (Сыктывкар, Россия)

Проблема принудительного труда является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день в исторической науке. В исследовании «Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография» один из авторов А. Литвин, анализируя работы ученых по тематике «экономическая модернизация», делает вывод о двух направлениях в историографии принудительного труда: либерального и консервативно-реставрационного. Сторонники первого направления рассматривают особенности Сталинской модернизации, учитывая ее насильственные меры, приведшие к огромным людским потерям. Историки ставят вопросы о неэффективности применения принудительного труда заключенных и спецпереселенцев, использовании на восстановительных работах военнопленных. Иной точки зрения придерживаются сторонники консервативно-реставрационного направления. Их главный довод: в результате модернизации Россия в XX в. преобразовалась из аграрной в индустриальную страну, поэтому нельзя идентифицировать советское время только с историей ГУЛАГа. Исследователи этого направления убеждены, что в то время страна шла по пути модернизации в русле мирового процесса [1].

Исследователь П. Грегори в монографии «Политическая экономия сталинизма» отмечает, что экономические и политические аспекты диктатуры были неразрывно связаны. Он также указывает на то, что с момента начала коллективизации развитие Советского Союза определялось общенациональными планами, направленными на индустриализацию страны кратчайшими сроками [2].

Один из самых авторитетных исследователей истории спецпереселенцев В.Н. Земсков связывает принудительные миграции непосредственно с экономическими причинами: «направление больших масс людей на спецпоселение – следствие государственной политики спецколонизации, то есть освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений» [3].

Один из крупнейших исследователей истории спецпереселенцев в Сибири С.А. Красильников вводит термин «репрессивная экономика», где ключевой категорией выступает принудительный труд. Этим термином определяется институционально оформленная социальная система, обладающая только ей присущими базовыми признаками: имеет особую подсистему организации и управления, снабжена всеми видами ресурсов, основана на эксплуатации труда различных групп «спецконтингента» и призвана обеспечить достижение тех или иных целей и результатов в сроки и в масштабах, не достижимых обычными, ординарными экономическими средствами [4].

Следует отметить, что полем активной дискуссии становится вопрос эффективности принудительного труда (методы принуждения, формы стимулирования, принципы экономического управления). Отражением этого дискурса является коллективная монография «ГУЛАГ: экономика принудительного труда», изданная в 2008 г. [5]. В основном исследователи сходятся в том, что принудительный труд был неэффективен. Исследователь Н. Верт отмечает, что быстрый рост ГУЛАГа в послевоенные годы привел к глубокому кризису системы принудительного труда, и вопрос демонтажа ГУЛАГа, по крайней мере частичного, ставился еще при жизни Сталина [6]. В.А. Бердинских подтверждая тезис, отмечает «XX век отчетливо доказал, что любые формы внеэкономического принуждения в массовом производстве катастрофически убыточны, и убытки эти не прекращаются с завершением эксперимента» [7].

Исследователь истории спецпереселенцев-«бывших кулаков», подвергшихся выселению в период массовой коллективизации, Л. Виола делает обширный вывод о том, что крестьянство являлось «внутренней колонией» для страны, и указывает на то, что режим эксплуатировал эту внутреннюю колонию для пополнения несметной армии подневольного труда, что стало одним из наиболее дорогостоящих примеров подобной насильственной практики в XX в. Режим использовал принудительный труд для экономического развития страны: добычи сырья для индустриализации, а также колонизации обширных удаленных северных и восточных территорий Советского Союза.

Необходимо согласиться с выводами Л. Виолы о том, что производственные показатели были важнее доводов о том, что спецпереселенцы являлись живыми людьми. Планы модернизационных социальных преобразований, которые разрабатывались в Москве, имели мало общего с примитивными условиями отдаленных необжитых территорий или реальными возможностями режима по воплощению этих желаний в жизнь. Со временем экономическая ситуация свидетельствовала о бессмысленности принудительного труда и о неподдающихся представлению финансовых и людских затратах, ушедших на попытки заселить отдаленные северные земли, где условия изначально были непригодны для жизни. Результатом такой политики стало постоянное восполнение населения спецпоселков за счет новых притоков «врагов» – преступная и бессмысленная растрата человеческих жизней, продолжавшаяся в течение всего сталинского периода [8].

Разработка природных ресурсов, необходимых для индустриализации, ускоренными темпами в отдаленных регионах страны осуществлялась принудительным трудом заключенных и спецпереселенцев. В 1930–1950-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились неоднократные массовые насильственные

перемещения различных групп населения. К принудительным миграциям относятся выселения и переселения по решениям административных органов (спецпереселения) и депортации. Граждане, высланные в принудительном порядке с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны в 1930–1950-е гг., именовались спецпереселенцами (спецпоселенцами, трудпереселенцами). Одной из основных задач политики принудительных миграций было использование труда спецпереселенцев в различных отраслях промышленности в отдаленных и малозаселенных регионах, где существовал недостаток кадров.

В Северном крае (существовал до 1936 г., включал Коми автономную, Архангельскую, Вологодскую области) труд спецпереселенцев использовался в целях ускорения развития лесозаготовительной и лесопромышленной отраслей промышленности. По постановлению СНК СССР от 16 августа 1931 г. и генеральному соглашению между Главлеспромом и ГУЛАГом ОГПУ от 10 июля 1931 г. спецпереселенцы передавались трестам лесной промышленности и закреплялись как постоянные кадры лесных рабочих [9]. Сельское хозяйство в северных спецпоселках было второстепенным занятием. В 1934 г. на предприятиях лесной промышленности Северного края числилось 48038 спецпереселенцев (взрослых и детей) [10].

На примере Коми АССР можно утверждать, что северные регионы не могли справиться с поставленными государством индустриальными задачами без завоза рабочей силы. В частности, в Коми крае на территорию 393 тыс. кв. км приходилось 273,9 тыс. кв. км лесного массива [11]. Общий запас древесины спелых насаждений составляли 1826 млн. куб. м, исходя из этого перед руководством Коми области в конце 1920-х гг. в свете политики ускоренной индустриализации ставилась задача максимального использования колоссальных запасов древесины [12]. За первую пятилетку (1928–1933 гг.) было намечено заготовить 4 млн. куб. м. Для этого ориентировочно к концу пятилетки необходимо было привлечь на лесозаготовки в Коми область 21525 чел. Планировалось, что в середине 1930-х гг. в лесу будет работать 40775 чел. [13].

На лесозаготовках по Коми области ежегодно было занято от 15 до 20 тыс. чел. Это были сезонные рабочие, работавшие семь-десять месяцев в году [14]. Постоянная рабочая сила в лесной промышленности практически отсутствовала. Кадровых рабочих в 1929 г. в Коми области было 603 чел., в 1930 г. – 1287 чел. [15]. В конце 1920-х гг. вербовка колхозников и единоличников в течение нескольких лет срывалась, поэтому ставка была сделана на завоз рабочей силы извне. В основном спецпереселенцы начали использоваться на лесозаготовках с декабря 1931 г. В 1932 г. на заготовке леса из 14 тыс. трудоспособных трудилось 3170 чел. [16], которые тем не менее составили около 50% рабочих в лесу [17]. По итогам 1933 г. в состав рабочих треста «Комилес» входило 16976 чел.: 3787 постоянных рабочих (в том числе 3096 спецпереселенцев – 81% от числа кадровых рабочих) и 11850 сезонников [18]. С 1932 по 1936 г. в среднем на лесозаготовительных работах использовалось около 4 тыс. чел.

В Архангельской области, так же как и в Коми АССР, спецпереселенцы преимущественно использовались на лесозаготовках. Как отмечает исследователь В.И. Коротаяев, спецпереселенцы рассматривались «как кадры для форсированных лесозаготовок», а на побережье Северного ледовитого океана они должны были заниматься «иодными и рыбными промыслами». Исследователь отмечает, что около 90% спецпереселенцев было занято на работах в лесу. Кроме этого спецпереселенцы были задействованы на строительстве Архангельского целлюлозно-бумажного комбината и других целлюлозных и лесопильных заводов, Судостроя, гидросооружений, железных и автомобильных дорог [19].

Лесная отрасль была одной из наиболее приоритетных в рамках индустриального рывка. В 1937 г. спецпереселенцев на предприятиях Наркомлеса использовалось 19% от всех занятых на работах спецпереселенцев-«бывших кулаков» (трудпоселенцев). Кроме этого спецпереселенцы занимались заготовкой леса в системе предприятий Наркомата путей сообщения и на различных стройках. По объему занятости спецпереселенцев лесная отрасль занимала второе место после тяжелой промышленности (табл. 1). При этом в документах НКВД указывалось, что «наиболее неудовлетворительно» трудпоселенцы используются в лесных организациях системы Наркомлеса СССР. Также отмечалось следующее: «Заработная плата не выплачивается своевременно. Нередки случаи задержки зарплаты на 3-4 месяца. Снабжение продовольствием и промтоварами, особенно на лесозаготовках производится в недостаточных размерах и с переборами. Ремонт жилищ трудпоселенцев производится в крайне недостаточных размерах» [20].

Таблица 1

Трудоиспользование «бывших кулаков» в отраслях народного хозяйства СССР в 1937 г.

Наркоматы и отрасли народного хозяйства	Используются на работах, чел.
В тяжелой промышленности системы НКТП	362429
В лесной промышленности системы НКЛеса	170683
В сельском хозяйстве	169842
В совхозах и на стройках НКЗема СССР	31281
На Беломорско-Балтийском комбинате НКВД в Карельской АССР	28130

Наркоматы и отрасли народного хозяйства	Используются на работах, чел.
В свеклосахарной промышленности и савинтрестах НКПищепрома СССР	21256
В системе НКПС на лесе	18516
В системе НКСовхозов	15176
В легкой промышленности системы НКЛегпрома	12273
На северных стройках и лесоразработках ГУСМП	3061
В разных государственных организациях и на обслуживании трудпоселков	47360
Всего	880007

Источники: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 249.

Из регионов Европейского Севера наибольшие потоки принудительных миграций в 1930-е гг. были направлены в Архангельскую и Мурманскую области, Коми АССР (табл. 2). В отличие от Архангельской области и Коми АССР в Мурманской области спецпереселенцы были заняты преимущественно на строительстве промышленного гиганта Северного горно-химического треста «Апатит». По данным исследователя В.Я. Шашкова, за период 1930–1935 гг. население города Хибиногорск (Кировск), которое было занято на работах треста, увеличилось с 1 тыс. до 36 957 тыс. чел., в том числе количество спецпереселенцев – с 918 до 21325 чел. Количество спецпереселенцев от общего числа жителей города составляло в этот период от 55 до 72,5%. При запуске в строй в 1931 г. крупнейшей в Европе апатито-нефелиновой обогатительной фабрики на торжественном митинге управляющий трестом в своем выступлении подчеркнул роль спецпереселенцев в строительстве фабрики: «В число энтузиастов труда на передовых позициях борьбы за первую обогатительную, заполярную, уже имеется немало людей, показывающих образцы пролетарского труда. Прошедших эту школу перевоспитания». Спецпереселенцы также были заняты на возведении гидроэлектростанции. В 1930 г. из 1400 рабочих Нивской ГЭС 1200 были спецпереселенцами. В Мурманский рыбтрест также поступили в 1930–1932 гг. около 2 тыс. спецпереселенцев. Как отмечает исследователь, спецпереселенцы сыграли решающую роль в развитии передовых отраслей народного хозяйства в 1930-е гг. в регионе [21].

Таблица 2

Спецпереселенцы-«бывшие кулаки» (трудпоселенцы) на Европейском Севере СССР на 1 января 1939 г.

Регион	Кол-во чел.
СССР	987 918
В том числе:	
Архангельская область	38920
Мурманская область	24242
Коми АССР	18968
Вологодская область	9529
Карельская АССР	963

Источники: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 40.

Лесная промышленность в конце 1930-х гг. занимала одно из ведущих мест в народном хозяйстве СССР. Лесозаготовительные предприятия расширялись, необходимость в рабочих руках увеличивалась. При этом численность спецпереселенцев, которые составляли основу кадровых рабочих в 1930-е гг., значительно сократилась, особенно в период 1931–1933 гг., когда во многих спецпоселках наблюдались голод, эпидемии и крайне высокий уровень смертности. Решить проблему нехватки рабочих рук были призваны новые партии спецпереселенцев. В 1940-е гг. на спецпоселения в северные регионы были направлены польские граждане, спецпереселенцы-немцы, члены семей ОУНовцев, высланные из Литвы, «власовцы» и др.

Особо следует сказать о польских гражданах, прибывавших на спецпоселения с 1940 по 1944 г. («польские осадники и беженцы»: «осадники» – в основном поляки, «беженцы» – в основном евреи). Польские граждане были в подавляющем большинстве задействованы на предприятиях Наркомлеса. На 1 апреля 1941 г. 49915 «осадников» были заняты на работах в 16 отраслях, в том числе в лесной промышленности – 40595 чел. (82%), 31477 «беженцев» работали в 20 отраслях, в том числе 23 411 чел. (74%) – в лесной промышленности [22] (табл. 3).

Польские граждане широко использовались на предприятиях местной промышленности, в системе Наркомместпрома. В докладной записке наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии И.В. Сталину о спецпереселенцах-«беженцах», высланных из Западных областей УССР и БССР, в апреле 1941 г. в том числе, указывалось, что «в составе беженцев имеются 15 тыс. чел. специалистов и ремесленников, в том числе 3 тыс. – с высшим образованием. Часть специалистов и ремесленников в количестве до 5 тыс. чел. используются по специальности в предприятиях по месту расположения спецпоселков» [23].

«Польские осадники и беженцы» на Европейском Севере СССР в 1940–1941 гг.

Регион	1 апреля 1940 г.	1940 г.		1941 г.	
	Расселено, чел.	Кол-во трудоспособных	Занято на работах	Кол-во трудоспособных	Занято на работах
СССР	210 559				
В том числе					
Архангельская область	50994	19 820	17384	15 902	15147
Коми АССР	18 772	7400	7255	7380	7380
Вологодская область	13 357	5098	4575	4538	4263
Мурманская область	–	–	–	–	–
Карело-Финская ССР	–	–	–	–	–

Составлено по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 85; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М. 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 336.

Для предприятий местной промышленности польские граждане были решающим фактором развития, в некоторых случаях – фактором дальнейшего существования. Необходимость переселения польских граждан из Коми АССР в южные районы страны в 1944 г. поставила руководство Коми АССР в кризисную ситуацию, это нашло отражение в письме от 22 апреля 1944 г. № 133/12с председателя СНК Коми АССР С.Турьшева и секретаря Коми Обкома ВКП(б) А.Тараненко заместителю председателя СНК СССР т. В.М.Молотову: «Постановление СНК СССР от 5 апреля 1944 г. предложено подготовить к переселению из Коми АССР в южные районы страны 9000 человек бывших польских граждан. Указанный контингент прибыл в Коми АССР в 1939–40 гг., и работает, главным образом на лесозаготовках, лесосплаве, строительстве авиафанерного завода, судовой верфи, судоремонтных мастерских, речном пароходстве, а также на предприятиях развивающейся местной промышленности. В связи с предстоящим переселением бывших польских граждан, много промышленных предприятий Коми АССР окажутся совершенно оголенными. Особенно тяжело это переселение отразится на сплаве леса, лесопилении и предприятиях Наркомречфлота. Так, например, по Сыктывкарским лесозаводам Наркомлеса СССР подлежит переселению 300 человек из 700 человек рабочих, по Сыктывкарскому сплавному рейду соответственно 213 человек из 246 и т.д. По стройке авиафанерного завода «Спецжешартстрой» подлежит переселению 392 человека из 998 всех рабочих. По Сыктывкарским судоремонтным мастерским Наркомречфлота соответственно 155 человек из 176 человек и т.д. Эти и многие др. предприятия встанут перед необходимостью сокращения производства, а в некоторых случаях и полного прекращения. Провести же восполнение переселенных 9 тысяч человек за счет мобилизации рабочей силы из колхозов совершенно нет возможности... При малой населенности республики (одни человек на 1 кв.м., всего населения 317,9 тыс. чел.) создалось чрезвычайное напряжение с рабочей силой во всех предприятиях и колхозах республики. Коми АССР и ранее в довоенный период испытывала острый недостаток рабочей силы, ежегодно приходилось заводить ее из других областей. Теперь же, когда призвано в Армию не только коренное население, но и трудпереселенцы (бывшие кулаки), а промышленность выросла в несколько раз, положение стало особенно тяжелым. Все это вынуждает нас просить СНК СССР оставить бывших польских граждан в Коми АССР до окончания войны и при возможных обстоятельствах разрешить завоз нового контингента рабочих в количестве 20–25 тыс. человек, из них для лесной промышленности – 12 тыс. человек, сплава леса – 5 тыс. человек, деревообрабатывающему заводу, Спецжешартстрою, лесопильным заводам – 5 тыс. человек, Кажимскому чугуно-плавильному и Нювчимскому чугуно-литейному заводам и другим предприятия – 3 тыс. человек» [24].

Спецпереселенцы продолжали играть решающую роль в формировании кадровых рабочих промышленных предприятий как в северных регионах, так и в целом по стране до середины 1950-х гг. Несмотря на освобождение некоторых категорий спецпереселенцев, их общее число оставалось исключительно высоким. В 1949–1953 гг. общая численность находящихся на спецпоселении превышала 2 млн. чел., при этом имела тенденцию к увеличению численности в этот период. На Европейском Севере численность росла в регионах лесозаготовительной промышленности, так как именно эта отрасль имела системный недостаток в рабочих руках и постоянный рост государственных плановых заданий.

Справка о количестве спецпереселенцев в республиках, краях и областях в 1949–1953 гг.

Спецпереселенцы Регион	Бывш. кулаки	Немцы	«Власов- цы»	Члены семей ОУНов- цев	Из Литвы	Указники 1948 г.	Всего	Всего	Всего
	1.01.1949 г.							1.01. 1952 г.	1.07. 1953 г.
СССР							2300223	2737398	2761281
Коми АССР	7102	11042	8219	4088	864	–	31315	30537	34867
Архангельская обл.	–	11375	988	4506	–	–	16869	17396	17575
Вологодская обл.	–	9520	–	843	–	–	10363	9922	10137
Карело- Финская ССР	–	–	5925	–	–	–	7564	6299	1951
Мурманская обл.	2094	–	1793	–	–	1639	3887	2970	1400

Составлено по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 164–166; История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 674, 675.

В итоге можно сказать, что быстрые темпы роста передовых отраслей промышленности в регионах Европейского Севера, прежде всего лесозаготовительной, были обеспечены за счет массовых вселений спецпереселенцев. Следует отметить как негативный факт то, что руководство страны в 1930–1950-е гг. не видело альтернатив принудительному труду в индустриальном освоении севера, при наличии тяжелых условий жизни спецпереселенцев, это привело к большим людским потерям и постоянной необходимости пополнять рабочую силу за счет новых потоков принудительных миграций.

Источники и литература

1. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 277–280.
2. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 21, 39, 65.
3. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 20.
4. Красильников С.А. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М., 2010. С. 99.
5. ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008. 320 с.
6. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 14.
7. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003. С. 473.
8. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М., 2010. С. 126, 153, 233, 234.
9. ГУРК НАРК. Ф. П-374. Оп. 1. Д. 2. Л. 100.
10. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 213
11. НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д.79. Л. 4.
12. НАРК. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 951. Л. 73.
13. Лесная промышленность в Коми АССР. 1917–1960. Сборник документов. Сыктывкар, 1989. С. 65.
14. НАРК. Хр. 2. Ф.1. Оп. 3. Д. 97. Л. 4.
15. Коми область в борьбе за социализм. Сыктывкар, 1931. С. 63.
16. ГУРК НАРК. Ф.П-18. Оп.3. Д. 281. Л. 10.
17. ГУРК НАРК. Ф.Р-3. Оп. 1. Д. 2360. Л. 58.
18. ГУРК НАРК. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 986. Л. 9.
19. Коротаяев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 1930-е годы XX века. Архангельск, 2004. С. 33, 39, 51.
20. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 249.
21. Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954 гг. Мурманск, 1996. С. 167–174.
22. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. С. 87, 88.
23. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 306.
24. ГУРК НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 1077. Л. 79.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ЛАГЕРЯ В КАЗАХСТАНЕ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А.С. Мусагалиева (Астана, Казахстан)

В годы Великой Отечественной войны политические репрессии не только не прекратились, но и усилились. На это были свои причины. Свообразие репрессий этого периода обусловлено тем, что понятия «шпионаж» и «диверсия» как на фронте, так и в тылу приобрели особое значение. Осуществление репрессий в годы войны происходило под руководством государственных органов. Как и во времена предшествовавшего «большого террора», в годы Второй мировой войны высшей мерой наказания политических преступников оставался расстрел.

На территории Казахстана была размещена большая часть исправительно-трудовых лагерей Главного Управления Лагерей. По числу созданных на территориях союзных республик исправительно-трудовых лагерей Казахстан стоит на третьем месте после России и Украины. Карагандинский исправительно-трудовой лагерь был филиалом ГУЛАГа, являвшимся почти самостоятельным ведомством на огромной территории Казахстана. Центр лагеря был расположен в с. Долинка, в 45 км. от г. Караганды.

20 сентября 1941 г. ряд функций Главного Управления Лагерей перешел к специальному отделу НКВД [1]. В круг их компетенции входили освобождение заключенных в соответствии с решениями следственных органов, поиск сбежавших преступников, определение дальнейшего места жительства заключенных, повторное рассмотрение дел, подготовка писем о реабилитации.

Один из таких лагерей – существовавший с 1940 по 1943 г. Жезказганский исправительно-трудовой лагерь. Заключенные этого лагеря работали в ведении народного комиссариата СССР цветных металлов, плавке меди и медных руд при Главном управлении Жезказганского государственного рудника («Главмедь») на медеплавильном заводе, а также добывали уголь для обеспечения деятельности завода, трудились на медном руднике Карсакапайского медеплавильного завода, при управлении рудника на станции Жезды добывали марганец, строили железную дорогу из Жезказгана до станции Жезды [2]. Во время войны передача информации о состоянии союзных объектов экономики была постоянной, о чем позволяют судить приказы за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел СССР об итогах проверки двух отделов Жезказганского лагеря от 28 февраля 1941 г. [3], акт комиссии НКВД, работавшей в период с 23 по 30 апреля 1943 г. о состоянии Жезказганского лагеря [4], материалы о строительстве Жезказганского комбината и другие аналогичные сведения [5]. Упоминаемый нами лагерь в то время был отделен от Карлага.

В 1943 г. на территории рассматриваемого лагеря был создан Жезказганский лагерный район Карагандинского исправительного трудового лагеря. Условия заключенных там были крайне тяжелыми. Только в первые четыре месяца года в лагере погибли 1100 чел., в лагере было много больных и инвалидов. В силу этих обстоятельств Главное Управление Лагерей обратило особое внимание на привлечение людей к повседневным работам, повышение производительности труда, создание условий для выполнения планов. В числе таких мероприятий – улучшение питания, оказание медицинской помощи, проведение профилактических работ [6].

Жезказганский государственный медеплавильный комбинат был построен в годы войны, поэтому здесь в качестве рабочей силы привлекались заключенные [7]. Некоторые источники свидетельствуют, что на литье руды на Жезказганском медеплавильном комбинате принимали участие 3000 чел. [8]. Это предприятие было создано в 1941 г. народным комиссариатом тяжелой промышленности СССР в системе Главного управления цветных металлов («Главцветмедь»), с 1943 г. стал называться Жезказганским медеплавильным комбинатом [9]. В систематизированных документах по строительству комбината есть следующие сведения о Жезказганском лагере: согласования с руководством, распоряжения о привлечении к труду заключенных, данные об их численности. Например, в первые два месяца после окончания войны в докладной записке на имя начальника Главного Управления лагерей НКВД Наседкина начальник управления Карлага дает полную информацию о том, как обеспечивал в годы войны рабочей силой Карагандинский исправительно-трудовой лагерь работу Жезказганского медеплавильного комбината Министерства цветной металлургии КазССР [10]. С заключенными заключали договоры. Рабочие Жезказганского лагеря, входившего в состав Карлага, принимали участие в возведении «Петро», управлений шахт № 31/32, во время открытия карьера «Кресто-Центр». В 1944 г. работу большинства шахт комбината обеспечивали заключенные лагеря и 80% лагерного состава работали на добыче руды. Главное Управление Лагерей направляло в Народный комиссариат цветной металлургии СССР информацию о неисполнении соглашений на Жезказганском медеплавильном комбинате, касающихся улучшения условий жизни и быта заключенных, рационального использования рабочей силы на производстве. Об этом Комиссариат известил директора Жезказганского комбината служебным письмом [11].

В годы войны исправительно-трудовым лагерям придавалось особое значение. В первую очередь они были значимы с экономической точки зрения. В 1942–1943 гг. важными секторами экономики, приравненными к военной

категории, были добыча угля, текстильная промышленность, химическая и газовая отрасли [12]. О репрессивной сущности политики исправительно-трудовых лагерей историк В.Н. Земсков писал следующее: «Возникнув как инструмент и место изоляции контрреволюционных и уголовных элементов в интересах защиты и укрепления «диктатуры пролетариата», ГУЛАГ благодаря принципу «исправления принудительным трудом» (в этом принципе, по нашему мнению, больше лицемерия, чем утопии) быстро превратился в фактически самостоятельную отрасль народного хозяйства, обеспеченную дешевой рабочей силой в лице заключенных. Без указанной «отрасли» решение многих задач индустриализации в восточных и северных регионах стало практически невозможным. Отсюда вытекает еще одна важная причина постоянства репрессивной политики, а именно: заинтересованность государства в неослабных темпах получения дешевой рабочей силой, принудительно используемой по преимуществу в экстремальных условиях Востока и Севера» [13]. Трудившиеся на предприятиях промышленности Центрального Казахстана, заключенные лагеря внесли существенный вклад в экономику периода войны. По этой причине в годы войны население исправительно-трудовых лагерей Караганды неустанно множилось. Сюда из разных глубин СССР осужденные за разные преступления. Тому было несколько причин. Самая главная: значительная удаленность Казахстана от фронта была определяющим фактором развития здесь промышленности. В качестве же дешевой рабочей силы использовались заключенные. Контингент заключенных был сформирован из различных категорий: среди них были как жертвы политических преследований, так и местные жители.

Приказом НКВД СССР от 16 марта 1948 г. № 00486 была организована Карагандинская строительная организация НКВД СССР. Она была открыта в целях исполнения постановления Государственного комитета обороны № 3013 от 9 марта 1943 г. «О развитии и добыче угля открытым способом в Карагандинском угольном бассейне». Строительство угольного разреза было обеспечено силами заключенных лагеря, а также переселенцев, немецких заключенных, трудовой армии [14]. Угольный разрез и управление исправительно-трудовыми лагерями НКВД СССР начали свою деятельность 25 апреля 1943 г. Управление использовало заключенных и трудовую армию на строительстве угольного разреза, железной дороги, жилых домов. В первые месяцы из 3000 заключенных были осуждены и судимы: за контрреволюционные преступления – 374, вызволенных из тюрем для проведения следствия – 115, за военные преступления – 105, преступные действия – 488, за иные преступления – 1918 чел. Из трудовой армии – 5000 чел., они содержались отдельно от заключенных, но в лагерях [15].

В отправлявшихся ежемесячно и ежегодно докладных записках начальника Карагандинского исправительно-трудового лагеря № 4 и строительства Д. Успенского на имя Главного Управляющего Лагерей НКВД СССР В. Наседкина можно обнаружить ряд проблем, сохраняющих актуальность для рассматриваемой нами темы. В первую очередь, то обстоятельство, что докладные записки уходили непосредственно высоким чинам и руководителям Государственного комитета обороны, сосредоточенность на них в годы войны и в ситуации чрезвычайных обстоятельств позволяет охарактеризовать исправительно-трудовые лагеря как один из главных секторов производства. Если подвергнуть анализу информацию, содержащуюся в сведениях военной поры, и сравнить с аналогичными документами, созданными в другой период, можно установить множество важных фактов. На первое место выдвигались физические возможности заключенных, продуктивность труда, привлечение к работам. В лагерях сдержались и женщины, при этом состав преступлений был различен и неоднороден. Среди них встречались как осужденные военным судом за контрреволюционные преступления, так и осужденные неоднократно простые заключенные. Как видно из статистических данных докладных писем, в лагере наблюдалось большое количество смертей и побегов из неволи [16]. Причинами смертей были тяжесть работ, причиной же побегов можно считать близость линии фронта. Руководство лагерей отправляло подробные доклады о побеге заключенных вышеупомянутым лицам [17]. Например, в докладном письме августа 1943 г. говорится об участившихся случаях смертей среди рабочих. Их численно: заключенных – 39, из трудовой армии – два, немецких переселенцев – 41 чел. Наряду с этим существовало отделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР в Жаргасе (1940–1960 гг.) [18], Котурский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР (1940–1962 гг.) [19], Сарентская исправительно-трудовая колония (1941–1961 гг.) [20], 1943–1945 гг. действовала Шокайская исправительно-трудовая колония № 1 [21]. Деятельность названных исправительно-трудовых лагерей обеспечивало сельское хозяйство. К сожалению, документов об этих лагерях мало и они дают обобщенные сведения. Необходимо вместе с тем обратить внимание на то, что при сохранившихся некоторых документах лагерей, открывшихся на базе предприятий промышленности, нельзя отметить того же по отношению к аграрному сектору. Архивные фонды содержат распоряжения управления по Карагандинской области, когда были открыты отделения исправительно-трудовых колоний – лагерный пункт № 17 (1943–1950) [22] лагерный пункт № 19 (1942–194) [23]. Важно заметить, что сохранилось очень мало архивных фондов, в некоторых можно обнаружить информацию обобщенного плана, либо вовсе не имеющую важного значения. Так дают знать о себе итоги работы экспертных комиссий, уничтоживших многие источники после войны.

В 1945 г. на Джезказганском комбинате работали многие заключенные из Карагандинского исправительно-трудового лагеря. За условиями их жизни наблюдало Главное Управление Лагерей. Положение заключенных Джезказганского лагеря все время ухудшалось. Руководство комбината не могло обеспечить в полной мере безопасность труда, проблемы тепла, нормальные условия жизни. Из-за несоблюдения техники безопасности заклю-

ченые получали тяжелые увечья [24]. 6 февраля 1945 г. П. Жданов, отключая энергию в камере шахты № 31, упал в люк и сломал правое ребро грудной клетки. 9 февраля в этой же шахте упал в яму, куда складировали отходы руды, и скончался заключенный Торе Ошаров. 12 марта в шахте № 1 сошедшая с рельсов вагонетка сломала поднявшейся спинкой ногу заключенного Е. Виноградова. 24 марта в шахте № 33 сошедшая с рельсов вагонетка придавила ребра заключенного А. Макарова, сломав левое ребро. 3 апреля в шахте № 1 сошла с рельсов еще одна вагонетка, перевернулся кузов, сломав правую ногу заключенного Исламова. Через три дня в шахте «Петро-Центр» повторилась подобная ситуация, рассыпавшаяся руда раздробила ногу заключенного И. Левицкого, а в карьере «Златоуст» застряли между рельсов и сломались ноги заключенного В. Лукьянова. Наряду с этим из-за падений с верхушек завалов руды погибло несколько заключенных, работавших в шахте № 7 – В. Голощанов, в шахте № 32 – И. Решетов, шахте № 31 – Ф. Мецтер.

Основные источники истории исправительно-трудового лагеря в 1930–1950 гг. хранятся в архиве Карлага, точнее Карагандинского филиала Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан. К сожалению, обширная база данных и источников казахстанской системы лагерей, составлявшей одну треть ГУЛАГа, продолжает оставаться в распоряжении ведомственных архивов. И еще в связи с проводимой в настоящее время научно-технической обработкой архивных документов, касающихся массовых политических репрессий, допуск исследователей приостановлен.

На сегодняшний день обработаны архивные личные дела осужденных, пребывавших в местах заключения в Карлаге НКВД-МВД СССР в период с 1929 по 1942 г. включительно в количестве 22 768 дел и рассекречены. Однако более полно характеризующие период массовых политических репрессий и представляющие для исследователей наибольший интерес архивные материалы управленческой документации не упорядочены. Проматривая дела осужденных, мы обнаружили, что среди заключенных были не только советские граждане, но и иностранцы.

Теперь приступим к анализу рассекреченных личных дел заключенных. В личном деле имеются такие документы: 1) справка по личному делу; 2) расчетный листок; 3) выписка из протокола; 4) документы на допрос; 5) анкета арестованого; 6) отпечатки рук; 7) личные документы; 8) постановление (об избрании меры пресечения); 9) протокол медицинского освидетельствования; 10) формуляр к личному делу.

В фонде Прокуратуры Карагандинского исправительно-трудового лагеря есть личные дела жертв политической репрессии 1941–1945 гг., отбывших срок в Карагандинском исправительно-трудовом лагере. Если обратиться к данным, в 1941 г. было открыто 13 дел, среди них по статье 58-10 – осуждено 10 человек, 58-14 – 1, 16-58 – 1, 59-3, 150, 153 – 1, в 1942 г. было заведено 14 дел, по статьям 58-3 и 58-10 – 10, 58-2 – 2, 58-14 – 2, в 1943 г. было заведено 68 дел, в том числе по статьям 58-14 – 39 чел., 58-10 – 22 чел., 58-8 – два человека, 58-1 – два человека, в 1944 г. было открыто 29 дел, в том числе по статьям 58-14 – 12 чел., 58-10 – 13 чел., в 1945 г. – 257 дел, по статьям 58-14 – 121 чел., 58-10 – 106 чел., 58-3 – один человек, 58-1 «б» – один человек [25]. Если рассмотреть личные дела осужденных, можно встретить среди них различные категории людей: среди них и иностранцы, и жители СССР. При этом не все осуждены по политическим мотивам, есть осужденные за преступные действия. Мы считаем, что в связи с потребностью предприятий промышленности военных лет в дешевой рабочей силе, людей сажали в тюрьмы даже за незначительные проступки. Фонд, именуемый «Старый Джезказган», отражает такую закономерность: в 1930–1947 гг. большинство заключенных в советские тюрьмы составляли либо местные жители, либо привлеченные к ответственности за мелкие проступки. Особенно много было посажено казахов, проживавших в Центральном Казахстане. В личных делах заключенных Карлага периода войны встречается много иностранцев. Они не все были военными заключенными, среди них были и простые люди. Им вменялось в вину пересечение границы, проведение агитационной пропаганды. Особенно следует выделить среди них личные дела граждан Китая.

Многие из заключенных остались впоследствии в Казахстане. Хотя они были освобождены из тюрем, выполняли работу под контролем следственных органов. До сегодняшнего дня неизвестна и не опубликована цифра – точное количество заключенных Карлага. Вместе с тем не стали объектом исследования и многие документы. Это все свидетельствует о неполной истории Карлага.

Задача будущего в Казахстане – выявить роль советских исправительно-трудовых лагерей в судьбе людей, ставших жертвами сталинской репрессии в XX веке. Для этого необходимо снять гриф секретности с источников, упорядочить и издать сборники документов. Наступило время вскрыть результаты влияния мракобесия сталинизма.

Источники и литература

1. Государственный архив города Астаны. Ф.406. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 62. Л. 2-16.
3. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 32, 12.
4. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 62. Л. 2-16.
5. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28, 30.

6. Государственный архив города Жезказган (далее – ГА ГЖ). Ф. 381. Оп. 1. Д. 24. Л.181.
7. ГА ГЖ. Ф. 381. Оп. 1. Д.121.
8. Депортированные в Казахстан народы. Алматы: «Арыс» – «Қазақстан», 1998. С. 97.
9. ГА ГЖ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1.
10. ГА ГЖ. Ф.381, Оп.1, Д.24, лл.171-181
11. ГА ГЖ, Ф. 381. Оп. 1. Д. 24. Л. 68.
12. История Сталинского ГУЛАГА. (конец 1920-х – первая половина 1950-х годов): Собрание документов: В 7 т. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. Т. 1. С. 79.
13. Земсков В. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6.
14. Государственный архив Карагандинский области (далее – ГА КО). Ф. 1108. Оп.1. Д. 14. Л. 7.
15. Карагандинский областной государственный архив. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 14. Л. 8.
16. ГА КО. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-6, 20-27, 7-11.
17. ГА КО. Ф. 1108. Оп. 1. Д. 14. Л. 68-70.
18. ГА КО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 1.
19. ГА КО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1143. Оп. 1. Д. 1.
20. ГА КО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 1.
21. ГА КО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 53.
22. ГА КО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 1.
23. ГА КО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 1.
24. ГА ГЖ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 24. Л.181.
25. ГА КО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 1-3.

ЖЕНЩИНЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЧУМ–САЛЕХАРД–ИГАРКА (СТРОИТЕЛЬСТВА № 501, № 503 ГУЛЖДС МВД СССР)

Н.А. Михалев (Екатеринбург, Россия)

Задуманную как первую очередь трансконтинентальной железнодорожной магистрали от Урала до Чукотки, но так никогда и не построенную железную дорогу Чум–Салехард–Игарка можно по праву отнести к числу крупнейших и сложнейших транспортных строек за весь период существования Советского Союза. Однако история данного строительства – во многом благодаря недоступности до последнего времени соответствующих архивных фондов – еще не получила должного освещения. Историография этой проблемы невелика: первые работы стали появляться с середины 1990-х гг. [1]. Лишь в 2005 г. в сборнике «Сталинские стройки ГУЛАГа» был опубликован ряд ранее секретных документов, раскрывающих предысторию и основные организационные этапы строительства [2].

В рамках настоящей статьи рассматривается до этого практически не изучавшийся аспект истории дороги – вопрос полового состава заключенных, самой многочисленной категории строителей, трудившихся на заполярной стройке, осуществлявшейся Главным управлением лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) МВД СССР и получившей условное наименование строительство № 501 и № 503 [3].

Женщины составляли на строительстве особую группу. Согласно данным В.Н. Гриценко, проведенным несколько полевых сезонов «на шпалах сталинки», примерно каждый четвертый-пятый лагерный пункт был женским [4]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют привести более точные сведения. Самые ранние из них относятся к началу 1948 г. Как свидетельствует табл. 1, удельный вес женщин, содержащихся в ИТЛ строительства № 501, на 1 января 1948 г. составлял 16% (5290 из 33074 чел.). В дальнейшем, по мере роста общей численности лагерного населения доля женщин постепенно снижалась, хотя абсолютное число их имело выраженную тенденцию к увеличению. По состоянию на 1 февраля 1949 г. женщины из общего количества заключенных ИТЛ 501 стройки составляли 6500 чел., или 13,3%.

Таблица 1

*Динамика абсолютного числа и удельного веса женщин среди заключенных ИТЛ
строительства № 501, 1948–1949 гг.**

Состояло на	Всего заключенных	В том числе женщин	
		Абс.	В процентах
1 января 1948 г.	33074	5290	16,0
1 апреля 1948 г.	39381	5924	15,0
1 июля 1948 г.	51498	7864	15,3
1 октября 1948 г.	51618	7129	13,8
1 января 1949 г.	48195	5895	12,2
1 февраля 1949 г.	48785	6500	13,3

*Составлено по: ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1171. Л. 97; Д. 1173. Л. 1.

В организованном в феврале 1949 г. Енисейском ИТЛ (строительство № 503) доля содержащихся женщин была несколько выше, а абсолютное их количество меньшим. На 29 декабря 1949 г. здесь находилось 22581 заключенных, из них женщин было 4352 чел., или 19,3% [5].

На 1 июля 1950 г. в ИТЛ 503 строительства женщины составляли 16,5% заключенных (4758 из 28772 чел.), на 1 сентября – 16,9% (4959 из 29259 чел. соответственно) [6]. К середине 1951 г. и удельный вес, и абсолютное количество женщин-заключенных на 503-й стройке уменьшились: в мае 1951 г. их насчитывалось 3594 чел. (из 26837), или 13,4% [7]. К июлю 1952 г. в связи с общим сокращением числа лагерных контингентов количество женщин-заключенных в ИТЛ строительства № 503 сократилось еще более. Сейчас они составляли 11,2% заключенных (1506 из 13395 чел.) [8].

По отношению к строительству № 501 (Обскому ИТЛ) мы располагаем менее подробными данными в этом вопросе. Известно лишь, что по состоянию на 1 июня 1952 г. из общего числа в 17520 заключенных в лагере содержалась 3081 женщина, или 17,6%. На 1 января 1953 г., т.е. после объединения строительства, списочный состав заключенных Обского ИТЛ составлял 29049 чел., из которых женщины составляли уже 20,4% (5917 чел.) [9].

Согласно приказам МВД женщины-заключенные должны были размещаться в специальных женских колоннах. Однако с самых первых этапов строительства выполнение этих предписаний было далеко не полным. ПерIODические проверки состояния ИТЛ строительства постоянно выявляли множественные нарушения должного

неукоснительно соблюдаться принципа жесткой половой сегрегации. Так, в феврале 1949 г. в ИТЛ строительства имелось девять женских колонн. Но на них в качестве специалистов содержалось также 950 мужчин, в то время как женщины содержались на многих мужских колоннах в качестве хозобслуги, хотя в обоих случаях и те, и другие могли быть «совершенно безболезненно» заменены представителями противоположного пола [10].

В 1949 г. Северное Управление было разукрупнено, но нарушения в области изоляции женщин от этого изжиты не были. В ИТЛ строительства № 503 по состоянию на май 1951 г. женщины размещались в отдельных подразделениях: колоннах № 22 (496 чел.), 28 (449 чел.), 54 (402 чел.), 67 (417 чел.), подкомандировке 2-го лагподделения (111 чел.), на лагпункте № 4 (1025 чел.), женской колонне в Игарке (319 чел.). Тем не менее даже в этих специально женских подразделениях полной изоляции не наблюдалось. Так, на подкомандировке № 1 колонны № 54 в одной зоне работали и проживали 50 женщин и девять мужчин. Использовались мужчины и в хозобслуге колонны. Совместная работа и проживание приводили к «многочисленным фактам сожительства». Очередная проверка в начале 1951 г. зарегистрировала на данной колонне восемь беременных женщин, не считая 11 беременных, переведенных в другие подразделения. На колонне № 22 обнаружилось 14 случаев беременности [11].

Отсутствие должной изоляции привело к тому, что из допущенных за 1951 г. в ИТЛ строительства № 503 со стороны заключенных 423 различных нарушений лагерного режима сожительство стояло на первом месте – 201 случай (на втором месте находились промоты – 195 случаев). Помимо 201 случая сожительства за 1951 г. было также зафиксировано 290 случаев беременности заключенных женщин. Особо подчеркивались источники этого явления: «Сожительства заключенных женщин в основном происходят с бесконвойными заключенными мужчинами, которые по халатности конвоя или умышленно пропускаются для этой цели в зоны оцепления, где работают женщины». Кроме того, регистрировалось «много случаев сожительства» с заключенными женщинами солдат охраны и вольнонаемного состава (особенно начальников женских лагподразделений) [12].

Принимаемые лагерной администрацией меры в целях недопущения сожительства, учитывая приведенные выше данные, были недостаточны. Тем не менее именно к началу 1952 г. в ИТЛ строительства № 503 все заключенные женщины были размещены и работали изолированно от заключенных мужчин. Для госпитализации больных был организован специальный женский филиал лазарета. Ранее работавшие на женских лагпунктах в качестве инструментальщиков, электромонтеров, печников и другой хозобслуги заключенные мужчины были отсюда изъяты и заменены заключенными женщинами. Со стороны надзирательского состава был усилен контроль за бесконвойными [13].

Имеющиеся сведения относительно Обского ИТЛ и строительства № 501 дают основания утверждать, что ситуация здесь коренным образом не отличалась. Так, в течение 1951 г. в лагере было зафиксировано 139 случаев беременности женщин. Принимаемые меры – выделение отдельных участков пути для работы и т.д. – полностью прекратить сожительства не могли. Как официально признавала лагадминистрация, «все же строительство вынуждено на женских лагпунктах держать... некоторое количество мужчин-специалистов, которых среди имеющегося женского состава заключенных нет, а именно: механиков-электромонтеров, техников-экономистов, контролеров-замерщиков и т.п.». Кроме того, строительство вынуждено было идти на расконвоирование женщин для обслуживания железнодорожных околотов в силу недостаточного количества мужчин с подходящими статьями и сроками заключения [14].

Данные по Дому матери и ребенка (ДМР, или Дом младенца) лишний раз свидетельствуют о том, что сожительство в Обском лагере также представляло собой весьма распространенное явление. Списочный состав ДМР по состоянию на 1 января 1952 г. выражался цифрой в 383 чел., в том числе 179 кормящих и 35 беременных женщин (остальные – работающие). Кроме того, в Доме находилось 258 детей, из них в возрасте до 6 мес. – 85 чел., от 6 до 12 мес. – 92 чел. и от 1 года и старше – 81 чел. [15]. После объединения строительства в ведении Санитарного отделения Обского ИТЛ находилось уже два ДМР: в Салехарде и Ермаково (первый ранее и так принадлежал 501 стройке, а второй входил в состав ликвидированного Северного Управления и строительства № 503) [16]. Емкость ДМР в Салехарде составляла 400 мест и на 1 января 1953 г. в нем находилось 37 беременных женщин и 301 ребенок, в том числе в возрасте до 6 мес. – 99 чел., от 6 мес. до 1 года – 53 чел., от 1 года до 2 лет – 135 чел., от 2 до 3 лет – 14 чел. Емкость ДМР в Ермаково составляла 250 мест и в нем на ту же дату находилось 40 беременных женщин и 202 ребенка, в том числе в возрасте до 6 мес. – 60 чел., от 6 мес. до 1 года – 65 чел., от 1 года до 2 лет – 77 чел. [17]. Таким образом, на 1 января 1953 г. в Обском ИТЛ находилось 503 ребенка (или 1,7% от общего числа заключенных), большинство из которых являлись, по всей видимости, прямым результатом неполной изоляции женских и мужских контингентов.

Ответить на вопрос о том, какова была роль женщин непосредственно на строительстве, весьма проблематично. В документах, отложившихся в фонде ГУЛЖДС МВД СССР (прежде всего, ежегодных отчетах Управлений строительства и актах проверки входивших в их состав лагерей), такого рода сведений не содержится. Имеющиеся данные несут отрывочный характер, но позволяют отметить следующее. Как уже указывалось выше, женщины-заключенные использовались, прежде всего, на подсобных работах и в качестве обслуживающего персонала (в лазаретах, Домах ребенка, непосредственно в женских колоннах и т.д.). В то же самое время, женщин активно привлекали и к тяжелым работам. Так, по свидетельству бывших работников ИТЛ 501 строи-

тельства, «женщины, как и мужчины, валили лес, разгружали вагоны, катали тачки с мерзлым грунтом», а также занимались расчисткой железнодорожного полотна от снега зимой [18]. Поэтому говорить о наличии каких-либо существенных различий между работой, выполнявшейся на строительстве женщинами и мужчинами заключенными, видимо, нельзя. Учитывая же, что доля женщин доходила до 20% всего лагерного населения, очевидно, что примерно до пятой части общего объема работ на строительстве железной дороги производились именно женщинами.

Таким образом, сооружение в 1947–1953 гг. железной дороги Чум–Салехард–Игарка привело к сосредоточению в малонаселенных и неосвоенных районах Крайнего Севера значительных контингентов заключенных, удельный вес женщин среди которых в разные годы колебался от 11-12% до 20%. Несмотря на предписания МВД об изолированном содержании заключенных-женщин и мужчин, обеспечить таковое лагадминистрация не могла, в результате чего сожительство превратилось в одно из самых массовых нарушений лагерного режима, а доля детей до 3 лет, находившихся в ИТЛ строительства, составила почти 2% от общего числа заключенных.

Источники и литература

1. Алексеев С.Е. Историография истории строительства железной дороги Салехард – Игарка во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. XX в. // Уральский исторический вестник. № 12. Ямальский выпуск. Екатеринбург, 2005. С. 8-14.
2. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953 / Под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. А.И. Кокурин, Ю.Н. Моруков. М., 2005. 568 с.
3. Первоначально конечным пунктом трассы должен был быть морской порт в Обской губе, строительство которого наряду с прокладкой трассы к нему возлагалось на созданное в апреле 1947 г. Северное Управление строительства и лагерей (строительство № 501). В начале 1949 г. место строительства порта перенесено в Игарку и с 1 марта в составе Северного Управления созданы: Обский ИТЛ (строительство № 501) с задачей постройки линии от ст. Чум до р. Пур; Енисейский ИТЛ (строительство № 503) с участком работ Пур-Игарка; Игарский стройрайон для строительства порта. С 1 декабря 1949 г. Обский ИТЛ (объект № 501) выделен в самостоятельную единицу, Енисейский ИТЛ ликвидирован, а на Северное Управление ИТЛ и строительства № 503 возложена задача по сооружению порта и дороги от Игарки по р. Пур. В июле 1952 г. все работы на линии поручены Обскому ИТЛ, а ИТЛ строительства № 503 ликвидирован. Обский ИТЛ был ликвидирован в начале 1954 г. См. подробнее: Сталинские стройки ГУЛАГа. С. 300-322.
4. Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. В 2 т. Омск, 2004. Т. 2. С. 81.
5. Государственный архив российской федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9407. Оп.1. Д. 1324. Л. 95.
6. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1325. Л. 22, 26.
7. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1358. Л. 1.
8. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1492. Л. 158.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1572. Оп. 9. Д. 2. Л. 73; ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1631. Л. 2.
10. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1173. Л. 3.
11. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1358. Л. 10-11.
12. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 481. Л. 130-131.
13. Там же. Л. 131.
14. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1489. Л. 16.
15. Там же. Л. 29.
16. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 1691. Л. 21.
17. ГАРФ. Ф. 9407. Оп.1. Д. 1631. Л. 13.
18. Иванов Л. 501-я стройка Гулага // Труд, 2003. 30 окт.; Гриценко В.Н. Указ. соч. С. 81-82.

ЖЕРТВЫ ХАРЬКОВСКОЙ ТРАГЕДИИ 1942 Г.: СУДЬБА КАЗАХСКОГО СОЛДАТА

Е.В. Дьякова, М. Каражанова (Харьков, Украина)

Судьба человека тесно связана с историей своей страны. Многие события, особенно крупного масштаба, захватывают в свой круговорот миллионы людей, круто меняя их судьбы. Поэтому исследователям, чтобы проследить развитие события, его причинно-следственные связи, очень часто приходится обращаться к биографиям отдельных личностей: выдающихся или известных узкому кругу специалистов, а то и обычных, рядовых граждан. Ведь в судьбе человека, как в зеркале, отражаются позитивные и негативные стороны любого исторического эпизода.

Среди событий недавнего прошлого, сильно повлиявших на судьбы граждан бывшего Советского Союза, была Великая Отечественная война. Уже в первые дни начала боевых действий миллионы людей были отправлены на фронт. Вскоре по решению советского Главнокомандования начинают формироваться части на национальной основе.

Тема создания национальных частей в годы Великой Отечественной войны в советской исторической науке изучалась в основном в русле демонстрации крепкой дружбы народов СССР, их взаимоподдержки и взаимовыручки [1-3].

После распада Советского Союза в республиках, подвергшихся немецкой оккупации, участие некоренного населения в победе над противником оказалось практически без внимания ученых. Научные интересы, например, украинских исследователей Великой Отечественной войны находятся в плоскости тем, связанных с ходом событий в самой республике (ход военных действий, анализ оккупационного режима, Движение Сопротивления и т.п.) [4]. В рамках изучения боевых операций упоминаются фамилии представителей разных национальностей, совершивших подвиги на украинской земле. Однако темы участия именно национальных формирований в боевых действиях в Украине, судьбы бойцов таких подразделений в данном регионе только начинают подниматься на региональном уровне.

Инициаторами изучения этой грани военной истории являются представители национальных меньшинств, проживающие в Украине и занимающиеся поисковой работой [5].

В современной российской исторической науке проблемы национальных формирований в Советской Армии изучают В.В. Градосельский, Н.А. Кирсанов, С.И. Дробязко [6-8] и др.

Поражения советских войск в первые месяцы войны сильно обескровили Красную Армию. Это заставило Главнокомандование искать не только новые людские резервы, но и новые методы пополнения воинских подразделений людскими ресурсами. Одним из таких методов было формирование национальных частей на базе Северо-Кавказского (СКВО) и Среднеазиатского (САВО) военных округов.

Проводя мобилизацию на Кавказе и в Средней Азии, командованию приходилось учитывать тот факт, что местное население слабо владело, а то и вовсе не знало русский язык. Поэтому, чтобы ускорить военную подготовку такой категории призывного контингента, было решено вести работу на их родном языке. На основании постановления Государственного Комитета Обороны от 13 ноября 1941 г. [7, с. 118] в кавказских и среднеазиатских советских республиках организацией воинских частей занимались не только военное командование, но и государственные, советские, партийные и общественные организации. В 1941 – начале 1942 г. в Казахской ССР было сформированы две стрелковые бригады и три кавалерийские дивизии [7, с. 119].

Руководители местных органов власти, партийных и общественных организаций ответственно отнеслись к поставленному перед ними заданию. Среди местного населения была проведена соответствующая агитационная работа. Много казахов шло в действующую армию добровольно. В отчете ЦК КП(б) Казахстана об организации воинских подразделений говорится о большом патриотическом подъеме, который выражался «в массовой подаче заявлений с просьбой о добровольном зачислении в эти национальные формирования» [цит. по: 7, с. 120].

Такая система комплектования имела как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, учитывались национальные обычаи и традиции, у бойцов воспитывались храбрость и чувство гордости за своей народ. Но с другой стороны, как отдельной боевой единицы таким формированиям без свободного владения русским языком сложно было адаптироваться к условиям, в которых они оказались. И тут дело не только в непонимании каких-то боевых команд, но и самое элементарное общение с местным населением, с которым все равно приходилось общаться не только на военно-организационные, но и на бытовые темы.

Понимая особенность национальных формирований, заключавшуюся, прежде всего, в языковом барьере, местные власти и командование САВО старались отбирать инициативных и грамотных людей, знающих (или хотя бы понимающих) русский язык. Поэтому среди бойцов оказалось много партийных, комсомольских и хозяйственных работников, представителей интеллигенции. Остановившись на судьбе казахского бойца 106-й кавдивизии Сыдык Туменбаева, следует также немного сказать о части, в которой он служил.

106-я кавалерийская дивизия была сформирована Акмолинским облвоенкоматом Казахстана. В дивизии не было ни одного неграмотного бойца. На командные посты были назначены партийные и комсомольские работники. 59,2% бойцов были коммунистами и комсомольцами [7, с. 120]. В.В. Градосельский в своей статье «Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне» отмечает, что формирование 106-й кавдивизии началось в декабре 1941 г. В августе 1942 г. оно было приостановлено, а «личный состав обращен на комплектование запасных частей» [6]. Тем не менее поисковая работа, проведенная казахами в Харьковской области [5, 10], дает возможность уточнить исторические события и опровергнуть утверждение В.В. Градосельского.

В начале марта 1942 г. 106-я кавдивизия была направлена на запад и вошла в состав 6-го кавкорпуса генерала А. Носкова [5]. Уже недалеко от линии фронта казахские кавалеристы получили вооружение и обмундирование. На месте дислокации они проходили подготовку по взаимодействию кавалерии и танковых подразделений. Свое боевое крещение 106-я кавдивизия получила в печально известной Майской битве под Харьковом в 1942 г.

Незадолго до этого события советское и немецкое командование утвердили планы боевых действий на весенне-летний период 1942 г. В планах воюющих сторон важное место занимали бои на Харьковщине. Здесь в январе 1942 г. в ходе военных действий был создан Барвенковско-Лозовской выступ. Именно на него противники возлагали большие надежды. Советское командование планировало с этого выступа продолжить наступление на Харьков, Днепрпетровск, Синельниково, создать условия для освобождения Левобережной Украины и выйти к Днепру. Немецкое командование планировало окружить советские войска, дислоцировавшиеся на выступе, уничтожить войска западнее Дона и захватить кавказские нефтяные месторождения.

Советские войска начали военные действия 12 мая 1942 г., быстро выгоняя захватчиков со своей земли. Но 18 мая немцы пошли в контрнаступление и уже 22 мая сумели окружить советские войска [9]. Во вражеское кольцо попали три армии, в составе одной из которых находилась 106-я кавдивизия. Большинство ее бойцов оказалось в плену и было помещено в концлагерь, созданный в г. Краснограде [5]. Но часть казахов не смирилась с создавшейся ситуацией и решила выходить из окружения. Для прорыва вражеского кольца генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко создал ударную группу численностью 22 тыс. чел. Красноармейцы дрались отчаянно, но, к сожалению, не многим удалось избежать плена или гибели.

Среди тех, кому тогда удалось вырваться был младший политрук 288-го кавполка, входившего в состав 106-й кавдивизии, Сыдык Туменбаев. До войны он работал на золотых приисках, был членом ВКП(б). После войны он вспоминал: «В мае 1942 года начали воевать. Кроме сабли у нас не было другого оружия. С саблей в руках с 65 кавалеристами начали наступление против немцев. В живых из нас осталось 3 человека. Один из них старший лейтенант Кузембаев был ранен. Нам было нелегко противостоять вооруженным немецким войскам. Взрывы бомб не давали людям поднять головы. Своими глазами видел сколько жизней унесла в тот день война» [10]. Тогда, в мае С. Туменбаеву удалось прорваться на советскую сторону. Но после поражения под Харьковом советские войска отступали до Волги и Кавказа беспорядочно, практически не оказывая сопротивления врагу. Поэтому вырвавшись из одного окружения, советские бойцы часто тут же оказывались в другом кольце. В июне 1942 г. С. Туменбаев все-таки попал в немецкий плен. По рассказу, его заставляли работать возле г. Орловка (а это Крым) и на Донбассе. Вероятнее всего, населенные пункты названы не точно, а сам политрук находился где-то на Донбассе или рядом. 20 февраля 1943 г. он вместе со своими друзьями совершил побег и сумел выйти в расположение советских войск.

«4 марта 1943 года старший лейтенант Петров отправил нас в Советскую комендатуру. В тюрьме своей страны нас каждый день избивали, и объявили нас «изменниками», – вспоминал С. Туменбаев [10]. А 3 апреля, т.е. через месяц, Военный трибунал Юго-западного фронта вынес приговор – признать виновным в преступлении, предусмотренном ст. 54-1 ч. 6 Уголовного Кодекса и лишить свободы сроком на 10 лет.

Свой срок С. Туменбаев вначале отбывал в Воркуте. Работал он на шахтах. «В те годы на шахте были взрывы, я не раз оставался под грудой угля» [10]. Условия жизни были очень тяжелыми: непосильный труд и холодный климат подорвали здоровье С. Туменбаева. Потому он был переведен в Карлаг. Только 20 февраля 1953 г. он сумел вернуться домой – в г. Кокпекты Семипалатинской области. Долгое время его считали изменником Родины, хотя он таковым не был. Начиная с 1980 г. Сыдык Туменбаев пытался восстановить свое честное имя. Только в начале 1992 г. Военная прокуратура Киевского военного округа прислала справку о полной реабилитации в соответствии с законом СССР «О реабилитации жертв политических репрессии на Украине». Умер С. Туменбаев в 2011 г. в возрасте 103 года [5].

Таким образом, на примере судьбы С. Туменбаева можно увидеть, что казахи принимали непосредственное участие в борьбе с фашизмом, освобождении Украины от немецких захватчиков и не всегда их стремление выжить и вернуться из немецкого плена воспринималось советским командованием как подвиг. Были случаи, когда вырвавшись из немецких концлагерей, красноармейцы практически сразу же попадали в советские.

Источники и литература

1. Пулатов И. Из истории участия народов Средней Азии в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1966.
2. Кацкенбаев З. Ш. Военно-организаторская работа компартий республик Средней Азии и Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Алма-Ата, 1970.
3. Козыбаев М. К. Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата, 1970.
4. Коваль М. В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К. : Вид. дім «Альтернативи», 1999.
5. Кусаинов М. 106-я кавалерийская дивизия // <http://www.centrasia.ru/newsA/> свободный доступ (14.10.2011). – Название с экрана.
6. Градосельский В.В. Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический архив. 2002. № 1.
7. Кирсанов Н.А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 // Отечественная история. 1995. № 4.
8. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6.
9. Сражение под Харьковом в мае 1942 г. // <http://ru.wikipedia.org/wiki/> свободный доступ (14.10.2011) . – Название с экрана.
10. Воспоминания Туменбаева Сыдыка, записанные М. Каражановой 4 апреля 2011 г.

КООПЕРАТОРЫ КАРЕЛИИ – ЖЕРТВЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

Е.В. Дианова (Петрозаводск, Россия)

Сталинские репрессии 1930-х гг. затронули все слои населения Карелии. Их жертвами стали советские, партийные, хозяйственные работники, в том числе и кооператоры. Деятели кооперации всегда находились на подозрении Советской власти, их преследовали начиная со времен гражданской войны и политики «военного коммунизма». Даже в 1921 г., когда при нэпе началось расширение свободы и прав кооперации, многие партийные руководители в центре и на местах к кооперативам относились крайне отрицательно, считая кооператоров потенциальными врагами Советской власти. В.И. Ленин не раз говорил о том, что «в кооперации сидит целый ряд контрреволюционеров» [1]. Выступая на X съезде РКП(б), В.И. Ленин заявлял о том, что кооперация «служит местом организации, централизации, объединения элементов, политически враждебных нам, проводящих по сути дела колчаковскую и денкинскую политику». Читая доклад «О замене разверстки натуральным налогом» он вызвал одобрителный смех в зале такими словами: «Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров. Это химический закон, – тут ничего не поделаешь!» [2].

После выхода статьи Ленина «О кооперации» она была объявлена «столбовой дорогой к социализму», но гонения на «старых», дореволюционных кооператоров не прекратились. В периодической печати публиковались статьи, порочащие их деловую репутацию. Они были первыми кандидатами на увольнение во время проведения кампаний по чистке советского и хозяйственного аппарата от чуждых элементов. В то же время нехватка опытных кадров, просто образованных людей заставляла ГПУ НКВД мириться с работой кооператоров в различных советских учреждениях, их участием в социалистическом строительстве, которое продолжалось до второй половины 1930-х гг.

Репрессии 1937 г. затронули различные социальные группы, новую советскую элиту и выходцев из рабоче-крестьянской среды, номенклатурных работников и представителей старой русской интеллигенции, в том числе кооперативных деятелей. Все они были объявлены «врагами народа» или «изменниками родины», подверглись арестам на основании приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. В соответствии с этим приказом с 5 августа 1937 г. началась операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В приказе были определены основные контингенты, подлежащие репрессиям: среди них значились уголовники, связанные с преступной средой; бывшие кулаки и социально опасные элементы; члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий; наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и пр. [3].

Репрессиям подлежали все перечисленные выше контингенты антисоветских элементов, которые содержались в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжали вести там активную антисоветскую подрывную работу. Аресту подвергались также и те, кто находился в данный момент в деревне (в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях) или в городе (на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве).

В приказе НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. для каждой республики и области было определено количество людей, подлежащих репрессиям. В Карелии по разнарядке требовалось арестовать 1000 чел., 300 из которых были отнесены к первой категории наиболее враждебных антисоветских элементов, все они подлежали расстрелу. В действительности масштаб репрессий превысил «плановые показатели», утвержденные в центре. К 20 ноября 1937 г. республиканская «тройка» (председатель Теннисон, члены Михайлович и Никольский) вынесла смертный приговор 1690 жителям Карелии. В декабре 1937 г. к расстрелу было приговорено 727 чел. из 900 арестованных [4].

Следует заметить, что самые кровавые события в Карелии развернулись в 1938 г., когда было арестовано и осуждено в 1,5 раза больше граждан, чем в 1937 г. ГПУ НКВД Карелии получило дополнительное разрешение на репрессии 700 чел., из которых 500 подлежали расстрелу. На самом деле с 1 января по 10 августа 1938 г. было арестовано и осуждено 5164 чел., из которых 3223 были приговорены к расстрелу. Осенью 1938 г. было арестовано и осуждено еще 1805 чел., из них 1708 были расстреляны [5].

В числе жертв сталинских репрессий удалось обнаружить несколько десятков кооперативных работников Карелии, арестованных и расстрелянных в 1937–1938 гг. Среди них были не только руководители кооперативных союзов и товариществ, бухгалтера и счетоводы, но и рядовые члены кустарно-промысловых артелей (портные, сапожники, гончары, бондари, смолокуры, столяры, плотники). Аресты затронули также и тех людей, которые работали в кооперации в прежние годы и внесли большой вклад в кооперативное движение в Карелии. Так, трагичной была судьба видного кооперативного деятеля Олонецкой губернии и Карелии учителя Александра Павловича Тихомирова. А.П. Тихомиров родился в 1887 г. в деревне Рохманово Клинского уезда Московской губернии.

Сын русского крестьянина А.П. Тихомиров имел хорошее образование. После окончания учебы в учительской семинарии, он прошел обучение в Народном университете Шанявского и еще два года учился в Московском коммерческом институте. До 1917 г. в течение 3,5 лет работал в системе народного просвещения учителем сельской школы, а также в губернском земстве заведовал отделом народного образования. Работая учителем в земской школе, он посещал краткосрочные сельскохозяйственные курсы.

С 1911 г. А.П. Тихомиров участвовал в работе кооперации. В 1911–1917 гг. он руководил Лодейнопольским кредитным товариществом и был председателем правления в обществе потребителей в Лодейном Поле. В 1917–1918 гг. А.П. Тихомиров был председателем Олонецкого губернского продовольственного комитета. Одновременно занимался руководством кооперативным движением в крае. А.П. Тихомиров стал организатором и председателем двух губернских кооперативных съездов. Летом 1918 г. состоялся первый губернский кооперативный съезд и на нем был создан Олонецкий губернский кредитно-производительный союз. А.П. Тихомиров был избран председателем правления союза. В 1921 г. в результате реорганизации прежнего Олонецкого кредитно-производительного союза был создан Олонецкий губернский союз, А.П. Тихомиров стал членом правления данного союза.

Осенью 1921 г. по инициативе А.П. Тихомирова был созван съезд кооперативных работников Карельской Трудовой Коммуны и оставшихся уездов Олонецкой губернии. На этом съезде был образован Олонецко-Карельский Краевой союз сельскохозяйственных и производительно-промысловых кооперативов (Крайсоюз). На Крайсоюз были возложены задачи по восстановлению сельского хозяйства республики. В 1921–1924 гг. А.П. Тихомиров был председателем правления Крайсоюза. С октября 1922 г. наряду с общим руководством союзом принимает на себя заведование торговыми операциями. С 11 декабря 1923 г. А.П. Тихомиров осуществлял и заведование общим отделом Крайсоюза. Однако с 1 сентября 1924 г. А.П. Тихомиров покинул службу в Крайсоюзе [6].

Уход А.П. Тихомирова из Крайсоюза был вынужденным. Его буквально выгнали из кооперативной организации как бывшего представителя партии эсеров, тем более, что до июля 1923 г. в правлении Крайсоюза не было ни одного члена РКП(б). Считая, что «кооперация находится в руках спецов, работающих в советском духе не за совесть, а за страх», Карельский обком РКП(б) неоднократно давал указания по «очистке аппарата кооперации от контрреволюционных элементов». 26 августа 1924 г. старое правление во главе с А.П. Тихомировым было снято со своих постов [7]. Изгнание А.П. Тихомирова и других «старых» кооператоров из созданного ими кооперативного союза привел к тому, что в апреле 1926 г. из-за больших убытков Крайсоюз, переименованный в Карсельсоюз, был ликвидирован, а сельскохозяйственные и промысловые товарищества Карелии остались без своего кооперативного центра.

После ухода из Крайсоюза А.П. Тихомиров как специалист с высшим образованием был востребован на других видах работы. В 1920–1930-е гг. он не вступал в политическую борьбу, был беспартийным. Проживая в Петрозаводске, он работал экономистом в Научно-исследовательском институте рыбного хозяйства Карелии. А.П. Тихомиров, кооператор с 1911 г. и работник народного просвещения, ранее принадлежал к партии эсеров. 10 декабря 1937 г. он был арестован. 28 декабря 1937 г., поскольку он, согласно приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г., попадал в категорию «члены антисоветских партий (эсеры)». Особой «тройкой» НКВД Карельской АССР он был осужден по статье 58 пунктам 10 и 11 с вынесением смертного приговора. Александр Павлович Тихомиров был расстрелян 8 января 1938 г. близ станции Медвежья Гора в местечке Сандармох. Реабилитирован посмертно прокурором Карелии 12 апреля 1989 г. [8]

Среди жертв политических репрессий были и сельские кооператоры, такие как Александр Григорьевич Любославский. Он родился в 1886 г. в семье карельского крестьянина в одной из деревень Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. А.Г. Любославский, по всей видимости, обучался в Олонецкой духовной семинарии, прошел полный курс обучения. После окончания А.Г. Любославский получил самую первую, низшую степень священства – диакона. Диаконы помогали священникам и епископам при совершении богослужений, но самостоятельно ни служить, ни крестить не имели права. В тоже время диаконы, имея разностороннее образование, полученное в духовной семинарии, могли преподавать в сельских школах. До революции 1917 г. Любославский был диаконом и преподавал Закон Божий в земской школе деревне Логмурочей Петрозаводского уезда. Об этом свидетельствует запись в «Памятной книжке Олонецкой губернии на 1914 год» [9].

В 1920-е гг. А.Г. Любославский проживал и работал учителем в Петрозаводском уезде в селе Спасская Губа, которое было центром Петровской волости. А.Г. Любославский принимал активное участие в работе Петровского потребительского общества. В Петровском потребительском обществе все делопроизводство находилось в образцовом порядке, в чем была немалая заслуга члена правления сельского учителя А.Г. Любославского.

В это время учителя участвовали в работе кооперативных кружков, были организаторами праздничных мероприятий с участием кооперированного населения, заботились о просвещении сельского населения, создавали библиотеки, через сельпо обеспечивали их литературой и периодической печатью. Для своих пайщиков правление Петровского потребительского общества выписывало газету «Красная Карелия», в кооперативе имелась собственная библиотека, но все прочитанные газеты раздавались населению. Петровское потребительское общество шефствовало над местной школой, устраивало детские вечера и праздники, даже рождественские ёлки с

угощением. С 1923 г. общество проводило мероприятия в честь Международного дня кооперации. В 1924 г. в день кооперативного праздника член правления Петровского ЕПО учитель А. Г. Любославский прочел пять лекций о кооперации с туманными картинками. [10]

В 1930-е гг. беспартийный учитель А. Г. Любославский проживал в Пряже, районном центре Карельской АССР. Там 7 марта 1938 г. он был арестован по приказу НКВД СССР от 30 июля 1937 г. как «наиболее активный антисоветский элемент из бывших церковников». А. Г. Любославский не принадлежал к той категории граждан, которые содержались в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжали вести там активную антисоветскую подрывную работу. Тем не менее ему было предъявлено обвинение по пунктам 2, 9, 10 и 11 статьи 58-й Уголовного кодекса РСФСР. 22 марта 1938 г. особая «тройка» при НКВД КАССР рассмотрела его дело и вынесла смертельный приговор. А. Г. Любославский был расстрелян 27 марта 1938 г. и захоронен в окрестностях Петрозаводска, по всей видимости, в лесном массиве Красный Бор. В 1937–1938 гг. в ходе массовых политических репрессий лесной массив Красный Бор был местом массового расстрела и таких тайных захоронений НКВД, обнаруженных в недавнее время. Александр Григорьевич Любославский, кооператор и народный учитель, был реабилитирован Президиумом Верховного Суда КАССР в период хрущевской «оттепели» 23 мая 1960 г. [11].

А. П. Тихомиров и А. Г. Любославский обвинялись по печально известной 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, вступившая в силу с 25 февраля 1927 г. Статья 58 УК РСФСР, дополненная в 1938 г., включала в себя целый ряд пунктов, конкретизировавших виды преступлений и меры социальной защиты и наказания для противодействия контрреволюционной деятельности. Так, в соответствии с 58-й статьей пункт 2 УК РСФСР за вооруженное восстание или вторжение с целью захватить власть предусматривал высшую меру социальной защиты: расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества. В 1938 г. такая мера пресечения как лишение гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнание навсегда из пределов Союза ССР даже и не упоминалась. Пункт 58-9 «причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях» предусматривал наказание аналогично статье 58-2.

А. Г. Любославский и А. П. Тихомиров обвинялись по статье 58-10: «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений». Наказание по этому пункту было такое же, что и за пункты 2 и 9 58-й статьи УК РСФСР [12].

Кроме того, А. Г. Любославского и А. П. Тихомирова ждало наказание по статье 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям». Как видно, по решению особой «тройки» НКВД КАССР ко «всякого рода организационной деятельности» была отнесена работа на ниве народного просвещения и участие в кооперативном движении. По всем пунктам 58-й статьи УК РСФСР в качестве главной меры социальной защиты предусматривался расстрел.

А. П. Тихомиров и А. Г. Любославский, кооператоры Карелии также стали жертвами политических репрессий 1937–1938 гг. Их, как и других ни в чем неповинных людей, всю свою жизнь отдавших служению народу, повышению благосостояния карельских крестьян путем участия в кооперативных организациях, приравнивали к уголовникам, бандитам, грабителям, вора, рецидивистам и другим преступникам. Тройка НКВД, внесудебный карательный орган, обвинив их в контрреволюционной деятельности, вынесла им смертный приговор. Таков был результат деформации политической системы, государственного аппарата и судопроизводства в период культа личности Сталина.

Источники и литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 280.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 61, 74.
3. История государства и права России в документах и материалах. 1930–1990-е гг. / Сост. И.Н. Кузнецов. М., 2003. С. 113.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 498.
5. Там же. С. 499.
6. Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. Р-721. Оп. 1. Д. 90/1044. Л. 110.
7. Дианова Е.В. Сельскохозяйственная кооперация Карелии (первая треть XX века) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Научный журнал. Серия: Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. № 1. С. 60.
8. Поминальные списки Карелии, 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Петрозаводск, 2002. Ч. 2: Большой террор. С. 803; Место расстрела Сандармох. Петрозаводск, 1999. С. 194.
9. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1914 год. Петрозаводск, 1914. С. 62.
10. НАРК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 488. Л. 48.
11. Поминальные списки Карелии, 1937–1938: Уничтоженная Карелия. Петрозаводск, 2002. Ч. 2: Большой террор. С. 556.
12. Уголовный кодекс РСФСР. Особенная часть. Глава первая. Преступления государственные // gumer.info/bibliotek_buks...article/st_58.php

**«ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 1941 г.»:
РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УРОЖЕНЦЕВ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В г. ЗАПОРОЖЬЕ**

Ю.И. Щур (Запорожье, Украина)

В современной украинской историографии достаточно плотно изучена проблема репрессий начального периода Второй мировой войны, в частности – против политических активистов Польши и украинских антисоветских организаций. Усилиями сотрудника Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины подполковника П. Кулаковского достоянием общественности стали списки на 6643 гражданина, которые состоянием на июнь 1941 г. находились в тюрьмах НКВД УССР и большинство из которых были расстреляны перед отступлением советских войск [1]. На Юге Украины к таким же «неблагонадежным элементам» были отнесены этнические немцы, проживавшие здесь со времен колонизации края. 31 августа 1941 г. Политбюро, опасаясь их возможной вредительской деятельности, решило депортировать всех этнических немцев Украины в восточные области СССР [2].

Проблема репрессий 1941 г. против уроженцев Западной Украины, которые проживали и работали на территории Надднепрянщины интересна как один из эпизодов борьбы с «неблагонадежными элементами», как отголосок событий на Западной Украине. На сегодняшний день она остается почти не изученной. На примере процессов в г. Запорожье попытаемся рассмотреть ее основные направления.

После присоединения Галиции и Волыни к УССР у западноукраинской молодежи появилась возможность учебы и трудоустройства на более значительной территории, чем прежде. Советское руководство было заинтересовано в привлечении рабочих на промышленные объекты, в частности и в таком крупном индустриальном городе как Запорожье. В то же время завербованные для работы уроженцы Западной Украины пребывали под полным контролем органов госбезопасности, особенно учитывая специфику борьбы последних с организованным и стихийным украинским национализмом.

«Первой ласточкой» такого внимания стала молодежная организация «Самостоятельная Украина», судебный процесс над пятью членами которой окончился 26 марта 1941 г. В материалах следствия указывалось, что весной 1940 г. завербованным для работы в тресте «Запорожстрой» уроженцем Станиславской (Ивано-Франковской) области Е. Бойчуком с помощью активиста обществ «Сокол» и «Просвита» Тернопольщины П. Шестопапки была создана молодежная организация антисоветского направления. Постепенно были вовлечены местные работники индустриальных предприятий, один из них, Г. Лебеденко, стал соруководителем. В состав организации входило 13 участников, шесть из которых были уроженцами Западной Украины. Следствие инкриминировало участникам организации подготовку к вооруженному восстанию против советской власти, в частности, разработку планов по подрыву Днепрогэса. Приговором суда Бойчук и Лебеденко осуждены к расстрелу, остальные – к 10 годам лагерей с поражением в правах на 5 лет. В 1992 г. дело было пересмотрено, а его фигуранты реабилитированы [3].

После нападения Германии на СССР недоверие к «западенцам» возросло еще более. Уроженец Тернопольской области В. Милан был арестован Запорожским УНКВД в июне 1941 г. и обвинен в участии в Организации украинских националистов (ОУН). Несмотря на полное отрицание арестованного и недоказанность обвинения, Особым Совещанием В. Милан был осужден к 5 годам исправительно-трудовых лагерей [4]. Еще один уроженец Тернопольской области Г. Моцык, который в 1940 г. прибыл по вербовке в Запорожье, был арестован 6 августа 1941 г. Ему также инкриминировали участие в ОУН. Ход расследования и дальнейшая судьба схожи с Миланом: Особым Совещанием 8 июля 1942 г., уже в эвакуации, он был осужден к 3 годам исправительно-трудовых лагерей и помещен в Усольлаг в Башкирии [5].

Еще одним «источником» появления уроженцев Западной Украины в Запорожье был призыв в ряды Красной Армии. Учитывая особенности политической жизни в Западной Украине до и после 1939 г., неудивительно, что среди призванных встречались лица как аполитичные, так и активисты ОУН. 31 июня 1941 г. сотрудниками УНКГБ по Запорожской области было начато дело против 11 красноармейцев 31-го инженерно-противохимического батальона МПВО НКВД в г. Запорожье. Все арестованные были уроженцами Львовской области. Из материалов следствия известно, что И. Немировский и М. Худой были участниками ОУН и перед выездом к месту службы от своих руководителей по организации получили инструкции о ведении националистической деятельности среди красноармейцев. Кроме них среди фигурантов дела еще два были членами ОУН – М. Цап и В. Жулин. Степень ангажированности в антисоветской деятельности остальных обвиненных установить пока не является возможным, материалы дела сделать это не позволяют.

И. Немировский постоянно поддерживал связь со своим прямым руководителем Попадюком, которому пересылал данные о колхозах Запорожской области. От последнего же получал информацию о подготовке оуновцев к антисоветскому восстанию. Соруководитель красноармейской ячейки ОУН М. Худой поддерживал письменную связь с националистами Львовской области через связную Л. Гловач. Основной ошибкой оуновцев было не-

соблюдение элементарных норм конспирации. В частности, в деле как вещественное доказательство фигурирует письмо Л. Гловач к М. Худому, состоящее на 85% из националистической риторики.

12 августа 1941 г. Военным трибуналом Запорожского гарнизона Одесского военного округа арестованные красноармейцы, за исключением двух, были приговорены к расстрелу [6]. В 1998 г. дело было пересмотрено, его фигуранты – реабилитированы [7].

Уроженец Тернопольщины, военнослужащий рядового состава 16 артполка ПВО г. Запорожья В. Батюк был арестован 24 июня 1941 г. и содержался в запорожской тюрьме. Он обвинялся в том, что являлся активным участником ОУН и активно проводил антисоветскую агитацию, направленную на подготовку контрреволюционного выступления против советской власти, например, на уничтожение командного состава и использование материальной части зенитной артиллерии для обстрела г. Запорожья и промышленных объектов. Архивное дело на В. Батюка примечательно тем, что в нем отсутствуют протоколы допроса и сведения о его дальнейшей судьбе [8]. Таким образом, сделать какие-либо выводы о степени виновности не представляется возможным.

Анализ материалов указанных выше архивно-уголовных дел, дает основания для ряда выводов и заключений. Группа «Самостоятельная Украина» и ячейка ОУН в 31-м батальоне Красной Армии действительно существовали. На это указывают как данные протоколов допроса фигурантов дел, так и вещественные доказательства. Кроме того, действия арестованных полностью укладываются в канву деятельности ОУН, которую она проводила после присоединения Западной Украины к УССР. В то же время некоторая информация выглядит «приукрашенной» под влиянием следователей, как, например, намерение участников «Самостоятельной Украины» взорвать ДнепрогЭС.

Достоверность материалов на арестованных В. Милана, Г. Моцыка и В. Батюка вызывает сомнение. По нашему мнению, указанные граждане попали в общий поток «неблагонадежных элементов». Основная вина их заключалась в том, что они как уроженцы Западной Украины теоретически могли бы быть участниками ОУН. И опять-таки теоретически, в случае отступления частей Красной Армии из Запорожья, могли бы стать коллаборационистами или примкнуть к антисоветскому движению.

На сегодняшний день нет полной информации о количестве уроженцев Западной Украины, прибывших в Запорожье в 1939–1940 гг. Как нет и точного количества западноукраинцев, подверженных репрессиям. С уверенностью можно сказать, что активисты походных групп ОУН, которые прибыли в Запорожье после занятия его немецкими войсками в октябре 1941 г., для создания ячеек организации искали поддержки у коренных жителей. Среди запорожских оуновцев уроженцы Западной Украины, которые бы попали в областной центр до войны, не фигурируют [9].

Источники и литература

1. Розстріляні на початку війни // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1994. № 1. С. 191.
2. Беркгоф К. Живна розпачу: життя і смерть в Україні під нацистською владою. Київ: Критика, 2011. С. 27.
3. Архив Управления СБУ в Запорожской области (далее – АУСБУ ЗО). Ф. ПД. Д. П-19824. Т. 3. Конверт. Л. 1-5.
4. Государственный архив Запорожской области (далее – ГАЗО). Ф. Р.5747. Оп. 3. Д. 6947. 64 л.
5. ГАЗО. Ф. Р.5747. Оп. 3. Д. 6865. 32 л.
6. АУСБУ ЗО. Ф. ПД. Д. П-21902. Л. 198-207, 212об-213, 222об.-223, 228-228об.
7. Архив Прокуратуры Запорожской области. Заключение о реабилитации. Т. 38. Л. 14-20.
8. ГАЗО. Ф. Р.5747. Оп. 3. Д. 2527. Л. 3-4об.
9. Щур Ю. Організація Українських Націоналістів на Запоріжжі. Короткий нарис. Запоріжжя: Друкарська дільниця Запорізького наукового товариства ім. Я.П. Новицького, 2009. С. 7-8.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В.А. Исупов (Новосибирск)

В историко-демографической литературе установлено, что после резкого подъема смертности во время голодомора 1932–1933 гг. произошло сокращение её показателей. Но это сокращение в 1937 г. сменилось очередным увеличением общего коэффициента смертности. По имеющимся оценкам, если в 1936 г. из каждой 1000 чел. в СССР умерло 20 чел., то в 1937 г. – 21,7 чел. [1]. Согласно оценке этих же исследователей, общий коэффициент смертности населения РСФСР в 1936 г. составил 23,6‰ [2].

Однако в материалах ЦУНХУ СССР повышение коэффициента смертности в 1937 г. не получило отражения. В 1936 г. в Советском Союзе действующими в то время загсами было зарегистрировано 2994 тыс. смертных случаев, в 1937 г. – 2977 тыс. [3]. Скорее всего, это связано в том, что рост смертности населения в 1937 г. помимо действия самых разных факторов, непосредственно обусловлен действием карательной машины государства. Проблема в том, что смертность советского пенитенциарного населения фиксировалась с огромными погрешностями. До самого конца 1939 – до начала 1940 г. смертность в лагерях, колониях, тюрьмах вообще не фиксировалась загсами, а, следовательно, не попадала в статистику ЦУНХУ СССР [4]. Современные оценки демографов, учитывающие смертность пенитенциарного населения, показали, что число умерших в СССР в 1937 г. составило 3557 тыс. чел. [5]. Разница между оценкой ЦУНХУ СССР и современными расчетами внушительна – 580 тыс. умерших. Однако этот разрыв образовался не только за счет сверхсмертности заключенных, но и за счет огромных погрешностей загсовской регистрации.

Таким образом, определить более или менее точно число жертв государственного террора в период максимального его всплеска пока не удалось, да и вряд ли это возможно из-за состояния источниковой базы. Имеющиеся в архивах материалы неполны, не всегда доступны исследователям, а в литературе приводятся противоречивые данные. Официальное признание о количестве репрессированных сделал в январе 1991 г. председатель КГБ СССР В.А. Крючков в интервью корреспонденту «Литературной газеты». Согласно его заявлению, в 1930-е, 1940-е, 1950-е гг. в СССР было осуждено 3778,2 тыс. чел., из которых 786,1 тыс. (20,8%) были расстреляны [6].

К иным выводам пришла комиссия созданная Президиумом ЦК КПСС в 1960 г. для расследования убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 1930-х гг. Материалы комиссии были предоставлены О.Г. Шатуновской газете «Аргументы и факты» в июне 1990 г. Как утверждает О.Г. Шатуновская, КГБ СССР направил в комиссию документ, согласно которому только за период с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19840 тыс. чел., из которых 7 млн. (35,3%) были казнены, а большинство других погибло в лагерях [7].

В.Н. Земсков, специально исследовавший проблему массовых репрессий в СССР, критически относится к материалам О.Г. Шатуновской. «В этой информации О.Г. Шатуновской, – пишет В.Н. Земсков, – допущено более чем 10-кратное преувеличение и размаха репрессий, и числа расстрелянных» [8]. Согласно данным самого В.Н. Земскова, на 1 января 1936 г. численность узников исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа составляла 1296,5 тыс. чел., на 1 января 1937 г. – 1196,4 тыс., на 1 января 1938 г. – 1881,6 тыс. чел. [9]. При этом в 1937–1938 гг. в исправительно-трудовых лагерях (без исправительно-трудовых колоний и тюрем) умерло 115,9 тыс. чел. [10]. Но В.Н. Земсков не сообщает о числе расстрелянных в 1937–1938 гг. по приговорам судов и внесудебных органов и количестве заключенных, умерших в тюрьмах и исправительно-трудовых колониях.

По мнению Д.А. Волкогонова, в 1937–1939 гг. репрессиям подверглись 3,5-4 млн. чел., а смертные приговоры получили около 600-650 тыс. чел. Кроме того, как пишет Д.А. Волкогонов, «очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах, не будучи приговоренными «судом» к смерти» [11]. Эти оценки, подчеркивает Д.А. Волкогонов, основаны на известных ему документах, но каких именно – не указывает [12].

Согласно данным, опубликованным в газете «Известия» в июне 1998 г. (справка НКВД СССР), в 1937 г. за контрреволюционные преступления было приговорено к высшей мере наказания 353,1 тыс. чел., в 1938 г. – 328, 6 тыс. чел., а всего за два года, таким образом, 681, 7 тыс. чел. [13], что в целом совпадает с материалами Д.А. Волкогонова. Кроме того, В.Н. Земсков опубликовал материалы, согласно которым в лагерях ГУЛАГа в 1937–1938 гг. умерло 115,9 тыс. чел., в число которых входят не только «враги народа», но и уголовники [14].

Итак, согласно официальным документам, в 1937–1938 гг. было расстреляно за контрреволюционные преступления 681,7 тыс. чел., умерло в ГУЛАГе 115,9 тыс. чел., всего 797,6 тыс. чел. К этому количеству необходимо добавить уголовников, которых тоже приговаривали к высшей мере, и сделать поправку на возможный недоучет. В итоге не будет большим преувеличением утверждение, что только в 1937–1938 гг. в результате карательной деятельности тоталитарного режима страна потеряла около 1 млн. человек погибшими.

Источники и литература

1. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 120.
2. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история России: 1927–1957. М., 1998 // <http://www.demoscope.ru/knigi/adk.html>. Приложение 3.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 790. Л. 231, 246, 260, 274.
4. См. подробнее: Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 26.
5. Население Советского Союза... С. 118.
6. Литературная газета, 1991. 23 янв.
7. Аргументы и факты, 1990. 2–8 июня.
8. Земсков В. Г. ГУЛАГ. (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.
9. Там же. С. 11.
10. Там же. С. 14–15.
11. Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 129.
12. Там же. 1989. № 9. С. 134.
13. Известия. 1998. 5 июня.
14. Земсков В. Г. ГУЛАГ... С. 14–15.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ОСОБЫЕ ЛАГЕРЯ МВД СССР: ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТИНГЕНТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАРФА)

А.Г. Миронов (Москва, Россия)

Созданные в 1948 г. особые лагеря МВД СССР были предназначены для заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления. Расценивая политзаключенных как особо опасных государственных преступников, власть стремилась создать максимально суровые условия наказания. Приказ МВД № 00219-1948 «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников» предусматривал использование труда заключенных особых лагерей преимущественно на тяжелой физической работе, с десятичасовой продолжительностью рабочего дня [1]. С учетом этого были определены места дислокации особых лагерей и их «привязка» к производственным объектам, требующим от заключенных больших физических усилий.

В Норильске политзаключенные Горлага добывали руду, строили жилые дома и медиаплавильный завод, обслуживали кирпичный и цементные заводы. Добыча и отгрузка угля стали основными видами работ для особых контингентов Минлага и Речлага, расположенных в Республике Коми. На Колыме политзаключенные Берлага трудились на рудниках и приисках, обслуживали горнорудные комбинаты и обогатительные фабрики. В Казахстане заключенные Песчаного и Степного лагерей добывали уголь, медную руду, молибден и марганец, строили обогатительные фабрики и жилые дома. Особый контингент Озерного лагеря использовался в Приангарье на лесозаготовках и строительстве западного участка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Руководство ГУЛАГа требовало от особых лагерей полного трудового использования политзаключенных. На местах выполнить эту задачу было крайне сложно, особенно в первые годы существования режимных лагерей. Только за первое полугодие 1949 г. трудовые потери по всем особым лагерям составляли от 17 до 30% [2]. Вывод на оплачиваемые работы не превышал 44% к списочному составу заключенных, а госбюджет недополучил почти 50 млн. руб.: при плане 250174 тыс. руб. особыми контингентами было заработано 201591 тыс. руб. [3].

Низкие производственные показатели особых лагерей за первое полугодие 1949 г. потребовали принятия мер, которые позволили бы добиться привлечения к труду всех особых контингентов. Обеспокоенность руководства ГУЛАГа была обусловлена не столько экономическими потерями от неработающих политзаключенных, сколько самим фактом того, что особо опасные государственные преступники сидят в лагерях без дела. Заместитель начальника ГУЛАГа П.С. Буланов 15 августа 1949 г. на совещании в Москве потребовал от начальников особых лагерей «не допускать, чтобы заключенные не работали, так как помимо ущерба, это является нарушением постановления Правительства. Вместо тяжелых работ – значительная часть заключенных вообще не работает» [4].

Одной из причин неудовлетворительной организации труда особого контингента являлось отсутствие объекта и фронта работ для заключенных. Здесь уместно обратить внимание на решение о создании особых лагерей, в котором политическая составляющая преобладала над экономической обоснованностью. Приказ МВД СССР «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников» от 28 февраля 1948 г. предусматривал дислокацию особых лагерей на базе уже существующих общих ИТЛ и лагерей военнопленных. Там же определялся лимит наполнения каждого режимного лагеря, например, в помещениях Интинлага МВД должны были быть сосредоточены 25000 заключенных особого лагеря № 1, а в районе Норильска на базе лагерных помещений Норильлага МВД создавался особый лагерь № 2 с общей численностью 15000 заключенных [5].

Получается, что новые лагерные подразделения с большим количеством заключенных создавались там, где предприятия и стройки МВД уже использовали труд заключенных ИТЛ, поэтому для трудоустройства политзаключенных необходимо было или создавать новые производственные объекты или сокращать общие контингенты. Ни к тому, ни к другому руководство ГУЛАГа и начальники лагерей, на базе которых создавались особые лагеря, не были готовы. Свидетельством тому служат многочисленные обращения в ГУЛАГ с предложениями прекратить направлять им особые контингенты.

Для решения проблемы полного трудового использования заключенных особых лагерей в ГУЛАГе в октябре 1949 г. был разработан приказ МВД СССР «Об улучшении трудового использования заключенных в особых лагерях». В обсуждении проекта приказа приняли участие все заинтересованные Управления МВД, главки ГУЛАГа и руководство особых лагерей. После внесения поправок Приказ МВД СССР № 001048 был принят 17 ноября 1949 г. Важно отметить, что аналогичный ведомственный приказ в отношении общих ИТЛ и колоний МВД приняли только через полгода [6], что можно расценивать как еще одно доказательство более пристального внимания руководства ГУЛАГа и МВД к политическим заключенным.

К настоящему моменту приказ МВД «Об улучшении трудового использования заключенных в особых лагерях» не рассекречен и остается недоступным для исследователей, о его содержании можно судить по проекту и

вносимым поправкам. Так, например, обращает на себя требование к начальникам особых лагерей обеспечить полное трудоустройство заключенных преимущественно на тяжелых физических работах. При этом подробно регламентируется организация труда ограниченно трудоспособных заключенных. Их предлагалось использовать на переработке древесных отходов (щепа, кора, ветви и т.п.), местных ископаемых (глина, известь и т.п.), животного сырья (шерсть, рога, копыта, кожи и т.п.), растительного сырья (лоза, солома, камыш и т.п.), а также на переработке промышленных отходов (швейных, текстильных, химических, резиновых и т.п.). Кроме того, на базе особых лагерей предлагалось организовать различные мастерские по ремонту имущества лагерей и по приему различных изделий от других организаций [7].

Наибольший интерес в проекте Приказа МВД СССР «Об улучшении трудового использования заключенных в особых лагерях» вызывает седьмой пункт, предусматривающий выплату работающим особым контингентам премиального вознаграждения. Очевидно, что в окончательном варианте изданного 17 ноября 1949 г. приказа этот пункт отсутствует, несмотря на огромное значение такого нововведения для повышения производительности труда заключенных.

Постановление Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 г. предусматривало выплату заработной платы с 1 января 1949 г. всем работающим заключенным, содержащимся в исправительно-трудовых лагерях Дальстроя. Наряду с общими контингентами премвознаграждение начислялось и заключенным особого лагеря № 5 «Береговой», что уже само по себе противоречило идее создания особых лагерей и являлось серьезным нарушением условий содержания особого контингента. Заметное повышение производительности труда на предприятиях Дальстроя побудило министра внутренних дел С. Н. Круглова обратиться в Совет Министров СССР с обоснованием целесообразности выплаты заработной платы заключенным особого лагеря. В обращении, датированном февралем 1949 г., указывалось, что «установление единой системы оплаты труда повысит заинтересованность заключенных в деле выполнения производственных заданий и будет способствовать более успешному выполнению производственного плана Дальстроя МВД» [8]. Инициатива МВД не нашла поддержки в правительстве и заключенным Берлага с июня 1949 г. выплата премвознаграждения была отменена, к особому контингенту стали применяться зачеты.

С 1 августа 1950 г. на заработную плату были переведены заключенные всех исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР. Отметим, что Приказ МВД СССР № 0462 от 19 июля 1950 г. утверждает о переводе на заработную плату заключенных во всех лагерях и колониях МВД, но Постановление Совета Министров СССР от 13 марта 1950 г., в соответствии с которым принимается это решение, вводит ограничение для особых лагерей [9].

С 1 марта 1951 г. заработная плата стала выплачиваться и в особых лагерях, но только заключенным общего режима, которых в особагах насчитывалось не более 7%. Особые контингенты были переведены на заработную плату двумя годами позже. Это произошло уже после смерти И.В. Сталина на фоне общего ослабления режима содержания в особых лагерях.

Полное трудовое использование особого контингента предусматривало и неукоснительное соблюдение продолжительности рабочего дня, которая в особых лагерях составляла 10 часов, т.е. на один час больше чем в общих исправительно-трудовых лагерях. Выходные дни предоставлялись по скользящему графику, но не более трех нерабочих дней в месяц (в ИТЛ – четыре нерабочих дня в месяц).

Обратим внимание, что норма рабочего времени политзаключенных нередко оставалась только нормой. Фактически продолжительность рабочего дня зависела от условий конкретного производственного объекта и колебалась в разных особых лагерях от 6 до 12 часов. Так, в отчете Берегового лагеря за 1949 г. отмечалось, что «при работе предприятий или отдельных объектов, где по производственной необходимости диктуется круглосуточная работа, заключенные вынуждены не дорабатывают 2 часа в смену, т.е. вместо положенных 10 часов фактически работают только 8 часов в смену» [10]. Одновременно с этим руководство Берлага просило МВД СССР «санкционировать для заключенных особого контингента 11-ти часовой рабочий день, с предоставлением отгула за переработанные часы путем дополнительных выходных дней в течение месяца согласно специального графика. В тех же случаях, когда заключенные по работе связаны с вольнонаемным персоналом или обслуживают механизмы, работающие по особому графику, вследствие чего фактически рабочий день данной категории заключенных – 8 часовой, разрешить компенсирование недоработанных ими часов путем лишения выходных дней» [11].

На открытых работах добиться полной продолжительности рабочего дня было совсем непросто, особенно в зимний период. Самым ярким примером здесь может служить ситуация, сложившаяся в особом лагере № 7 зимой 1949–1950 гг. В этом лагере основными объектами работ являлись лесозаготовки и строительство железной дороги. Обеспечить освещение на открытых участках работ, расположенных в нескольких километрах от лагерных подразделений, было невозможно. Заместитель начальника Озерлага Г.А. Марин в ноябре 1949 г. обратился в ГУЛАГ за разрешением сократить рабочий день до 7 часов, оправдывая это обращение сокращением световой части суток, так как заключенные выводятся на работу с рассветом и возвращаются в лагерь с наступлением темноты, не выдерживая полного рабочего дня [12].

На этих примерах мы убеждаемся в том, что принятые в Москве нормативы, не отвечали потребностям производства на местах. Руководство особых лагерей, комбинатов и строителей МВД фактически устанавливало иной распорядок рабочего времени, задним числом информируя об этом ГУЛАГ.

Еще одним средством повышения эффективности труда заключенных стало массовое привлечение их к трудовому соревнованию. Эта форма, активно применяемая на гражданских предприятиях, внедрялась и за колючей проволокой. Организация среди заключенных трудового соревнования была одной из основных задач культурно-воспитательных отделов (КВО), создаваемых в каждом из особлагов. В лагподразделениях инспекторы культурно-воспитательных частей (КВЧ) отвечали за популяризацию достижений передовиков производства и новаторов. Для этого применялись различные средства наглядной агитации: графики трудовых соревнований, доски почета, «Боевые листки» и т.п.

КВЧ и КВО регулярно докладывали о результатах производственно-массовой работы. Так, в отчете особого лагеря № 5 за четвертый квартал 1948 г. подчеркивалось, что в Береговом лагере трудовым соревнованием было охвачено 94,2% всех работающих заключенных [13]. В некоторых подразделениях особо отличившимся бригадам выдавались продуктовые посылки и объявлялись благодарности. Такие формы поощрения ударников труда из числа политзаключенных особенно интересны с учетом строгих предписаний правительства о запрете применения к особо опасным государственным преступникам каких-либо льгот. В связи с этим обратим внимание на письмо министра государственной безопасности В.С. Абакумова от 21 мая 1949 г., в котором он требует от ГУЛАГа «исключить выдачу хорошо работающим заключенным дополнительного питания и премовознаграждения» [14]. Руководство ГУЛАГа, в свою очередь, не соглашается с такими требованиями, объясняя, что «дополнительное питание и премиальное вознаграждение не является льготой, а компенсирует лишь затраты отдельными заключенными труда на производстве и выдается лишь тем, кто выполняет установленные производственные нормы выработки. Эти мероприятия способствуют повышению производительности труда заключенных и выполнению установленных правительством производственных планов предприятиями МВД СССР, а также поддерживают рабочую силу в трудоспособном состоянии» [15].

Такое противостояние двух ведомств, отвечающих за разные сферы деятельности особых лагерей, лишней раз подчеркивает сложившиеся в то время противоречия. С одной стороны, МГБ СССР требовало установления максимально строгого режима и условий содержания политзаключенных, которые нередко противоречили здравому смыслу. МВД СССР, судя по всему, исходило из реальных условий особой обстановки и допускало незначительные послабления в режиме ради выполнения производственных заданий.

При исследовании трудового использования заключенных ГУЛАГа самым дискуссионным является вопрос эффективности подневольного труда. Безусловно, контингенты заключенных представляли собой чрезвычайно мобильную рабочую силу, легко перебрасываемую с объекта на объект, главным образом, в тех регионах, где привлечение вольнонаемных работников требовало значительных средств. Одновременно с этим строгие режимные предписания, предъявляемые к особым лагерям, требовали от ГУЛАГа строительства и комбинатов МВД дополнительных средств на усиленную охрану, специальное ограждение жилых и производственных зон, организацию производственного обучения. Это, наряду с отсутствием возможностей организовать полное трудовое использование всех заключенных особых лагерей, приводило к превышению расходов по содержанию лагеря над доходами от производственной деятельности. Об этом свидетельствуют отчеты ГУЛАГа за разные годы. Так, по итогам 1949 г. только в Берлаге перечисления в доход бюджета превышали затраты на содержание заключенных, в то время как остальные лагеря работали в убыток [16].

Убыточность особлагов наблюдалась не только в первые годы их существования, что легко оправдать большими затратами на реорганизацию лагерных городков и производственных объектов, но и в последующие периоды. Свидетельством тому может служить смета расходов и доходов Озерного лагеря на 1953 г. Согласно этому документу расходы на содержание особого контингента, включая военизированную охрану лагеря, составляли 155850 тыс. руб., в то время как валовая сумма заработанного заключенными, включая различные начисления, планировалась в размере 103434 тыс. руб. [17]. Получается, что только по одному лагерю в течение года расходы на содержание заключенных более чем на 50 млн. руб. превышали доходы от производственной деятельности.

Учитывая такие показатели, трудно говорить о какой-либо экономической эффективности труда заключенных, как особых лагерей, так и ГУЛАГа в целом. Вместе с тем нельзя не признать, что при непосредственном участии политзаключенных были добыты миллионы тонн угля, олова, марганца. Заключенные особые лагерей стали основными строителями Норильска, Воркуты, Магадана. Их труд широко использовался на лесозаготовках и в транспортном строительстве. Важно подчеркнуть, что некоторые объекты, построенные узниками особые лагерей в 1940–1950-е гг., сыграли заметную роль в развитии экономики Советского Союза, часть из них используется по назначению и в наши дни.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р-9401. Оп. 2. Д.8. Л. 99.
2. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1846. Л. 92.

3. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1846. Л. 103.
4. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1846. Л. 22.
5. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 2. Д. 8. Л. 100.
6. Приказ МВД СССР № 00273 «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колонии МВД СССР» был принят 29 апреля 1950 г.
7. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1843. Л. 44.
8. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 196.
9. ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп. 1а. Д. 376. Л. 70.
10. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1848. Л. 65.
11. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1848. Л. 65-66.
12. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1866. Л. 40.
13. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1847. Л. 91.
14. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 16.
15. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 16-17.
16. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 1846. Л. 287.
17. ГАРФ. Ф.Р-9414. Оп. 1. Д. 2608. Л. 368.

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ

К.С. Ускембаев (Караганда, Казахстан)

Современный полиэтничный состав населения Республики Казахстан складывался на протяжении длительного исторического периода. В первой половине XX в. на многострадальной казахской земле развернулась чудовищная трагедия. Советская власть, казалось бы, призванная установить мир, справедливость и равенство, добро и свет, принесла народу огромные страдания. Тоталитарный режим искалечил судьбы миллионов людей. Трагедия состояла в том, что многие из уничтоженных репрессиями или пострадавшие от них участвовали в борьбе против царизма, были лидерами национально-освободительных движений, боролись за советскую власть, принимали активное участие в строительстве нового социалистического общества. В результате политических репрессий был уничтожен цвет казахской интеллигенции. Это Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсунов, Миржакип Дулатов, Султанбек Ходжанов, Мухамеджан Тынышпаев, Санжар Асфендияров, Сакен Сейфуллин, Турар Рыскулов и др. Они были опорочены режимом как «враги народа», отступники от идей коммунизма. Репрессивная политика коснулась и членов их семей.

Голод 20-х и 30-х гг. XX в., белый и красный террор, насильственная конфискация имущества и личного скота унесли жизни почти половины казахского народа. Миллионы казахов по воле «вождя народов» на своей исконной богатой земле были обречены на смерть и насилие. Помимо этого казахская земля превратилась в огромную тюрьму и место ссылки не только безвинно осужденных, но и депортированных народов.

Советская власть впервые в мировой практике осуществила депортацию целых народов. Насильственному переселению в Казахстан подверглись немцы, турки, корейцы, поляки, чеченцы, ингуши, калмыки, крымские татары, курды, иранцы и др. Переселение осуществлялось бесчеловечным образом. Тысячи людей преодолевали многодневный путь из самых разных уголков Советского Союза в товарных вагонах под строгой охраной ОГПУ. Массы раскулаченных, депортированных умирали в пути следования от сыпного тифа, желудочных заболеваний. Тысячами гибли они и в местах поселений. Особенно страшны были смерти детей. Чаще всего людей привозили и высаживали в голой степи. И люди вынуждены были выживать – они рыли землянки, сооружали бараки из самана, которые летом не просыхали, а зимой промерзали. В таких скудных жилищах ютилось по 50-70 человек с одной печкой на всех. Безжалостно возвращали и наказывали тех, кто осмеливался на побег.

Система концентрационных лагерей ГУЛАГа начала создаваться уже в годы гражданской войны. В специальном Постановлении СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г., в частности, говорилось: «...необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». В 1929 г., по указанию И. Сталина был подготовлен план по развертыванию сети исправительно-трудовых лагерей, а 7 апреля 1930 г. было принято специальное положение об этих лагерях. Так был образован ГУЛАГ.

Репрессивная политика была направлена не столько против явных политических оппонентов, сколько против противников мнимых. При этом люди в подавляющем большинстве случаев подвергались репрессиям не за какие-либо их слова или действия, а за принадлежность к той или иной группе (социальной, национальной и т.д.), которую власть в данный момент объявляла враждебной.

ГУЛАГ, являясь огромной «империей» внутри Советского Союза, состоял из 53 лагерей, 425 исправительно-трудовых лагерей, в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентных» (работающих на стройках и хозяйствах), 50 колоний для несовершеннолетних. Таким образом, в годы тоталитарного режима на территории Советского Союза было 953 лагеря. Система ГУЛАГа включала в себя спецпоселения (ссылка), колонии (для осужденных на срок менее 3 лет) и лагеря. Затем в систему ГУЛАГа были включены «Бюро исправительных работ», которое ведали лицами, приговоренными к принудительным работам без лишения свободы.

93 лагеря зловещей гулаговской системы истребления людей было размещено на территории Казахстана. Через них прошли судьбы от одного до полутора миллионов заключенных из 15 стран мира. Это были особые исправительно-трудовые лагеря и колонии, спецпоселения ОГПУ–НКВД, ставшие неизменным компонентом советской действительности эпохи Сталина.

Только в 1937–1938 гг. в Казахстане репрессированных было 118 тыс. Из них 25 тыс. было расстреляно. В нашу страну был депортирован миллион двести человек разных национальностей. Казахстан стал вторым домом для тех, кто оказался здесь не по своей воле.

Была продумана и правовая база для проведения массовых репрессий. Уже в 1926 г. УК РСФСР из 17 конкретных видов контрреволюционных преступлений к 12 предусматривалось применение высшей меры наказания – расстрела. Начиная с 1934 г. одно за другим следовали изменения в уголовном законодательстве. В результате, для расследования дел о террористических организациях и террористических актах против советской власти отводился срок, не превышающий 10 дней. В 1937 г. органам НКВД было официально разрешено приме-

нять к арестованным «физические меры воздействия»; была исключена возможность обжалования приговоров и смертные приговоры стали исполняться немедленно. Была пересмотрена структура системы НКВД СССР, ее кадровый состав, созданы внесудебные органы с функциями – «Особое совещание», «Тройки», а затем и «Двойки» [1].

В 1930-е гг. в Казахстане была образована целая сеть исправительно-трудовых лагерей. Самым большим из них был Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, просуществовавший более 20 лет и расположившийся на территории в 1 млн. 780 тыс. гектаров земли [2].

В государственном архиве Карагандинской области содержится комплекс документов, касающихся истории развития и деятельности Карлага НКВД. В основном это постановления и решения бюро Карагандинских обкома и горкома компартии Казахстана, на которых рассматривались различные вопросы хозяйственной деятельности Карлага, а также справки, докладные записки о подготовке совхозов Карлага к посевным работам, о состоянии животноводства и т. д.

Несомненный интерес у исследователей на сегодняшний день вызывают такие фонды: «Фонд политотдела Карлага», «Управление МВД по Карагандинской области», «Управление Саранского исправительно-трудового лагеря и строительство НКВД СССР», «Управление исправительно-трудового лагеря и строительство угольного разреза», «Шокайская трудовая воспитательная колонна (ТВК) № НКВД Каз ССР», «Управление лагеря военнопленных № 99 МВД СССР», «Управление наркомата юстиции Каз ССР» и др.

В открытых документах можно наглядно увидеть, как был создан и четверть века существовал огромный лагерно-партийно-промышленно-сельскохозяйственный гибрид. Несмотря на определенные «достижения» он по своей природе был крайне неэффективен в экономике. Он подавлял людей, транжирил человеческий труд и природные ресурсы. «Карлаг» и «АЛЖИР», как и весь ГУЛАГ, жили в мире жестокости и иллюзий.

Одной из трагических страниц истории Казахстана является депортация на его территорию народов практически со всех регионов бывшего Советского Союза.

Уже с начала 1930-х гг. будущая Карагандинская область стала местом ссылки крестьян из так называемых кулацких и байских хозяйств. Национальный состав трудпереселенцев 1930-х гг. был весьма разнообразен. Основную массу «кулаков» составляли русские, украинцы и немцы, но среди них немало было казахов, поляков, белорусов, татар, евреев, эстонцев, мордвы, армян, литовцев и др. [3].

По данным казахстанских историков, в период коллективизации в Казахстан было выслано 189 тыс. чел. из Центральных областей России. Из них в самый разгар голода, в мае 1931 г., 150 тыс. чел. было размещено в районах нынешней Акмолинской, Карагандинской, Павлодарской, Кокчетавской областей. По неполным данным, к 1937 г. число высланных в Казахстан составило 360 тыс. чел. [4]. Число высланных из года в год прибавлялось.

Расселенные в Карагандинской области трудпереселенцы работали не только в сельской местности, но и на различных промышленных предприятиях области. В документах Карагандинского облисполкома приведен перечень более 70 предприятий, учреждений и организаций, в которых в 1930-х гг. работали переселенцы [5].

В материалах Карагандинского облисполкома, горисполкома и ряда райисполкомов за 1930–1940-е гг. отложились списки кулацких и байских хозяйств, расселенных на территории области, списки граждан, находящихся на поселении и лишенных избирательных прав, личные дела и заявления трудпоселенцев о восстановлении их в избирательных правах. В фондах райисполкомов за 1943–1945 гг. находятся решения по вопросам освобождения ряда лиц от трудпоселения и восстановления их в гражданских правах за заслуги в работе в годы Великой Отечественной войны.

Приток спецпереселенцев в Казахстан и Карагандинскую область в частности увеличился во второй половине 1930-х гг., когда депортация народов, проводимая Советским правительством, приняла массовый характер.

По различным данным, в Казахстане в период Великой Отечественной войны находилось на спецпоселении от 900 тыс. до 1 млн. 209 тыс. чел. [6]. Представители практически всех народов, депортированных в Казахстан, находились на спецпоселении в Карагандинской области. С февраля 1948 г. в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» список спецпереселенцев, депортированных из различных регионов Советского Союза и расселенных на территории Карагандинской области, пополнился лицами, освобожденными из Карлага и поставленными на учет в спецкомендатуре [7].

Согласно данным, содержащимся в справке Карагандинского обкома КП Казахстана, на 1 августа 1948 г. на территории Карагандинской области проживало в общей сложности 39990 семей – 117043 чел. спецпереселенцев различных национальностей. Для учета спецпереселенцев в области было образовано 113 спецкомендатур МВД [8], выполняющих роль распорядительных органов.

Спецпереселенцы не имели документов, не могли без специального разрешения покидать места проживания, самовольная отлучка за установленные пределы считалась побегом. В определенные дни спецпереселенцы должны были отмечаться в комендатурах, а главы семей – ставить в известность работников комендатур обо всех изменениях в семье.

За годы своего существования (с 1931 по 1956 гг.) Карлаг принял около миллиона человек. Но поскольку архивы Карлага до сегодняшнего дня мало изучены, нет возможности назвать даже приблизительное число его жертв. В поселке Долинка (50 км к юго-западу от сегодняшней Караганды) располагался административный центр Карлага. Большое двухэтажное здание бывшего управления Карлага, в котором сейчас размещается музей памяти жертв политических репрессий, – величественная постройка с колоннами, выполненная в духе советского неоклассицизма, дом офицеров, бывший культурным центром для местных военных; дом техники, где проходили выставки достижений народного хозяйства; родильный дом и здание молельного дома, а также многочисленные развалины саманных построек, возведенных когда-то самими заключенными, составляют основной перечень довольно мрачных достопримечательностей. Эти здания управления Карлага сохранилось чудом. В прошлом году зданию лагерного управления был присвоен статус исторического памятника, охраняемого государством, и началось его восстановление. В этом году 31 мая открылся музей памяти жертв политических репрессий.

Годы молчания, за которым стоят, с одной стороны, страх разоблачения и расплаты, а с другой – тяжесть и унижительность воспоминаний безвинно осужденных, долго скрывали от нас истинные масштабы политических репрессий. И все же со временем, усилиями многих людей стираются «белые пятна», и картина массового террора против собственного народа проступает все яснее. История помнит женское горе, страдания и мучения матерей и детей в Акмолинском лагере, расположенном в селе Малиновка (ныне – село Акмол Акмолинской области), где 70 лет тому назад тысячи ни в чем неповинных женщин оказались за колючей проволокой, оторванные от семьи и детей. Это место и поныне является немым свидетелем человеческой трагедии XX в. Во исполнение поручения Президента Республики Казахстан Назарбаева Нурсултана Абишевича, Постановлением акимата города Астаны от 26 февраля 2007 г. был создан «Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий «АЛЖИР». Музей работает со дня открытия 31 мая 2007 г. во вновь построенном здании на территории печально известного Акмолинского лагеря жен изменников родины. Именно здесь в начале 1938 г. на базе 26-го трудпоселка (позже ИТЛ Р-17) было открыто Акмолинское женское спецотделение – один из трех островов «Архипелага ГУЛАГ», куда власть свозила тех, кто получил свои сроки. В разговорах между собой акмолинские узницы иронично называли свой остров экзотическим словом АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников родины.

Здесь томились в заключении более 18 тыс. женщин, осужденных Особым совещанием НКВД СССР [9]. Отбывали свои сроки жены, родственницы видных государственных деятелей страны, военных, ученых, писателей, дипломатов. Достаточно напомнить, что в АЛЖИРе отбывали сроки: жена Бухарина, сестры Тухачевского, сестры Гамарника, жена Блюхера, жена и дочь Енукидзе, жена Крестинского, жена и сын Пятницкого. А также жены Рыскулова, Асфендиарова, Нурмакова, Майлина, Жургенова, известная артистка Лидия Русланова, мать Булата Окуджавы, бывшая возлюбленная Колчака..., и многие другие [10].

Мероприятия памяти репрессированных проводятся в Казахстане с 1993 г. После выхода в свет Закона РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 г. начался новый этап процесса реабилитации безвинно осужденных. Данный закон предусматривает восстановление в гражданских правах жертв репрессий, устранение иных последствий произвола со стороны государства, обеспечение компенсации материального и морального ущерба. В 1997 г. указом главы государства 31 мая объявлен Днем памяти жертв политических репрессий. С того времени каждый год в этот день на месте бывшего лагеря проходит митинг, приезжают родные, чтобы почтить память своих близких. Теперь уже дети и внуки узников со слезами на глазах читают высеченные на мемориальной доске имена своих родных.

Источники и литература

1. Амантаев У.А. К истории политических репрессий в Казахстане. Карлаг. Астана, 2011. С. 86-91.
2. Шубин А. М. Карлаг в 40-х годах // Советские архивы. 1990. № 6. С. 30.
3. ГАКО. Ф. 239, 259, 1482. Оп. 1. Списки спецпереселенцев.
4. Козыбаев М. К., Алдажуманов К. С. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. Алматы: Фонд XXI век, 1997. С. 9.
5. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 335. Л. 49а-51.
6. Материалы «круглых столов» и семинаров. Алматы. 1996. С. 20.
7. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 41.
8. Там же. Ф. 1п. Оп. 7. Д. 133. Л. 7.
9. Годы лихолетия. Алматы, 1990. С. 210.
10. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. «Карлаг». Алматы, 1997. С. 65-84.

**СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И РЕПАТРИАНТЫ
В ТОРФОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В 1940-е гг.**

Н.А. Родионов (Ижевск, Россия)

Анализ отечественной историографии показывает, что вне внимания исследователей остаются вопросы истории создания отдельных индустриальных отраслей национальной экономики. Сегодня нуждается в изучении история возникновения и развития торфодобывающей промышленности. В частности, пока слабо проанализированы источники, обуславливающие создание и развитие торфяного производства на Урале в 1920–1940-е гг., отсутствуют публикации, рассматривающие вопросы формирования трудовых ресурсов.

В настоящей работе автор своей основной задачей ставит освещение вопросов численности, состава, географии размещения и использования труда спецпереселенцев и репатриантов в торфодобывающей промышленности Урала в 1940-е гг.

Становление торфодобывающего производства на Урале относится к 1920–1930 гг. и тесно связано с реализацией государственной политики по подъему индустриального хозяйства регионов [1]. На съезде торфяных деятелей Урала, состоявшемся в декабре 1920 г., отмечалось: «...наша задача – поставить торфяное дело на серьезную ногу» [2]. В этот период разворачивается добыча торфа на Частинских торфяных разработках Пермской губернии. Здесь трудились торфяницы-артельщицы из Брянской и Рязанской губерний [3]. Начинается строительство первых торфодобывающих предприятий («Басьяновское», «Лосиное», «Монетное»). Проводятся работы по выявлению новых центров для создания предприятий. Уральские власти выдвинули перед Москвой вариант сооружения Сарапульской торфяной электростанции [4]. Решения принимались и по другим крупным торфяным базам Урала. На западе региона были образованы в конце 1930-х гг. Увинтофоуправление и Увинторфстрой. Первая Свердловская областная производственная конференция Уралторфотреста, состоявшаяся 14–16 октября 1936 г. констатировала, что потребность в сезонной рабочей силе для торфопроизводства по стране выжалась в 120 тыс. чел., и что «...из года в год труднее становится вербовать рабочих-колхозников» [5].

Региональные периодические издания – журналы «Хозяйство Урала», «За индустриализацию УАО», газеты «Уральский рабочий», «Ижевская правда» и др. – широко освещают торфяную проблему [6].

В предвоенный период продолжается укрепление управленческой вертикали торфяной отрасли. В соответствии с постановлением Экономсовета при СНК СССР от 6 декабря 1940 г. вышел приказ Наркомата вооружения СССР от 13 декабря 1940 г. «Об организации Государственного Союзного треста «Оборонторфстрой» НКВ» [7]. В ноябре 1942 г. распоряжением СНК СССР он был переименован в Союзный Ижевский торфяной трест Народного комиссариата вооружений СССР.

Индустриализация Урала в 1920–1940-е гг. совпала с началом создания торфяной промышленности в регионе. Одним из крупных центров торфодобычи здесь предполагалось сделать Удмуртскую республику. Выявленные в 1920–1930-е гг. запасы торфа открыли возможности для расширения торфодобычи и укрепления топливной базы экономики Урала и его территориальных субъектов. Так, если в предвоенные годы (1937 г.) в Удмуртии было добыто 3 тыс. т торфа, то в 1940 г. – 28 тыс. т. В целом по Уральскому региону добыча торфа увеличилась с 1145,3 тыс. т в 1937 г. до 2086 тыс. т в 1940 г. [8].

В период Великой Отечественной войны в связи с расширением военного производства большое внимание уделялось укреплению топливно-энергетической базы. По оценке исследователей, именно развитие этого сегмента региональной экономики являлось важнейшим фактором непрерывного роста военного производства на Урале [9]. Правительство выделило на расширение топливно-энергетической и сырьевой базы уральской промышленности около 4 млрд. руб. [10]. В Молотовской, Свердловской и Челябинской областях в 1943 г. добыча торфа увеличилась в 2–3 раза. В регионе вступило в строй несколько торфодобывающих предприятий, были введены в эксплуатацию многие мелкие месторождения, а также расширена торфодобыча вблизи от промышленных центров [11]. Крупным центром интенсивного освоения торфяных ресурсов на Урале становится Удмуртская Республика. Трестом «Оборонторфстрой» здесь были созданы несколько новых торфопредприятий [12].

Дефицит рабочей силы и технических специалистов был одним из дестабилизирующих факторов на этапе создания и становления торфяной отрасли. В 1930–1940-е гг. происходило формирование уральских рабочих кадров торфяников. Среди рабочих на торфоразработках региона были башкиры, русские, татары, удмурты [13]. По линии Башкирского и Удмуртского обкомов партии налаживалось информационно-просветительское обслуживание рабочих на их родном языке [14]. Наряду с сезонниками, завербованные на территории Урала или из-за его пределов, мобилизованными рабочими на предприятиях торфодобычи трудились эвакуированные граждане, заключенные ИТК и иностранные военнопленные [15]. В период войны в составе рабочих-торфяников преобладало местное мобилизованное население из городов, рабочих и сельских поселений. Трудовая повинность была одной из главных форм мобилизации рабочих на добычу торфа [16].

В период войны и после ее окончания значительную долю среди уральских рабочих-торфяников представляли спецпереселенцы, отличавшиеся широким составом. Поступление больших по количеству партий спецпереселенцев в основные торфодобывающие центры Урала статистикой отмечено главным образом в послевоенный период. Так, в сентябре 1945 г. в Удмуртию прибывает очередной крупный контингент спецпереселенцев (2106 чел.). Он весь поступил в распоряжение Союзного Ижевского торфяного треста. Контингент спецпереселенцев был размещен на шести предприятиях. По состоянию на 1 октября 1946 г. общее количество спецпереселенцев на торфопредприятиях Удмуртии составляло 3238 чел. На 1 июля 1947 г. на учете по Ижторфтресту состояло 3109 спецпереселенцев, из них работающих – 1697 чел. [17]. Необходимость использования труда спецпереселенцев и репатриантов в торфяной промышленности оставалась высокой и в последующий период. Сохранялся дефицит рабочей силы, как постоянного кадра, так и особенно сезонников. Об этом свидетельствуют данные по отдельным предприятиям.

Состав спецпереселенцев, водворенных в торфяную промышленность Урала, представлял собой собственно взрослое мужское и женское трудоспособное население, одиночки и семьи с детьми. Иногда статистика отмечает отдельно трудоспособную часть работников, занятых на торфопредприятиях, и количество семей (иждивенцев, детей) спецпереселенцев. Выявленные источники по отдельным предприятиям дают более подробную картину состава спецпереселенцев. Так, на торфопредприятии «Нюрдор-Котья» по данным на 15 июля 1947 г. общее количество спецпереселенцев с семьями составляло 728 чел., из них мужчин – 158, женщин – 315, иждивенцев – 81, детей – 174. На производстве работало 496 чел., из них 138 мужчин. На торфопредприятии «Увинское» в июле 1947 г. насчитывался 891 спецпереселенец с семьями, из них работало 483 чел. В целом, выявленные сведения о составе рабочих по торфопредприятиям показывают, что количество спецпереселенцев во много раз превышало другие категории (мобилизованные рабочие, эвакуированные).

В условиях военного времени и в последующий период не все предприятия в регионе могли обеспечить жильем прибывающие к ним группы спецконтингентов. Так, на торфопредприятии «Чернушка-Вожойка» осенью 1945 г. были начаты работы по строительству землянок для спецпереселенцев. Впоследствии на такой базе самостроя и проведения закрепления освоенной территории за спецпереселенцами предусматривалось создание постоянного жилья с приусадебными участками [18]. Таким образом, отдельные рабочие поселки в районах торфодобычи на Урале в 1940-е гг. возводились руками самих спецпереселенцев.

Строительство барачных, общежитий барачного типа и других домов на предприятиях шло медленно. Жилищно-бытовые условия рабочих-торфяников оставались долгое время неудовлетворительными. Приказом управляющего Союзным Ижевским торфяным трестом от 30 ноября 1945 г. предусматривалось «...принять срочные меры к ликвидации перенаселенности в бараках-общежитиях, в особенности среди спецпереселенцев» [19]. Проблемы жилищного обустройства решались также путем расселения спецпереселенцев в домах, арендуемых у крестьян-колхозников, а также оказанием помощи в строительстве и приобретении ими собственных домов.

Социально-бытовое обслуживание рабочих на торфодобывающих предприятиях Урала в годы войны налаживалось медленно, что вызывало в свою очередь большое количество жалоб. Магазины, ларьки, бани, санпропускники нарушали графики работы. Медпункты и изоляторы находились в плохом состоянии. Недостаточно было жесткого инвентаря, медикаментов. Почти такое же состояние жилищно-коммунальной и социальной сферы было отмечено и в послевоенный период на предприятиях «Галево», «Нюрдор-Котья», «Увинское» и др. Выявленные архивные источники показывают, что отдельные руководители мало заботились о людях. Так, директор торфопредприятия «Галево», будучи заранее проинформированный о немедленной и всесторонней подготовке к принятию и распределению направляемого спецконтингента, не подготовился к приему людей. Прибывшие 2 ноября 1945 г. спецпереселенцы встретились с целым рядом затруднений при расселении.

Принимались меры по дополнительному закреплению рабочих на торфяном производстве. Министр вооружения СССР Д.Ф. Устинов 29 марта 1947 г. подписывает приказ о направлении на торфопредприятия Ижторфтреста на сезон торфодобычи 1947 г. 2000 чел. рабочих помимо плана по оргнабору [20]. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. хозяйства репатриантов, мобилизованных и эвакуированных рабочих, заключивших индивидуальные договоры с предприятиями Ижторфтреста сроком не менее трех лет, освобождались от обязательных государственных поставок сельскохозяйственных продуктов. Заключение договоров по закреплению на торфопроизводстве с прочими, не перечисленными выше категориями работников, не предусматривалось. Таким образом, спецпереселенцы не попали под действие принятых правительственных и ведомственных решений.

В целях обеспечения новой добывающей отрасли трудовыми ресурсами с 1 сентября 1946 г. повышалась заработная плата рабочим и инженерно-техническим работникам торфодобывающих предприятий Ижторфтреста. Пересматриваются лимиты продовольственного снабжения рабочих, предоставляемых торфопредприятиям, в размерах, обеспечивающих завоз новых рабочих по планам оргнабора. Также выделялись дополнительные фонды на продовольственные и промышленные товары, постельные принадлежности, спецодежду, галоши и другие предметы [21].

Одной из характерных черт рассматриваемого периода стало интенсивное использование женского труда в торфяной промышленности. Доля женского труда среди рабочих-торфяников значительно увеличилась. Широко привлекались на производство женщины-спецпереселенки. Мобилизованные сезонницы, эвакуированные и спецпереселенки вынесли основную тяжесть работ на предприятиях. Имелись многочисленные факты самоотверженного, упорного труда женщин-торфяниц. Так, бригада А. Кожевой (торфопредприятие «Увинское») в июле 1943 г. нарезала по 32-34 тыс. штук торфяных кирпичей при норме в 31 тыс. штук. В сезон 1944 г. резчица торфа торфопредприятия «Майское» А.И. Кропачева выдала в одну из рабочих смен 65 куб. метров торфяной массы, выполнив задание на 467,3%. Вместе с другими работницами спецпереселенки в 1940-е гг. добыли и убрали тысячи тонн торфяного топлива. Причем вся эта работа производилась не столько механическим способом, сколько вручную и это был тяжелый, изнурительный труд. Имеющиеся исследования и воспоминания показывают условия производства в военный и послевоенный период: «...работали в ужасных условиях: вручную, в сырости, в холоде, с весны до осени, пока не выпадет снег. Молодые девушки 15–17 лет корчевали пни ломами и топорами» (торфопредприятие «Тюлькино-Пушкари»).

Нахождение в тылу спасло многих из спецпереселенцев от массового физического уничтожения. Тем не менее жертвы были. Тяжелые условия труда на торфяном производстве, неустроенность быта, недостаточное питание, морально-психологический прессинг и болезни унесли немало жизней. Оставшиеся на Урале спецпереселенцы, репатрианты и их потомки в 1940–1950-е гг. составили ядро формирующихся постоянных кадров рабочих-торфяников. Многие из них стали кадровыми рабочими, а отдельные – специалистами и руководителями на торфодобывающих предприятиях. В конце XX в. началась работа по реабилитации бывших спецпереселенцев. Значительная группа реабилитированных граждан, наших соотечественников эмигрировала в этот период за границу.

В целом, изучение темы позволило не только раскрыть действие государственного репрессивного механизма в одном из крупных регионов страны, но и глубже понять особенности создания торфодобывающей промышленности на Урале в 1920–1940-е гг., выяснить, как происходило формирование кадров торфяников и шире представить структуру (состав) рабочих.

Следует подчеркнуть, что создание торфодобывающей промышленности на Урале в 1920–1940-е гг. происходило в сложных условиях. Наиболее острой оставалась проблема с кадрами. В условиях войны сохранялся мобилизационный принцип обеспечения рабочей силой новой отрасли. В торфяную промышленность Урала по плановой мобилизации направлялись работники из Башкирии, Удмуртии, Мордовии и других республик и областей. Использование временной рабочей силы (спецпереселенцы, сезонники, эвакуированные, иностранные военнопленные и др.) принесло определенный, хотя и не крупный, экономический эффект. Именно за счет использования труда спецпереселенцев, репатриантов и других категорий репрессированного населения произошло расширение топливной базы Урала. Спецпереселенцы внесли значительный вклад в создание и расширение торфяного производства на Урале, формирование и укрепление социальной инфраструктуры рабочих поселков торфяников.

Спецпереселенцы и репатрианты в 1940-е гг. представляли наиболее крупную по численности группу рабочих торфяной промышленности. Дислоцировавшиеся в различных частях Уральского региона спецпереселенцы, репатрианты и другие категории «свободного» репрессированного населения стали источником формирования первых постоянных кадров рабочих-торфяников, основой для создания трудовых коллективов новых торфодобывающих предприятий.

Источники и литература

1. Родионов Н. А. Создание торфодобывающей промышленности на Урале (1920–1940-е гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 172–178.
2. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р–11. Оп. 1. Д. 33. Л. 22.
3. ГАСО. Ф. Р–1815. Оп. 1. Д. 208. Л. 54, 54 об.
4. Центр – об Урале // Уральский рабочий, 1930. 11 апр.
5. ГАСО. Ф. Р–2205. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
6. Торфотрест и электростанция отвиливают от ответственности за перебои в работе торфяников // Уральский рабочий, 1930. 8 марта; Гнать классового врага с торфоразработок! // Уральский рабочий, 1930. 7 мая.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2, 8.
8. Ученые записки кафедры истории КПСС / Пермский государственный университет им. А.М. Горького. Пермь, 1965. № 133. С. 170.
9. История Урала. Пермь, 1965. Т. II: Период социализма. С. 40.
10. Клименко К. Уральский промышленный район. М., 1945. С. 4; Урал – фронту. М., 1985. С. 44.
11. Клименко К. Уральский промышленный район... С. 51, 53.
12. Родионов Н.А. Рабочие-торфяники Удмуртии в период Великой Отечественной войны // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность. Глазов, 2002. С. 26.
13. ЦГА УР. Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 32. Л. 27, 27 об.

14. Урал–фронту... С. 92.
15. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (далее – ЦДНИ УР). Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. 2295. Оп. 1. Д. 1. Л. 81; Д. 3. Л. 7.
16. Клименко К. Уральский промышленный район... С. 51, 53; Урал-фронту... С. 127, 160, 162.
17. ЦГА УР. Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 32. Л. 80; Д. 48, Л. 51.
18. ЦГА УР. Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 48. Л. 51, 51 об.
19. ЦГА УР. Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 32. Л. 121.
20. ЦГА УР. Ф. Р–1081. О. 1. Д. 48. Л. 88, 89, 90.
21. ЦГА УР. Ф. Р–1081. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-11-18001 а/У).

ГУЛАГ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Л.А. Максимова (Сыктывкар, Россия)

Системные реформы и переход к рыночной экономике чрезвычайно актуализировали проблему дальнейшего освоения и эффективного использования ресурсов Севера. В условиях значительных территориальных потерь на западных и южных рубежах России возникает настоятельная необходимость разработки новой стратегии региональной политики в северных субъектах РФ. Однако Север все еще часто воспринимается как колония с неисчерпаемой кладовой, где не живут, а зарабатывают, где не благоустраивают среду, а разрушают ее [1].

При разработке современной стратегии развития Европейского Севера необходимо конструктивное осмысление прежнего опыта для того, чтобы избежать повторения как прошлых, так и возникновения новых ошибок в региональной политике.

В этой связи представляет познавательный и практический интерес проблема модернизации территории Европейского Северо-Востока, которая напрямую связана с освоением природно-ресурсного потенциала Республики Коми и с индустриализацией страны.

Классическая модернизация представляет собой процесс перехода от традиционного общества к индустриальному: в экономике процесс модернизации характеризуется переходом от аграрного производства к промышленному, в социально-политической сфере – утверждением либеральных ценностей и созданием общества стремящихся к всесторонней реализации граждан. Говоря о модернизационных процессах в СССР, современные исследователи утверждают, что большевикам не удалось завершить промышленную модернизацию [2]. Хотя темпы экономического развития в СССР были выше и стабильнее, чем в капиталистических странах, этот процесс происходил крайне болезненно, порождая массу проблем и трудностей. Авторы работ по модернизации В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева, проанализировавшие регионы СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции, отметили, что мобилизационная экономика обеспечила беспрецедентный рывок для модернизационного перехода, но он не был закреплен необходимым механизмом саморазвития, что породило кризис системы в дальнейшем [3].

Для советского руководства именно индустриализация стала тем опорным рычагом, с помощью которого оно стремилось модернизировать советское общество. Для реализации программы ускоренного экономического развития были необходимы природно-сырьевые ресурсы северных территорий СССР. Руководство страны нашло блестящий выход из положения – была создана система исправительно-трудовых лагерей на территориях, подлежащих индустриальному освоению.

Мы уже имеем представление о количестве лагерей и их хозяйственной деятельности на территории Европейского Северо-Востока. Перечислить все, что производилось и добывалось жителями ГУЛАГа, практически невозможно. К 1940 г. лагерная экономика охватывала 20 отраслей народного хозяйства, среди которых ведущими были цветная металлургия (на ее долю приходилось 32,1% всей товарной продукции ГУЛАГа), лесозаготовка (16,3%) и топливная промышленность (4,5%) [4, 5]. Большинство производств, организованных ГУЛАГом на территории Коми, формировали основу экономической модернизации. В процессе освоения одновременно создавались основные и обслуживающие отрасли. 95% инвестиций, вложенных в народное хозяйство Коми АССР из республиканского и союзного бюджета в довоенные пятилетки, осваивались, в основном, в результате хозяйственной деятельности ГУЛАГа. Так за 1933–1937 гг. по линии Ухтпечлага было освоено около 68% всех инвестиций. Значительные средства освоены силами спецпереселенцев [6].

Коми АО стала объектом спецколонизации, проводившейся по инициативе центральных и местных властей в конце 1920-х гг. По данным Н.М.Игнатовой, к октябрю 1930 гг. спецпереселенцы в Коми АО составляли 19% населения области. Своего максимума численность спецпереселенцев достигла к 1931 г. 40325 чел. [7]. Подавляющее большинство спецпереселенцев использовалось на заготовке и сплаве леса треста «Комилес». Сельским хозяйством они занимались в основном в южных районах области.

В конце 1930-х гг. среди участников спецколонизации стали доминировать заключенные. Н.В. Упадышев связывает это с массовым террором, развязанным руководством страны в 1937 г., и с расширением масштабов индустриализации особенно в богатых ресурсами, но мало населенных районах страны, что потребовало значительного количества свободной и мобильной рабочей силы. Проблема дефицита рабочей силы решалась путем направления в малообжитые районы огромного потока спецконтингента [8]. В.И. Кортаев продолжает и дополняет этот аспект исследования на примере выявления зависимости демографических процессов от принудительной колонизации 1930-х гг. Он отмечает факт отсутствия специально разработанных программ адаптации мигрантов, задействованных в модернизации территории, к экстремальным для них условиям проживания на

Севере. Кроме того, исследователь замечает, что не была разработана программа и для эффективного диалога между мигрантами и коренным этносом [9].

В значительной мере за счет насильственной миграции населения решались и проблемы урбанизации. В 1959 г. в республике проживало уже 815 тыс. чел. (вместо 225 тыс. в середине 20-х гг.) и 484 тыс. из них – в городах. Появились современные города: Ухта, Воркута, Печора и Инта [10]. Максимальная концентрация привлекаемого в города населения для обеспечения предприятий рабочей силой осуществлялась путем насильственной миграции репрессированного населения. Место возникновения городов определялось наличием сырьевых запасов либо сведений о потенциальных запасах природных ресурсов на конкретной территории. Так Ухта возникла как центр нефтяной отрасли, Воркута и Инта – центры угольной промышленности, Печора – железнодорожный узел, Сосногорск – центр газопереработки, пос. Водный – центр радиевой отрасли. Одновременно со строительством разрабатывались и теоретические приемы архитектуры Заполярья. Большой вклад в разработку основных направлений развития градостроительства на севере внесли репрессированные архитекторы – В.Н. Лунев, Левин, Орлов, Левитан, Жижимонтов и др. Восемь из 10 городов современной Республики Коми построены силами исправительно-трудовых лагерей, т.е. руками заключенных. Наряду с привнесением начатков цивилизации в жизнь коренного населения в связи с появлением новых городов, это процесс имел и теневые стороны, которые проявлялись в разрушении традиционных форм природопользования коренного населения, деформации этнического самосознания, сужении сферы использования коми языка. Все эти последствия не соответствуют ценностной шкале модернизации.

Догоняющая форсированная модернизация, осуществляемая в СССР, в литературе часто именуется «сталинской». И Валлерстайн указывал на логическую преемственность Сталинско-Виттевского курса догоняющей индустриализации, несмотря на разную фразеологию. Эту преемственность ученый усматривал в стратегических целях модернизации: создание военно-индустриальной империи [11].

В процессе освоения природных ресурсов на территории Республики Коми ГУЛАГом был создан мощный топливно-энергетический производственный комплекс. В разные годы исследуемого периода в освоении природных богатств было задействовано 19 самостоятельных структур: экспедиция ОГПУ, лагеря НКВД (МВД), управления лагерей НКВД (МВД) [12]. Хозяйственная деятельность лагерей привела к тому, что республика из лесосырьевого придатка превратилась в промышленно-развитую территорию. Программа работ, предписанная Постановлением ЦК ВКП(б), была полностью претворена в жизнь с помощью лагерного метода освоения и колонизации территории, удаленной от центра страны.

Экономическую модернизацию территории Европейского Северо-Востока нельзя оценить однозначно. В первых, следует отметить, что речь действительно может идти только об экономической модернизации, причем при всяком отсутствии либерализма (в отличие от классической модели западной модернизации), в том числе и экономического. Современные исследователи уже согласились с тем, что модернизация может начаться в условиях тоталитарного государства и есть множество примеров, когда «...именно сильное государство является эффективным фактором экономической модернизации» [13].

В региональной модели индустриализации на первых этапах наблюдаются явные признаки протоиндустриализации. Одновременное сочетание миграционных потоков, создание социальной и производственной инфраструктуры сопровождалось низким уровнем материально-технического обеспечения процесса. О протоиндустриальном характере свидетельствуют большой удельный вес ручного труда на лагерных производствах (к 1940 г. в лесной отрасли, дававшей в Коми АССР 2/3 валового продукта республики, механизированная вывозка леса составляла всего 22% [14]), высокая себестоимость продукции.

Вместе с тем следует отметить действительно инновационные проекты, осуществленные силами ИТЛ в регионе. К ним относится создание нефтяных шахт для добычи тяжелой нефти, осуществленное в СССР впервые на Ярегском месторождении в Коми. Другим сложнейшим проектом явилась организация разработки радиевого месторождения на Водном (Ухтинский район Коми). Важнейший вопрос транспортировки нефти был призван решить еще один смелый проект – строительство подвешенного нефтепровода. Эти амбициозные проекты были претворены в жизнь усилиями сотен репрессированных ученых – химиков, физиков, геологов, технологов и других специалистов и простых работяг из заключенных. Но эти реальные новации явились результатом использования в целом экстенсивных, даже примитивных методов, использовавшихся в модернизации края.

Использование принудительного труда в процессе освоения региона привело к растрате сил и талантов специалистов-заключенных. Система использования кадров явно не вписывалась в рамки ценностей модернизации. Участие профессионала в любом деле повышает его результативность. Но лишь 10-15% срока заключения инженеров, плановиков, технологов и бухгалтеров использовали по специальности, да и то не всех. Учет специалистов в лагерях ГУЛАГа стал более систематическим в конце 1930-х гг. А поначалу инженеры «вкльвали» на общих работах (см. табл.).

Сводка о наличии заключенных специалистов по Локчимлагу за 1938 г.

№ п/п	Специалисты	Всего	Из них работают по специальности
1.	Работники учета (бухгалтеры, экономисты и др.)	512	319
2.	Машинисты, кочегары, механики 27 7	27	7
3.	Десятники	130	68
4.	Строители	709	349
5.	Автотранспортники	195	94
6.	Железнодорожники	36	6
7.	Специалисты по лесному делу	44	15
8.	Врачи	46	29

Источник: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1138. Л. 61.

Как видим, даже тех специалистов, о наличии которых было известно, не использовали по назначению. Кроме того, к специалистам в ГУЛАГе относили далеко не всех заключенных, имеющих специальность, квалификацию и образование. С точки зрения лагерного руководства, к специалистам следовало относить лишь инженеров, техников, бухгалтеров, экономистов, врачей и фельдшеров [15], т.е. тех, кто бы принес пользу непосредственно в лагерном производстве.

Вследствие неудовлетворительных условий содержания даже общие работы были по силам далеко не каждому заключенному. Так, в сводках учетно-распределительного отдела ГУЛАГа за 1938 год отмечается, что в ряду других лагерей самый низкий процент трудового использования наблюдался и в Ухтпечлаге – 59,6% при среднем показателе 70,6%. В 1938 г. процент больных и нетрудоспособных при среднем показателе по ГУЛАГу 9,2% в Севжелдорлаге был, например, 17% [16].

И все-таки репрессированное население сыграло основную роль в модернизационных процессах в регионе. Если мы обратимся к процентному соотношению заключенных и вольнонаемных в лагерях, то срез даже 1953 г. – года начала расформирования лагерей (когда население северных районов пополнилось за счет освободившихся) – дает такие цифры. В Печлаге вольнонаемных было не более 6% (причем, эти вольнонаемные были из недавно освободившихся зеков, т.н. колонизованных – так государство закрепляло кадры на севере) [17], в Воркутлаге – 12,4% (вместе с лагерной администрацией и охраной) [18], в Водораздельном лагере – 23% [19]. Нефтегазовая, угольная, радиовая, асфальтовая отрасли практически полностью обеспечивались рабочей силой исправительно-трудовых лагерей. В лесной промышленности – традиционной для Коми – 25% продукции создавалось принудительным трудом [20].

Несмотря на широкомасштабную хозяйственную деятельность лагерей, имевшую определенные успехи в отдельные периоды в индустриализации края, в целом лагерную индустриализацию следует считать неэффективной [21]. Она оказалась неспособной стать основой для создания высокоэффективной экономики.

Но вместе с тем мы не можем не говорить о созидательной роли репрессированного населения, участвовавшего в индустриальных модернизационных процессах. Все что возведено в северных районах коми земли в 1930–1950-е гг. было возведено обитателями ГУЛАГа, населением исправительно-трудовых лагерей. Однако данное обстоятельство не способствовало получению главного результата классической модернизации – «формированию сообщества стремящихся к всесторонней самореализации граждан», а значит – противоречило целям модернизации [22].

И когда мы задумываемся о цене созданного, о том бессмысленном расточительстве в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу в других условиях, неизбежно встает вопрос об альтернативных методах экономической модернизации.

Источники и литература

1. Николаев М.Е. Дальше отступать некуда. За нами Арктика // Российская Федерация сегодня. 2002. № 20. С. 10.
2. Шумилов М.И., Шумилов М.М. История России. Конец 19 – начало 21 вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: «Олеариус Пресс», 2008. С.168.
3. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад с СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции. // Отечественная история. 2003. № 5. С. 9.
4. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М.: МОНФ, 1997. С. 99.
5. Государственный архив Российской Федерации (см. далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1312. Л. 189.
6. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: АНБУР, 2011. С. 382.
7. Игнатова Н.М. Осуществление политики спецпереселения и изменение в составе и численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Сыктывкар [Б.и.], 2001. Т. 4. Ч. 2. С. 20-24.

8. Упадышев Н.В. Гулаг на Архангельском Севере. 1919–1953 гг. Архангельск: Издательский центр Поморского университета, 2004. С. 10.
9. Коротяев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: Издательский центр Поморского университета, 2004. С. 113.
10. Коми АССР 60 лет: Статистический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981.
11. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 33.
12. Максимова Л.А. Индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2005. С. 14-19.
13. Гаджиев К.С. Вестернизация или особый путь модернизации. // Политические исследования. 2008. № 4. С. 156.
14. Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2005. С. 22.
15. ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1138. Л. 26.
16. ГАРФ. Ф.9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1139. Л. 192, 242.
17. Подсчитано нами по данным: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 189. Л. 281, 283.
18. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 191. Л. 203.
19. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Ч. 1. Д. 176. Л. 206, 211.
20. Лесная промышленность Коми АССР. 1917–1960 гг. Сборник документов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 73.
21. См.: Максимова Л.А. Лагеря и индустриальное освоение Севера (на примере Республики Коми) // Вестник Сыктывкарского университета, 1997. Серия № 8. Вып. 2. № 2. С. 70-80.
22. Филимончик С.Н. Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // Российская история. 2008. № 3. С. 191.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИЙ НА СОСТАВ И СТРУКТУРУ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ (1930–1940-е гг.)

Ю.В. Вшивцева, М.Ю. Макаренко (Краснодар, Россия)

1930–1940-е гг. печально знамениты проведением массовых политических репрессий и депортаций – одного из главных направлений карательной политики в СССР. Репрессии, павшие на советских людей, на представителей разных национальностей, вынужденная миграция «наказанных» народов явились составной частью командно-административной системы управления государством [1].

Мероприятия, направленные на обеспечение безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий с помощью ликвидации в них опасных, по мнению власти, элементов, отбор которых производился по классовой и этнической принадлежности, начали проводиться в СССР с середины 1930-х гг.

Политические репрессии были характерны и для дореволюционной России. Но никогда не использовались так широко, не употреблялись как средство решения экономических, социальных, культурных и иных задач государственного строительства.

В 1930-е гг. в СССР трансформируются методы ведения национальной политики. Данными изменениями обусловлены репрессии и депортации этнических групп, традиционно проживавших в Краснодарском крае: армян, греков, немцев, татар, болгар и других народов.

Наиболее заметные изменения произошли в доле украинского населения. В конце 1930-х гг. удельный вес и абсолютная численность украинцев снижается, тогда, как численность русских значительно возрастает. С одной стороны, существенна роль ассимиляционных процессов, происходящих внутри украинской этнической общности Кубани в 1930-е гг. С другой – определенную роль в трансформациях, сыграли репрессии и голод начала 1930-х гг., затронувшие в основном сельское население Кубани, в котором доминировали украинцы.

Увеличение русского населения объясняется появлением компенсационных переселенческих контингентов, формировавшихся в Центральной России, на Урале и в прочих районах и направленных сюда административными решениями.

Сократилась к 1939 г. более чем в 2 раза (с 7139 до 3152 чел.) в Краснодарском крае численность поляков [2]. Резкое снижение численности наблюдается также у армянского населения, что также стало следствием репрессий (как классовых – раскулачивания, так и по этническому признаку) и в меньшей степени процессов ассимиляции. В 1938 г. репрессивные меры были применены властями к гражданам греческой и немецкой национальностей [3].

В обозначенный период объединенные по социальному либо этническому признаку группы граждан, проживавших на территории региона, помимо выселения, подвергались и иным видам репрессий: заключениям на длительные сроки, расстрелам.

В июне 1937 – январе 1938 гг. сотрудниками Ейского РОВД в колхозе «Нойвег» («Новый путь») села Воронцовка Ейского района арестованы представители немецкой национальности, «причастные» к так называемой «фашистской националистической повстанческой организации». Они были обвинены в проведении антисоветской агитации и во вредительской работе, разложении трудовой дисциплины, клевете на Советскую власть. В период следствия все обвиняемые признали себя виновными. На основании признательных показаний и свидетельств арестованных по другим делам, все они (30 чел.) приговорены к высшей мере наказания – расстрелу [4].

В октябре 1937 г. краевого Управления НКВД «вскрыта» и «ликвидирована» «контрреволюционная националистическая деятельность» группы представителей польского этноса, так называемая «Польска организация войскова». Ее деятельность якобы «направлялась польскими разведывательными органами по линии шпионажа, диверсий, террора и подготовки восстания на Кубани». Только в Краснодаре с января 1937 по февраль 1938 г. арестовали свыше 300 чел. Как выяснилось позже, аресты проводились по спискам, составленным на основе данных адресного стола. Осуществлялись аресты и в других городах и районах края. По предъявленным обвинениям, ни одно из которых впоследствии не было подтверждено сотрудниками военной прокуратуры, 188 граждан польской национальности приговорили к расстрелу. Приговоры приводились в исполнение в основном в конце 1937 – начале 1938 г.

20 ноября 1937 г. – «тройкой» управления НКВД по Краснодарскому краю рассмотрено 1252 уголовных дела. Проходившие по ним лица обвинялись в том, что якобы являлись «активными участниками различного рода контрреволюционных, повстанческо-диверсионных и террористических организаций, осуществляющих подготовку на Кубани вооруженного восстания против Советской власти» (245 чел.), а также «в проведении среди населения контрреволюционной, пораженческой агитации и распространении провокационных слухов (961 чел.)» [5].

В ночь на 28 июля 1938 г. сотрудниками УНКВД по Краснодарскому краю на территории Отрадненского района в селе Ново-Эстоновка (колхоз «Уус-Тее») и хуторе Банатовском (колхоз «Вейтлус») арестовано

более 120 чел. (в основном – мужчины) эстонской национальности. В процессе предварительного следствия им вменялось в вину участие в «эстонской националистической контрреволюционной диверсионно-шпионской и террористической организации», ведение вредительской работы в колхозе, сбор разведывательных данных и «вооруженное выступление против Советской власти в случае нападения на СССР капиталистических государств». Каких-либо улик для их ареста, судя по материалам следственного дела, не имелось. Тем не менее на допросах под давлением они дали признательные показания о принадлежности к «контрреволюционной националистической организации», якобы существовавшей в Отрадненском районе. Часть эстонцев, арестованных в селе Ново-Эстоновка и хуторе Банатовском, расстреляна (предположительно в г. Краснодаре) 4 октября 1938 г., остальные – осуждены на разные сроки лишения свободы. В это время также закрыли эстонскую школу в селе. Самодеятельность разрешили вести исключительно на русском языке. Эстонцы под любым предлогом стали покидать Кубань. Всего за 1930–1940-е гг. незаконным арестам на Кубани подверглись 182 эстонца, жившие в Отрадненском районе и селе Эстосадок. Большинство из них приговорили к расстрелу, остальных – к длительным срокам лишения свободы [6].

Подверглись репрессиям греки. В феврале 1939 г. ликвидируется греческий район, существовавший с 1930 г. Многие греки подверглись незаконным репрессиям исключительно по этнической принадлежности. К ним применялись меры физического и психологического воздействия. Когда арестованных накапливалось достаточное количество, их дела соединяли и «возникла» очередная «антисоветская» организация. В декабре 1937 – июне 1938 г. – управлением НКВД по Краснодарскому краю совершены аресты лиц (в основном греческой национальности), которые якобы входили в «Греческую контрреволюционную националистическую повстанческую диверсионно-шпионскую и террористическую организацию», якобы состоящую из 77 чел. Большая часть из них были приговорены к высшей мере наказания, остальные – к длительным срокам лишения свободы [7].

Масштабы репрессий в отношении греческих жителей Краснодарского края выразительно иллюстрирует следующий факт: в одном небольшом селе Мерчанском (ныне Крымский район) в 1930–1940-е гг. репрессировано 120 чел. (в основном – греки) [8].

В 1941 г. принято постановление крайкома ВКП(б) о выселении из Краснодарского края на основании постановления ГКО от 21 сентября 1941 г. лиц немецкой национальности. Депортации подлежали все немцы, жившие на Кубани, в том числе члены семей военнослужащих рядового и начальствующего состава Красной Армии. На общих основаниях выселялись и немцы – члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

Подобная акция уже проводилась в отношении немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей, в августе 1941 г. переселенных на территорию Сибири и Казахстана. Сейчас та же участь ждала 37 тыс. кубанских немцев. Более 8,5 тыс. немецких семей, большинство из которых проживало в Армавирском, Новокубанском, Ладожском, Гулькевичском, Тбилисском районах и Новороссийске, от стариков до грудных детей, обязаны были в десятидневный срок, с 30 сентября по 8 октября, погрузиться в эшелоны под конвоем воинских частей и оставить Кубань. С собой позволялось взять одежду, обувь, деньги и ювелирные ценности, мелкий хозяйственный инвентарь совокупным весом не более 1 тонны на семью. Дома и оставшиеся хозяйственные принадлежности передавались колхозам. В пути переселенцев один раз в сутки снабжали горячей пищей, два раза давали кипяток, раз в сутки их пересчитывали. При эшелонах предусматривались вагоны-карцеры, куда начальник эшелона мог перемещать нарушителей: инструкция запрещала переселенцам без позволения выходить из вагонов или «высываться из люков» на некоторых перегонах. Двери вагонов должны быть плотно закрыты [9].

Постановление от 21 сентября 1941 г. определяло выселение в срок с 25 сентября по 10 октября 32 287 чел. немецкой национальности (фактически все немецкое население края, которое по данным переписи 1937 г. составляло 34,3 тыс. чел.) [10].

Дополнительно выселение из Краснодарского края и Ростовской области «социально опасных» немцев, румын, крымских татар и иностранных подданных (греков) проводилось в 1942 г. По подсчетам А.С. Хунагова, с территории Краснодарского и Ставропольского краев в целом депортировали более 79 800 граждан немецкой национальности. В процессе проводимой операции обезлюдели многие населенные пункты Анапского, Кубанского, Гулькевичского, Мостовского, Ейского, Новотитовровского районов края [11]. В результате депортаций в Краснодарском крае практически прекратило свое существование этническое немецкое меньшинство.

В мае 1944 г. на основании Постановления ГКО с территории Краснодарского края и Ростовской области выселению подлежали татары и греки [12].

В отечественной историографии выделяются две причины, по которым был развязан политический террор в 1930–1940-х гг. Во-первых, террор направлялся против лиц, отдельных категорий и групп граждан, возможно представлявших гипотетическую угрозу для существующего строя. Уничтожение «пятой колонны» (так называемые национальные операции) стало необходимым условием подготовительного процесса СССР к предстоящей войне. Карательные меры, обращенные против отдельных этнических групп, рассматриваются также, как превентивная мера, направленная на предотвращение измен с их стороны существующей власти, а фактически данные общности карались за национальную принадлежность к народности с которой СССР ведет или возможно будет вести войну.

Во-вторых, массовые политические репрессии окончили формирование жестокого тоталитарного режима в СССР. С помощью террора большевики разрешали сложные политические, экономические, социальные, национальные, культурные и прочие проблемы.

Политические репрессии и депортации имели для жизни общества и государства серьезные негативные последствия. Их влияние на демографическую обстановку в Краснодарском крае, в первую очередь, выразилось в сокращении числа представителей отдельных этносов (прежде всего – украинцев, немцев, эстонцев, поляков, греков).

К сожалению, в исследованиях, посвященных массовым политическим репрессиям в крае, мы не находим полных данных о половой и возрастной принадлежности репрессированных. Но, придерживаясь логики демографической модернизации и имеющимся фрагментарным сведениям, представляется возможным сделать вывод о том, что среди репрессированных граждан преобладало мужское население трудоспособных возрастов, что значительно усилило диспропорцию полов в крае в конце 1930-х гг.

Таким образом, демографическая ситуация в Краснодарском крае в 1930–1940-х гг. определяется вступлением региона в начальную фазу демографической трансформации, специфика которой выражается в торможении и прерывании процесса, ввиду воздействия экзогенных факторов (коллективизации с насильственным раскулачиванием; голода 1932–1933 гг.; политических репрессий и депортаций), что свидетельствует о фрагментарности ее развития.

Источники и литература

1. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортациях народов СССР в 30-х–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135.
2. Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. 39; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992.
3. Бугай Н. Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР выселить греков» (о депортации греков в 1930–1950-е годы). М., 1999.
4. Кубанские новости. 1992. 4, 18 июня.
5. Кубанские новости. 1992. 20 февраля.
6. Кропачев С.А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х гг. Краснодар, 1993. С. 28–29. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар, 2005. С. 10.
7. Кропачев С.А. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории отечества. События. Масштабы. Комментарии. Краснодар, 1995. Ч. 1: 1917–1940 гг. С. 47.
8. Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против Греков в СССР. СПб., 2006. С. 396.
9. Центр Документации Новейшей Истории Краснодарского Края (ЦДНИКК) Ф. Р-1774-А. Оп. 1 доп. Д. 20. Л. 155–184.
10. История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. Т. 1. С. 164–165.
11. Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения ...» Депортации народов Юга России 20–50-е годы (на материалах Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999. С. 90–92.
12. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (1920–1960-е годы). М., 1998. С. 181.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА В СИСТЕМЕ НКВД (40–60-е гг. XX в.)

А.К. Гагиева (Сыктывкар, Россия)

Как известно, в декабре 1938 г. государственные архивы РСФСР, как местные, так и центральные, в которых находились фонды общесоюзного значения и все органы архивного управления РСФСР, в том числе и ЦАУ РСФСР, передали НКВД СССР. Эти изменения, разрешив задачу организации фондов общесоюзных учреждений и общесоюзного значения, вместе с тем не ставили архивы РСФСР в особое положение по сравнению с архивами других союзных республик.

Этот период характеризовался упрочением административно-командной системы управления (далее – АКСУ), главным методом руководства которой являлась «чрезвычайщина» – совокупность принципов, приемов и методов управления, основанных на массовых репрессиях, судебном и внесудебном принуждении. Объективные условия, в которых выживала АКСУ, хотя и были сложными, но их никак нельзя рассматривать как чрезвычайные, требующие максимальной концентрации власти. Чрезвычайная система управления, если она и необходима (например, в условиях войны), допустима и оправдана лишь на короткое время. АКСУ сделала «чрезвычайность» не только основным принципом организации и деятельности всего государственного аппарата, но и «образом жизни». Стратегия ускоренного индустриального развития открыто требовала от советских людей «серьезных жертв» и призывала сознательно идти на них. Государственная архивная служба и архивы страны также находились в «поле зрения» АКСУ.

Архивные отделы УНКВД руководили государственными архивами края, области, города и района. В архивном отделе были созданы организационно-методическое, научно-издательское, административно-финансовое отделения и отделение кадров. На архивные отделы возлагались следующие задачи: определение категорий материалов, не подлежащих хранению, соблюдение правил выделения этих бумаг из государственных и ведомственных архивов к уничтожению. Отделы должны были осуществлять научно-методическую работу и контролировать исполнение постановлений правительства, директив и инструкций ГАУ СССР о работе архивов предприятий и учреждений. Архивные отделы руководили также подготовкой кадров для государственных архивов. Примером жесткой регламентации работы архивов явились методические рекомендации по упорядочению архивных документов. Это – «Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» (1938), «Правила систематизации архивных материалов в государственных архивах СССР» (1938), «Правила определения архивного фонда» (1939), «Правила ревизии наличия и состояния архивных материалов» (1938 и 1940), «Указания об улучшении работы районных архивов и архивов военных учреждений» (1940), «Положение о Центральной экспертно-поверочной комиссии ГАУ СССР и экспертно-поверочных комиссиях местных архивных органов» (1940) и т.д.

«Правила составления инвентарной описи архивных материалов в государственных архивах СССР» привели к единообразию в описательной работе, развернувшейся в те годы. Инвентарные описи предлагалось составлять прежде всего на неописанные материалы, а затем на документы, описанные неудовлетворительно. При этом следовало учитывать степень актуальности дел. Не рекомендовалось заниматься новым составлением описей, которыми можно было пользоваться. Инвентарная опись, согласно «Правилам», должна служить как задачам учета материалов по единицам хранения, так и контролю за их сохранностью, а также целям раскрытия состава и содержания документов.

«Правила систематизации архивных материалов» устанавливали «единый и обязательный порядок» этого вида занятий.

«Правила определения архивного фонда» (1939) были закреплены постановлением Совнаркома СССР, утвердившим в 1941 г. «Положение о Государственном архивном фонде СССР» и новую сеть государственных архивов СССР. В состав ГАФ СССР были включены все документы, имеющие научное, политическое и практическое значение независимо от времени их происхождения, содержания, оформления, техники и способа воспроизведения.

В положении были названы группы учреждений, организаций и предприятий, документы которых входят в состав ГАФ СССР и хранятся в центральных, республиканских, областных (краевых), окружных и районных государственных архивах. Данный документ изменил сеть государственных архивов. Документы высших и центральных учреждений СССР и дореволюционной истории подлежали хранению в центральных архивах СССР. Название каждого из этих архивов начиналось словами: «Центральный Государственный». Принципиально новым было создание Центрального государственного литературного архива, впоследствии переименованного в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Архив такого профиля создавался не только в нашей стране, но и во всем мире. В течение долгого периода он оставался единственным.

Одновременно с частичной реорганизацией центральных архивов, шла реорганизация сети местных архивов: существовавшие в областях самостоятельные исторические архивы и архивы некой революции сливались в один архив – Государственный архив области.

Новая сеть (и новые названия) госархивов приобретала юридическую силу с 1 июля 1941 г. Архивные учреждения активно готовились к новому этапу работы: все архивы должны были сделать печати и штампы (в связи с изменением названий), готовили материалы к передаче и т.п. Завершать работу помешала Великая Отечественная война.

Нападение фашистской Германии заставило всю страну перестраиваться на военный лад. Задачей архивистов западной части страны (включая Москву) в начальный период Великой Отечественной войны была организация спасения документов. Необходимо было упаковать документы и отправить их на восток. ГАУ НКВД СССР устанавливало места эвакуации, а архивные учреждения восточной части страны помогали размещать эвакуированные материалы.

Областным архивам была предоставлена возможность вывезти только наиболее ценные документы, а из ряда западных областей, оккупированных в первые дни войны, эвакуировать ничего не удалось. Часть материалов погибла, а некоторые были вывезены. Но хотя Государственный архивный фонд СССР понес значительный урон, основная часть документов была спасена.

Во время войны архивные учреждения продолжали работу по пополнению состава ГАФ СССР: был организован сбор документов на территории, освобожденной от оккупантов, а в ЦГАОР СССР был создан отдел Отечественной войны. Многочисленные документы по истории войны сосредоточивались в Наркомате обороны, и поскольку некоторые из них имели оперативное значение, было решено создать в г. Подольске отдельный архив. Так было положено начало созданию документальной базы по истории Великой Отечественной войны.

Вопрос о комплектовании ГАФ СССР в военные годы обсуждался в 1943 г. на заседании Ученого совета Управления государственными архивами СССР (так назывался Главархив СССР с июля 1941 г. по 1943 г.). Отмечалась необходимость разработки научных методов комплектования ГАФ. Первоочередной задачей была признана разработка принципов классификации документов в текущем делопроизводстве учреждений, организаций и предприятий и установление единой системы организации материалов в делопроизводстве и архиве. Был поставлен вопрос о комплектовании госархивов технической документацией и кинофотодокументами.

По мере освобождения восстанавливался активный сбор документов как советских учреждений, существовавших до оккупации, так и учреждений, сотрудничавших с оккупационными властями. Принимались меры для обеспечения государственных архивов помещениями.

Но еще раньше, 25 ноября 1941 г., в дни битвы под Москвой, архивные учреждения получили распоряжение правительства об организации сбора документов по истории Великой Отечественной войны. В ЦГАКА предлагалось создать отдел Великой Отечественной войны.

Следующим шагом явилась директива о сборе материалов, характеризующих преступные действия гитлеровских властей, на временно захваченной фашистской армией территории. Была утверждена инструкция о порядке комплектования, учета и хранения такого рода документов. По инструкции, документальные источники о зверствах, насилии, грабежах, разрушениях памятников культуры оккупантами немедленно передавались в подлинниках в государственные архивы. Учреждения и организации обязывались в кратчайший срок сдать собранные ими аналогичные дела. Инструкция запрещала уничтожение таких материалов и признавала их общегосударственным достоянием, независимо от того, захвачены ли они у врага, составлены ли учреждением, организацией или отдельными лицами. Право собственности учреждений, организаций и лиц на подобные документы не признавалось. Предприятиям, производящим кино- и фотосъемки о грабежах фашистов, предлагалось направлять позитивы в Центральный государственный архив фото-, фоно-, кинодокументов. К организации работы привлекались также работники ведомственных архивов.

В обстановке военного времени во многих городах невозможно было и думать о массовой эвакуации архивных фондов. Речь могла идти только о рассредоточении и сохранении наиболее ценных документальных собраний. Все это привело к уничтожению значительного количества материалов многих государственных архивов. В результате почти полностью были истреблены фонды государственных архивов Сталинградской, Воронежской, Черниговской областей. Погибла часть архивов Белорусской и Украинской ССР.

Сохранившиеся от бомбардировок вражеской авиации и артиллерийского обстрела архивы бесконтрольно расхищались. Из государственных архивов было похищено свыше полмиллиона дел, в том числе 5834 актовые книги Киевского, Волынского, Подольского воеводств, множество бумаг Киевской губернской канцелярии и других фондов. От налетов вражеской авиации пострадали многие архивохранилища, частичные разрушения получили здания некоторых центральных архивов городов Москва и Ленинград.

В течение нескольких послевоенных лет государственные архивы занимались проверкой наличия и состояния документов, их учетом, систематизацией и описанием необработанных материалов, а также дел, рассыпавшихся при эвакуации. Одновременно шло выявление документов для использования их в народнохозяйственных целях: при восстановлении разрушенных предприятий, шахт, электростанций, коммуникаций, памятников архитектуры и т.п.

В ведомственных архивах эта работа развертывалась значительно медленнее – материалы, возвращенные из эвакуации, пострадали от перевозок. В ряде учреждений не было специальных помещений для хранения

документов, не везде имелись штатные единицы архивных работников. В тех архивах учреждений, где такие работники были, проводилась проверка наличия документов, велась работа по экспертизе ценности и описанию дел. Из года в год возрастало количество выполняемых запросов для нужд учреждений.

Постановление Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств» содействовало значительному расширению круга документальных источников, привлекаемых историками при изучении истории дореволюционной России, а также истории советского общества. Государственные архивы должны были пересмотреть состав фондов, находившихся на особом хранении и поэтому недоступных для использования. Необходимо было снова приступить к изданию справочников и путеводителей по государственным архивам, а также описей и обзоров архивных фондов, находящихся на общем хранении. Принять меры к расширению работы исследователей в читальных залах архивов и развернуть деятельность архивов по опубликованию исторических документов, которая была в значительной мере свернута в предшествующий период.

13 августа 1958 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об утверждении положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР». В состав ГАФ СССР включались новые категории материалов, и подчеркивалось, что документы ГАФ хранятся не только в государственных архивах, но и в архивах учреждений, организаций, предприятий, кооперативных объединений, общественных организаций. Положение установило юридические основы деятельности ведомственных архивов, их взаимоотношения с органами управления архивным делом, ответственность руководителей учреждений за сохранность, упорядочение и использование документов и зафиксировало сроки ведомственного хранения документов (сроки хранения в архивах учреждений), поставило задачу расширения использования архивных документов в интересах развития народного хозяйства, науки и культуры. В Положении были четко определены функции ГАУ МВД СССР в организации экспертизы ценности документов и комплектовании Государственного архивного фонда СССР, в организации всестороннего использования документов. Организациям и предприятиям предписывалось разработать и издать правила, инструкции и методические пособия о порядке концентрации, хранения, описания, учета и организации использования документов ГАФ СССР.

На Главное архивное управление «Положение» возлагало обязанность координации научно-исследовательской деятельности архивов, а также планирование изданий архивоведческой литературы и публикации документальных источников совместно с другими научными учреждениями страны, ведущими эту работу. Значительное внимание «Положение» уделяло организации и деятельности ведомственных архивов, закрепляя установленный декретом 1 июня 1918 г. принцип единства организации документов, принадлежащих Советскому государству путем включения в ГАФ материалов как государственных, так и ведомственных архивов. Непосредственная ответственность за деятельность архивов учреждений возлагалась на руководителей министерств и ведомств.

«Положением» 1958 г. было оформлено выделение некоторых архивов в особую группу, не входящую в систему органов ГАУ МВД СССР (Архив Министерства иностранных дел, Всесоюзный геологический фонд СССР, Всесоюзный государственный фонд кинофильмов СССР, Архив А.М. Горького). Такое же положение было установлено и в отношении архивных материалов Академии наук СССР, академий наук союзных республик и их учреждений.

Возрастающая с каждым годом роль архивов в государственной и научной жизни страны, большие и разнообразные задачи, выдвигаемые перед архивными учреждениями в новых исторических условиях, привели к необходимости организационной перестройки системы архивного управления в СССР.

В начале 1960 г. ГАУ было выведено из системы МВД и подчинено непосредственно Совету Министров Союза ССР. Происшедшая в 1938 г. передача архивных учреждений в систему органов НКВД-МВД привела за 20 с лишним лет к отрыву архивов от науки, использование архивов в интересах общества и государства было затруднено. Поэтому перевод в 1960 г. Главного архивного управления из МВД в подчинение Совету Министров практически означал преобразование ГАУ снова во вневедомственное учреждение, каким оно было до 1938 г., когда общесоюзное архивное управление находилось при высшем органе государственной власти – при Центральном Исполнительном Комитете СССР, а республиканские – ЦИКах республик.

Таким образом, в 40–60-е гг. прошлого века архивные учреждения страны развивались в системе АКСУ. Наблюдались централизация архивной работы, усиление ведомственности. Государственное архивное управление, являясь замкнутым центром управления архивным делом, сосредотачивало в своих руках все ресурсы. Это приводило к столкновению ведомственных и народнохозяйственных интересов. Появление новых специальных архивов и хранилищ, расширение состава документов партийных архивов на местах и возрастание роли последних, говорят о том, что в исследуемое время АКСУ породило такое явление, как сращивание партийного и государственного управления отраслью. Это негативным образом сказалось на тематике научных исследований, расширении исследовательских проблем и т.д.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕПОРТАЦИЙ НАРОДОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.А. Кропачев (Краснодар, Россия)

Депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны рассматриваются в работах многих современных российских историков, ставших предметом ряда специальных историографических исследований [1]. В начале войны принудительному выселению подверглись компактно проживавшие национальные группы, рассматривавшиеся властью в качестве возможной «пятой колонны». 28 августа 1941 г. была ликвидирована АССР немцев Поволжья. Немецкое население выселялось в Республику Коми, на Урал, в Казахстан, Сибирь. На Алтай и в Казахстан также выселили и представителей других народов, страны которых входили в фашистскую коалицию – венгров, болгар, финнов. После освобождения советской территории от нацистской оккупации в 1943–1944 гг. по обвинению в сотрудничестве с противником бессрочной высылке в Казахстан и Среднюю Азию подверглись калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары. Депортациям в годы Великой Отечественной войны также подверглись турки-месхетинцы, понтийские греки, корейцы.

Репрессиям в отношении советских народов было посвящено несколько всероссийских и региональных конференций, прошедших в Элисте (1992, 1993), Карачаевске (1993, 2003) и Нальчике (1994), а также международная конференция в Элисте (2003), опубликованные материалы которых стали немаловажными историографическими фактами в разработке рассматриваемой проблемы [2]. Ключевое значение данные вопросы приобрели и на конференциях по истории советских немцев (1989, 1993, 1995), курдов (1991, 1992), греков (1996) и других репрессированных народов, что во многом объясняется той ролью, которую сыграли принудительные переселения в их драматической судьбе в XX в.

Общий взгляд на проблему представлен в работах Н.Ф. Бугая, П.М. Поляна и других авторов [3]. Они позволяют представить масштаб и значение принудительных выселений, их организационно-юридические основы. При этом часть авторов, опираясь на юридическую трактовку понятия депортации, рассматриваемой в современном законодательстве как принудительное перемещение лица за пределы государства, полагает, что данная мера в СССР применялись только по отношению к иностранцам и лицам без гражданства, а также к некоторым другим категориям «нежелательных лиц». В частности, Л.П. Белковец считает некорректным называть депортациями внутренние перемещения граждан даже применительно к истории тоталитарных режимов [5]. Р.Р. Баев и А.Е. Епифанов предлагают отказаться от употребления применительно к принудительному переселению народов СССР таких терминов, как «принудительная миграция» и «депортация», принимая при этом во внимание, прежде всего их историко-правовой, а не географический или политический характер [6].

Тем не менее многие исследователи используют термин «депортации» в отношении к принудительному переселению советских народов, понимая под ними одну из форм политических репрессий, предпринятых государством по отношению к своим гражданам или подданным других государств с применением силы и принуждения. Один из ведущих современных специалистов по данной проблеме Н.Ф. Бугай под депортацией подразумевает «принудительное переселение, ссылку, высылку не только групп населения, но и целых народов. Эта мера широко применялась в политике, осуществляемой государством начиная с 1920-х гг.» [7].

Одним из ярких сторонников данного подхода является географ и историк П.М. Полян, выделивший ряд специфических особенностей депортаций как формы политических репрессий: «Во-первых, их административный, т.е. несудебный характер. Во-вторых, это их списочность, или точнее, контингентность: они направлены не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху критериям. Третьей особенностью является их достаточно явственная установка на вырывание масс из устоявшей и привычной среды обитания и помещение их в новую, непривычную и, как правило, рискованную для их выживания среду» [7].

Рассматриваемые вопросы также нашли отражение в работах по истории отдельных репрессированных народов и в значительном количестве специальных исследований. Депортация немцев получила осмысление в работах Н.Ф. Бугая, А.А. Германа, А.Н. Кичихина, А.Н. Курочкина и других авторов [8]. Л.П. Белковец считает, что «саму ликвидацию АССР немцев Поволжья как самостоятельного национально-территориального образования в составе РСФСР и упразднение республиканских органов власти следует признать актом неправового характера. Она обращает внимание на игнорирование не только конституции самой автономии, предусматривавшая возможность изменения территориальной целостности только при получении согласия на то ее высших органов, но и Конституции РСФСР 1937 г.» [9].

Авторами специальных работ о депортации калмыков являлись Н.Ф. Бугай, В.Б. Убушаев, К.Н. Максимов, К.В. Убушаев [10]. Первой специальной работой, позволившей оценить демографические последствия депортации народов Северного Кавказа, стала статья В.И. Котова. Позже данная тема стала предметом исследований

А.М. Гонова и А.С. Хунагова [11]. Депортации карачаевцев посвящены труды А.-Х. и Р. Куштеровых, К. Чомаева, А.Д. Койчуева и других исследователей [12]. Принудительное выселение балкарцев стало предметом изучения Д.В. Шабаева и Х.-М.А. Сабанчиева [13]. В диссертации Э.А. Аджиевой и ряде других работ рассмотрены в комплексе вопросы депортации карачаевцев и балкарцев, как родственных народов [14]. Начало изучению депортации чеченцев и ингушей положила статья Н.Ф. Бугая, разработка данной проблемы продолжилась в диссертациях Р.С. Агиева и Л.Я. Арапхановой, других работах [15]. Депортацию греков рассматривали Н.Ф. Бугай, А.Н. Коцонис, И.Г. Джуха [16]. Как правило, депортации менее крупных этнических общностей в военные годы упоминаются в общих работах российских историков.

Современные исследователи указывают на такие негативные последствия принудительного переселения народов, как изменение общей численности и этнодемографической структуры населения отдельных регионов СССР. В результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Принудительные переселения привели к резким изменениям в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура. К.Т. Лайпанов отметил, что почти половина депортированных карачаевцев погибла от голода и болезней [17]. Однако при этом он не привел ссылок на документальные источники.

В совокупности с изменением административно-территориальных границ выселение заложило основы для новых межнациональных конфликтов, особенно отчетливо проявившихся на Северном Кавказе. Отрицательно сказалась депортация и на развитии советской экономики: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла. Исследователи сходятся в том, вместо выгоды страна понесла колоссальные потери. Как отмечает В.А. Бердинских: «Иначе как преступным расточительством ресурсов нации это назвать нельзя».

Таким образом, разработка проблемы этнических депортаций в СССР в 1941–1945 гг. превратилась в одно из ведущих исследовательских направлений. Анализ развития современной историографии позволяет утверждать, что депортации рассматриваются как одна из наиболее массовых форм репрессий в СССР, своеобразный инструмент советской демографической и национальной политики. Исследователи отмечают, что причины депортаций были обусловлены совокупностью внешних и внутренних условий. Среди них и искусственно раздутые опасения возможных действий «пятой колонны», и «наказание» отдельных народов за «пособничество» противнику и сопротивление советской власти, и решение проблем национальной политики, и освоение восточных регионов страны. Сказывалось в организации принудительных переселений и стремление власти к ассимиляции всех этносов в единый советский народ. В то же время в разработке рассматриваемой проблематики сохраняется немало неизученных сюжетов, особенно касающихся последствий депортаций и дальнейшей судьбы репрессированных народов. Необходимы исследования, которые раскроют последствия депортаций, прежде всего, в отношении того ущерба, который был нанесен дружбе народов, привел к межнациональным конфликтам на Северном Кавказе и других регионах СССР. Нуждаются в дальнейшем исследовании вопросы реабилитации, депортированных народов, возвращения их на историческую родину и экономического и культурного возрождения.

Источники и литература

1. Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР – новое направление историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2001; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История народов Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009. С. 182–202; Степанов М.Г. Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010 и др.
2. Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Всерос. науч.-практ. конф., 28–29 мая 1992 г. Элиста, 1992; Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 26–27 декабря 1993 г. Элиста, 1993; Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений III Всерос. науч. конф., 6–7 марта 1994 г. Нальчик, 1994; Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: Материалы Междунар. науч. конф., 23–24 октября 2003 г. Элиста, 2003; Репрессированные народы: история и современность: Материалы респуб. науч. конф., 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003.
3. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Баев Р.Р. Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.: Дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006 и др.
4. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 26–27.
5. Баев Р.Р., Епифанов А.Е. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007. С. 38.
6. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 3.
7. Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 5.

8. Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2; Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул, 1996; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы в трудовой армии (1941–1945). М., 1998; Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002; Герман А.А. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов, 2004 и др.
9. Белковец Л.П. Указ. соч. С. 174–175.
10. Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста, 1991; Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004; Убушаев К.В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943–1991 гг.): Дис... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.
11. Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994; Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: Дис... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1998; Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999 и др.
12. Куштерев Р.М. Насилие. Черкесск, 1993; Куштерев Р.М., Куштерев А.-Х.У. Депортация. Ставрополь, 1994; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993; Койчув А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1998; Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999 и др.
13. Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик, 1994; Сабанчиев Х.-М.А. *Были сосланы* навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004 и др.
14. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): Дис... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001; Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002 и др.
15. Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; Чеченцы: история и современность. М., 1996; Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в. (Депортация, спецпоселение, реабилитация): Дис... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2002; Арапханова Л.Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства (на примере ингушского народа): Дис... канд. полит. наук. М., 2002; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.; Саратов, 2003 и др.
16. Коцонис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997; Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР ... выселить греков». М., 1999; Джуха И.Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008 и др.
17. Лайпанов К.Т. О депортации карачаевцев // Репрессированные народы: история и современность. Материалы респ. науч. конф. Карачаевск, 2003. С. 77.
18. Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 19.

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ
РОССИИ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XXI ВЕКА**

И.Л. Жеребцов (Сыктывкар, Россия)

Проблемы истории политических репрессий продолжают привлекать пристальное внимание исследователей. В последнее десятилетие издано, в частности, значительное количество работ, посвященных различным аспектам политических репрессий на Европейском Севере России и в Приуралье, среди которых немало монографических исследований. Однако, к сожалению, далеко не все обобщенные исследователями материалы опубликованы. И в первую очередь в этой связи следует говорить о диссертационных исследованиях, представляющих значительный научный интерес и вполне достойных издания в качестве авторских монографий, но, увы, мало доступных читателю. Ибо если докторские диссертации подразумевают наличие монографической публикации до защиты, то кандидатские работы зачастую подолгу ждут своей очереди на издание. Между тем многие диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в которых затрагиваются те или иные аспекты истории политических репрессий, представляют не только чисто научный, но и значительный общественный интерес. Остановлюсь лишь на некоторых из них (перечень авторефератов диссертаций приведен в конце статьи).

Диссертация О.И. Азарова «Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938–1959 гг.)» представляет из себя первое специальное комплексное исследование лагерно-производственного комплекса на региональном (Республика Коми) уровне. Важно, что проблемы, поднятые автором, рассмотрены в общесоюзном (СССР) контексте. Исследования региональных лагерно-производственных комплексов, в том числе железнодорожных лагерей НКВД (МВД), позволяют более глубоко изучить их роль в социально-экономическом развитии Коми АССР. Железнодорожный лагерно-производственный комплекс занимал особое место среди многочисленных лагерей ГУЛАГа в Коми АССР. Развитие путей сообщения, в том числе Северо-Печорской железной дороги – основной транспортной коммуникации Печорского угольного бассейна и Коми АССР, было важнейшим условием промышленного освоения Европейского Северо-Востока. В производственной деятельности железнодорожных лагерей наиболее ярко проявились методы форсированного строительства, характерные для индустриализации и советской догоняющей модернизации 1930-х гг. В современной историографии неоднократно подчеркивалось то, что изучение исправительно-трудовых лагерей НКВД (МВД) СССР как одного из инструментов социально-экономической модернизации 1930-х гг. принадлежит к числу наиболее актуальных научных проблем. Однако признание этого исторического явления затрудняется отсутствием исследований, посвященных роли исправительно-трудовых лагерей НКВД (МВД) в социально-экономическом развитии регионов, в том числе Коми АССР и всего Европейского Северо-Востока страны.

Во введении автор сделал весьма обстоятельный обзор литературы, посвященной изучению репрессивной политики Советского государства и пенитенциарной системы, подчеркивает то, что для советской историографии репрессивной политики и пенитенциарной системы была характерна тотальная идеологизация и официально-охранительная концепция советской истории. История репрессивной политики не привлекала внимания исследователей по идеологическим и политическим причинам, а также из-за недоступности архивов. Проблемы истории репрессивной политики и советской пенитенциарной системы более активно изучались зарубежными исследователями. В середине 1980 – начале 1990-х гг. произошло оживление общественного интереса к отечественной истории советского периода, в том числе истории репрессивной политики и пенитенциарной системы, появились первые научные исследования истории политических репрессий и пенитенциарной системы. В современной историографии осуществляется активное изучение ряда общих проблем истории ГУЛАГа, которое позволило сформировать понимание ГУЛАГа как одной из существенных характеристик тоталитарного режима советского типа, специфического метода управления экономикой и решения проблем внутренней политики. Автор пришел к выводу о том, что «для дальнейшего выяснения эффективности лагерной экономики необходимо изучение производственной деятельности отдельных лагерно-производственных комплексов».

В обзоре региональной историографии проблемы автор констатировал, что для литературы 1930 – середины 1980-х гг. были характерны основные тенденции и подходы, присущие в целом советской исторической науке. С середины 1980-х гг. на региональном уровне осуществляется научное изучение целого ряда проблем истории репрессивной политики и пенитенциарной системы в Коми АССР. Подводя итоги обзора литературы, О.И. Азаров справедливо отметил, что «железнодорожный лагерно-производственный комплекс пока еще не стал предметом отдельного научного исследования». Историографический обзор, представленный в диссертации, несомненно, свидетельствует о хорошем понимании автором современного уровня изученности проблемы как на общероссийском, так и на региональном уровне.

Весьма солидна источниковая база диссертации, вполне адекватная цели и задачам исследования. Основные положения диссертации базируются на материалах семи крупных фондов Национального архива Республики Коми, в том числе фонде политотдела Управления Печорского ИТЛ МВД СССР, имеющем особое значение для диссертации и ранее закрытом для исследователей. Автором представлена характеристика источников, которые сгруппированы по следующим основным группам: законодательные и нормативно-правовые акты государственных органов власти и управления СССР; директивные документы ВКП(б); делопроизводственная (организационная, распорядительная, контрольная, отчетная) документация НКВД (МВД) СССР; источники личного происхождения; мемуарные источники, периодическая печать. Документация политотделов управлений железнодорожных лагерей как разновидность организационно-распорядительной документации и имеет исключительно большое значение для исследования, так как отражает всеобъемлющую роль и значение этих партийных структур в деятельности лагерей. Автор представил обстоятельную характеристику названных групп источников, отметив их основные достоинства и недостатки. Подавляющая часть источников, используемых в исследовании, впервые вводится в научный оборот. Названные диссертантом источники содержат достаточно полную и достоверную информацию, на основе которой вполне возможно квалифицированно провести серьезное исследование. Правда, можно отметить, что вне поля зрения автора осталась многотиражная внутрилагерная печать, которая, несмотря на официозный характер, позволяет исследовать такие вопросы, как производственная деятельность и общественная жизнь вольнонаемных работников железнодорожных лагерей.

Используемая автором методика анализов источников, теоретическая и методологическая основа исследования не вызывают возражений. Методологической и теоретической основой исследования является система современных научных принципов – научности, объективности, историзма, критичности. Основным методом, применяемым в исследовании, – сравнительно-исторический, позволяет выявить путем сравнения общее и особенное в производственной деятельности железнодорожных лагерей в разные периоды. В исследовании в качестве основного методологического подхода использована теория модернизации, которая позволяет оценить и систематизировать различные факты, процессы, тенденции истории советского периода, дает возможность рассматривать пенитенциарную систему как специфическую форму реализации своеобразной модели догоняющей модернизации. Обоснованность выбора изучаемой территории и хронологических рамок так же не вызывает сомнения.

Выбранная автором структура исследования (введение, четыре главы, заключение, примечания, список использованных источников и литературы, приложения) позволяет раскрыть поставленную проблему. В первой главе автором рассмотрены проекты строительства железнодорожных транспортных коммуникаций региона и проектирование Северо-Печорской железной дороги, как неотъемлемая составная часть форсированной индустриализации. Особенность промышленного освоения региона заключалась в одновременном проведении геологического изучения, промышленного и транспортного строительства. Открытие коксующихся и энергетических углей Печорского угольного бассейна имело большое значение для формирования топливно-энергетической базы на Европейском Севере. Практически полное отсутствие постоянно действующих путей сообщения в регионе (кроме водных) сформировало транспортную проблему Печорского угольного бассейна.

Автор отметил, что ходе рассмотрения различных водных, водно-железнодорожных, железнодорожных проектов транспортных коммуникаций сформировалось понимание необходимости строительства Северо-Печорской железной дороги для соединения района Воркуты с общесоюзной железнодорожной сетью. В Коми АО отсутствовали крупные предприятия и кадры, необходимые для железнодорожного строительства. Для решения этих задач была организована первая в регионе пенитенциарно-производственная организация – Ухто-Печорский трест (лагерь) НКВД, основной рабочей силой которого были заключенные. О.И. Азаров пришел к выводу о том, что для строительства железнодорожных транспортных коммуникаций на Европейском Северо-Востоке сформировался комплекс общегосударственных, региональных, ведомственных условий.

Вторая глава посвящена организационной структуре и административно-техническому аппарату железнодорожных лагерей НКВД (МВД). По мнению автора, с которым можно согласиться, формированию системы железнодорожных лагерей НКВД в Коми АССР способствовал комплекс экономических, геополитических, исторических, внешнеполитических (международных), географических, политических, региональных, ведомственных предпосылок. Автор выделил основные отличительные признаки организационной структуры железнодорожных лагерей в Коми АССР: ведомственное подчинение ГУЛАГа и ГУЛЖДСу НКВД (МВД) СССР; основные структурные подразделения – строительные отделения и колонны как военизированной формой организации труда и отличавшаяся большой мобильностью.

Руководство железнодорожными лагерями осуществлял административно-технический аппарат, в состав которого входили управление лагеря и строительства, администрации лагерных подразделений, военизированная охрана. Управления железнодорожных лагерей состояли из лагерного сектора, который осуществлял руководство лагерем как пенитенциарной организацией, и производственного сектора, руководившего лагерем как производственным предприятием. В 1930-е гг. начальствующий состав железнодорожных лагерей в Коми АССР в основном составляли кадровые сотрудники оперативных подразделений НКВД СССР, потерявшие политическое доверие и направленные в систему ГУЛАГа в форме дисциплинарного взыскания. Железнодорожные лагеря

в Коми АССР являлись специализированной пенитенциарно-производственной организацией, осуществлявшей производственную деятельность в области капитального транспортного строительства. Их организационная структура позволяла решать основную производственную задачу – форсированное строительство Северо-Печорской железной дороги.

В третьей главе рассматриваются источники формирования, численность, основные подгруппы, условия труда и жизни заключенных и вольнонаемных работников, в том числе бывших заключенных. Трудовые ресурсы железнодорожных лагерей в Коми АССР составляли заключенные (подневольная рабочая сила) и вольнонаемные работники. Источниками формирования подневольной рабочей силы были не только политические репрессии, но и перевод заключенных из железнодорожных лагерей в других регионах страны, особенно в начале Великой Отечественной войны. В составе трудовых ресурсов железнодорожных лагерей были различные группы, отличающиеся социально-правовым положением. Подневольная рабочая сила составляла подавляющее большинство трудовых ресурсов железнодорожных лагерей. К подневольной рабочей силе относились: заключенные (основная группа), трудмобилизованные, интернированные. В разные периоды соотношение различных групп заключенных по составам преступления (политические, уголовные, бытовые) было различным. Заключенные выполняли самую тяжелую, малоквалифицированную работу. Условия труда заключенных были исключительно тяжелыми из-за суровых природно-климатических условий Севера и недостаточной механизации производственных процессов. Большой недостаток квалифицированных вольнонаемных специалистов, специфика строительства и эксплуатации железной дороги вынуждала использовать квалифицированных специалистов-заключенных, в основном осужденных за контрреволюционные преступления, на инженерно-технических должностях в административно-техническом аппарате лагерей.

Другую группу рабочей силы железнодорожных лагерей в Коми АССР составляли вольнонаемные работники. Источниками формирования этой группы был прием на работу отделами кадров НКВД(МВД) СССР, управлений железнодорожных лагерей, партийно-комсомольские мобилизации. Основным источником формирования рабочей силы был прием на работу бывших заключенных. Особую группу вольнонаемных работников составляли бывшие заключенные, имевшие особый социально-правовой статус.

Рабочая сила железнодорожных лагерей имела следующие отличительные признаки по сравнению с другими лагерями в Коми АССР: большая численность заключенных; более активное привлечение заключенных к работе в административно-техническом аппарате; более высокий образовательный и квалификационный уровень; более тяжелые условия труда и быта.

В четвертой главе исследовались основные методы форсированного строительства Северо-Печорской железной дороги и ее достройка до нормативов технического проекта. Автор выявляет следующие основные методы форсированного железнодорожного строительства: строительство по так называемой временной схеме с применением упрощенных технических условий; финансирование по фактической себестоимости; рационализаторство; прокладка временных автолежневых дорог; строительные работы по ступеням; формирование специализированных мобильных строительных колонн и боеучастков; социальное соревнование между железнодорожными лагерями и подразделениями, трудовое соревнование между заключенными. Все методы форсированного строительства сгруппированы О.И. Азаровым в производственные, технологические, организационные, пенитенциарные (карательные), социально-политические методы. По мнению автора, с которым можно согласиться, основным методом форсированного строительства при недостаточной механизации производственных процессов было сверхинтенсивное использование подневольной рабочей силы, что привело к значительным человеческим жертвам.

Применение методов форсированного строительства позволило железнодорожным лагерям построить и ввести во временную эксплуатацию Северо-Печорскую железную дорогу в максимально короткие сроки, следствием чего была ее достройка в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. и в послевоенный период. Железнодорожное строительство имело существенные особенности: одновременное проведение изыскательских, проектных и строительных работ; строительство по фактической себестоимости, строительство по так называемой временной схеме, одновременное проведение строительных работ и временной эксплуатации. В целом, производственная деятельность железнодорожных лагерей в Коми АССР была неотъемлемой составной частью советской догоняющей модернизации. Вместе с тем работа О.И. Азарова еще более выиграла, если бы автор расширил характеристику производственной деятельности железнодорожных лагерей по достройке железной дороги в послевоенный период, которая представлена в самом общем плане.

Во всех главах собран и обобщен значительный фактический материал, ввод которого в научный оборот чрезвычайно важен. Анализ этого материала осуществлен достаточно квалифицированно, авторские заключения вытекают из содержания и подкреплены фактами. Бесспорным достоинством работы является комплекс приложений, в которых представлен большой фактический и статистический материал, характеризующий численность заключенных железнодорожных лагерей НКВД (МВД) в 1938–1959-х гг., численность заключенных и членов ВКП(б) и ВЛКСМ в административно-техническом аппарате, организационную структуру железнодорожных

лагерей и их управлений, обеспечение кадрами и их подготовку. Особый интерес вызывают биографические справки начальствующего состава железнодорожных лагерей, впервые вводимые в научный оборот.

Вероятно, автору можно бы более активно использовать междисциплинарные связи, привлекать данные смежных дисциплин. Так, было бы весьма интересным и полезным рассмотреть историко-юридические аспекты изучаемой проблемы, такие как, например, правовой статус бывших заключенных. Немаловажным и перспективным видится и анализ таких историко-экономических аспектов, как стоимость строительства железной дороги, стоимость рабочей силы, грузоперевозок и обсуждения в связи с этим степени эффективности строительства. Думается, стоило бы подробнее проанализировать вопрос о партийно-комсомольских мобилизациях на строительство железной дороги. Этот сюжет в свое время рассматривался в советской историографии, но только во вполне определенном контексте (как проявление энтузиазма коммунистов и комсомольцев и т.п.).

Недостаточная изученность отдельных аспектов советской модели пенитенциарной системы ставит перед наукой задачу ее дополнительного исследования. В. Н. Бубличенко в своей диссертационной работе «Детские закрытые учреждения НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.)» рассмотрел актуальную для современного российского общества тему – деятельность детских закрытых учреждений НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России в 1935–1956 гг. Значимость этой темы определяется тем, что проблема ликвидации беспризорности, безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних советских граждан носила общегосударственный характер, а учреждения закрытого типа стали инструментом в борьбе с данными явлениями. В.Н. Бубличенко впервые изучил опыт деятельности детских закрытых учреждений на Европейском Севере России, уточнил специфику их места в советской пенитенциарной системе в качестве самостоятельного подразделения органов внутренних дел страны. То, что в качестве предмета исследования выступает процесс создания и деятельность детских закрытых учреждений в отдельном регионе, определяет новизну его диссертационного исследования.

Выбранная автором структура исследования позволила решить поставленные цели и задачи, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению диссертационных работ. Замечу лишь, что помещенные в третьей главе таблицы, содержащие обобщенные сведения по численности несовершеннолетних в трудовых колониях, возможно, стоило бы выделить в качестве приложения, что усилило бы его аналитический характер.

Сделанный во введении историографический обзор позволил В.Н. Бубличенко профессионально оценить степень изученности проблемы своего диссертационного исследования. Он правомерно отметил как достоинства работ своих предшественников, так и их недостатки, аргументировано доказывая, что история детских закрытых учреждений НКВД–МВД СССР находится, в сущности, в начальной стадии изучения. При постановке цели, формулировке задач автор диссертации учитывал как современное состояние исследований по данной теме, так и состояние источниковой базы. Диссертант охарактеризовал источники, привлекавшиеся при проведении исследования, дал их классификацию, определил степень их информационной значимости.

В первой главе автор диссертации на основе анализа комплекса документов рассмотрел причины и политико-правовые основы создания детских закрытых учреждений в структуре Наркомата (Министерства) внутренних дел Советского Союза, выяснил особенности управления ими, изучил уровень профессиональной подготовки работников уголовно-исполнительных учреждений для несовершеннолетних. В.Н. Бубличенко правомерно отметил, что в детских закрытых учреждениях режим содержания заключенных существенно отличался от исправительно-трудовых лагерей системы ГУЛАГа. Обоснованным выглядит вывод автора о том, что реформирование структуры управления детскими закрытыми учреждениями было связано с попыткой найти оптимальный способ руководства ими, которая смогла бы ликвидировать низкую исполнительскую дисциплину работников. Возможно, при анализе специфики деятельности детских закрытых учреждений диссертанту стоило бы рассмотреть нормативную базу, которая характеризовала оперативную работу с несовершеннолетними.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена анализу процесса создания и деятельности детских трудовых колоний и приемников-распределителей, которые были организованы на территории Европейского Севера России во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. Автор сумел показать взаимодействие структуры ГУЛАГа с уголовно-исполнительными учреждениями для несовершеннолетних. На основе фактического материала им доказано, что при организации детских трудовых колоний на Европейском Севере России в основном использовалась материально-техническая база исправительно-трудовых лагерей. В то же время при рассмотрении организации школьного и производственного обучения несовершеннолетних в трудовых колониях В.Н. Бубличенко доказал тезис о том, что перед детскими закрытыми учреждениями стояли собственные задачи, которые не совпадали с функциями исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа.

В настоящее время наука не может дать исчерпывающего ответа на вопрос о численности заключенных, отбывавших наказание в советских уголовно-исполнительных учреждениях в 1930–1950-е гг. Поэтому изучение численности и состава контингента в детских закрытых учреждениях НКВД–МВД СССР, которой посвящена третья глава диссертационного исследования, поднимает важную историографическую проблему. Использование сведений ведомственной статистики НКВД–МВД СССР позволило В.Н. Бубличенко не только оценить

динамику численности подростков в трудовых колониях и приемниках-распределителях на Европейском Севере России, но и выяснить причины ее изменения, определить состав несовершеннолетних в учреждениях закрытого типа. Стоит отметить, что, несмотря на наличие в главе отдельных данных о материальном положении подростков в детских трудовых колониях, на мой взгляд, было бы правильнее выделить их в отдельный параграф.

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов подтверждается солидным фактическим материалом. Подавляющее большинство использованных автором документов впервые вводится в научный оборот. В работе использованы материалы государственных и ведомственных архивов г. Москвы, Сыктывкара, Вологды, Архангельска (всего 12 фондов). Автор использовал законодательные и нормативные акты, документы делопроизводства и личного происхождения. Отмечу, что в дальнейшем исследователь продолжил работу по расширению круга источников за счет привлечения дополнительных материалов, позволяющих провести сравнение детских закрытых учреждений с другими структурами советской пенитенциарной системы.

Диссертационное исследование М.Б. Рогачева «Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 гг.» посвящено важной и малоизученной теме – региональной истории депортированных польских граждан. Значимость этой темы для истории политических репрессий в СССР определяется тем, что депортации из Западной Украины и Западной Белоруссии были второй по времени (после раскулаченных) и третьей по численности (после раскулаченных и российских немцев) массовой высылкой на спецпоселение. Коми АССР входила в число основных регионов, куда направляли депортированных. Работа М.Б. Рогачева является первым исследованием одной из самых больших региональных групп депортированных. Следует отметить, что подобных исследований по истории депортированных в других регионах не было.

Разбивка диссертации на главы соответствует трем основным этапам в истории депортированных из Западной Украины и Западной Белоруссии: подготовка и проведение депортаций; нахождение депортированных на спецпоселении; освобождение по амнистии и проживание в качестве свободных граждан. В первой главе диссертации автор, используя, в основном, опубликованные материалы, показал, как осуществлялось присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, выделил основные виды политических репрессий в отношении польских граждан, доказывая, что депортации были наиболее массовым их видом. Приведена периодизация депортаций, охвативших временной отрезок с февраля 1940 г. по июнь 1941 г., показаны категории депортированных. Возможно, стоило бы сказать, кто такие «осадники», более подробно, и не в подстрочной сноске, а в основном тексте, поскольку это одна из основных категорий депортированных. Раскрывая вопрос о подготовке к приему и размещению депортированных в Коми АССР, автор сделал справедливый вывод о том, что республиканские партийные, советские и хозяйственные органы оказались не готовыми к их приему, что обусловило их тяжелое социально-бытовое положение и высокий уровень заболеваемости и смертности.

Во второй главе автор проследил все изменения в численности и расселении, трудоустройстве и трудоустройстве, условиях жизни, медицинском и социальном обеспечении и школьном образовании спецпоселенцев, что позволило достаточно полно восстановить всю картину «спецпоселенческого периода». Анализируя динамику численности и состав спецпоселенцев, автор обоснованно отметил, что уровень смертности среди «осадников» был гораздо выше, чем среди «беженцев» и правильно указывает на основные причины данного явления – депортация «осадников» в зимний период и значительно больший, по сравнению с «беженцами», удельный вес нетрудоспособных членов семьи. Важно, что в работе проведено сопоставление решений государственных органов власти и партийных органов с их реализацией на практике. Заслуживает внимание очень важный сюжет о настроениях поляков, их взаимоотношениях с представителями власти, формах протеста и политических репрессиях. Автор достаточно аргументировано раскрыл причины протеста депортированных, дает полную картину применения к ним политических репрессий. Меньше внимания уделено взаимоотношению депортированных с местным населением.

В третьей главе, посвященной «вольному периоду» в истории депортированных, показано, что новая политическая ситуация, обусловленная началом Великой Отечественной войны, привела к изменению со стороны советского руководства отношения к депортированным. Подробно рассмотрен процесс освобождения заключенных и спецпоселенцев-польских граждан по амнистии. Автор, безусловно, прав в том, что несмотря на предоставленную возможность выезда в другие регионы СССР, многие бывшие спецпоселенцы в силу ряда причин (семейное положение и др.) не смогли покинуть территорию республики и продолжали жить в тяжелых социально-бытовых условиях.

Автор много внимания уделил деятельности в Коми АССР представительства посольства Польши и республиканского отделения Союза польских патриотов, через эту деятельность раскрывая основные проблемы жизни бывших польских граждан в этот период в Коми АССР. Но, на мой взгляд, было бы правильным более подробно рассказать об условиях жизни бывших спецпоселенцев, иначе тезис о том, что они не улучшились, выглядит декларативным. Возможно, стоило бы выделить в отдельную главу сюжет о формах протеста депортированных и политических репрессиях – он достаточно подробно рассмотрен в главе о спецпоселенческом периоде, но не выделен в главе о «вольных бывших польских гражданах».

Необходимо отметить использование автором большого числа архивных источников, многие из которых ранее не были введены в научный оборот. По существу, автором создан новый корпус источников по истории депортированных. Подчеркну, что в дальнейшем исследователь продолжил работу по расширению круга источников за счет привлечения материалов отчетов НКВД Коми АССР, хранящихся в фонде Отдела трудовых поселений–Отдела трудовых и спецпоселений ГУЛАГа НКВД Государственного архива Российской Федерации. Отмечу также, что тексты основных документов, использованных в работе, были изданы в монографии М.Б. Рогачева «Страницы польской трагедии: факты и документы».

К важной и по настоящее время недостаточно изученной теме, научная актуальность которой не вызывает сомнений – «Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929–1934 гг.» – обратился в своей диссертации А.В.Семенов. Автор справедливо подчеркнул как значимость самого процесса раскулачивания в истории России, так и важность изучения этого процесса не только на общероссийском, но и на региональном уровнях. Вдумчивый анализ региональных аспектов проблемы, введение в научный оборот обширного и разнообразного материала по различным регионам страны позволили более основательно подойти к пониманию столь сложного и противоречивого этапа российской истории.

Учитывая вышесказанное, обоснованность выбора изучаемой территории в принципе не вызывает сомнения. Понятно, что региональный подход к изучению политики раскулачивания и выселения кулацких семей при сопоставлении с аналогичными процессами в других регионах расширяет возможности сравнительных оценок и повышает объективность анализа. Поэтому исследование указанной проблемы на конкретном материале современной Кировской области представляет существенный научный интерес (хотя отмечу, что собственно обоснование выбора территориальных рамок сделано автором не вполне четко: из приведенного в диссертации описания того, как менялись административные границы региона в рассматриваемый период, осталось не совсем ясно, почему за территориальные рамки принимаются именно границы Кировской области на 1 января 1937 г. – не раньше и не позже).

Выбор диссертантом хронологических рамок работы (осень 1929–1934) представлялся бы в принципе оправданным, если бы автор придерживался избранных рамок и в тексте диссертации. На деле же диссертант начал излагать материал с 1928 г. (параграф 2 главы 1) и даже 1927 г. (параграф 1 главы 1), а завершил освещение различных аспектов темы, в основном, 1933 годом (глава 2, параграфы 1–2, глава 3), а некоторые – даже 1930-м (параграф 3 главы 2). Данных по 1934 г. в диссертации почти нет. Видимо, диссертанту следовало бы либо придерживаться оговоренных им во введении хронологических рамок, либо более убедительно обосновать примененную в главах хронологию.

Обзор литературы, посвященной изучению политики раскулачивания и выселения кулацких семей (в основном, на общегосударственном уровне), в котором, в частности, отмечается слабая изученность проблемы на вятском материале, свидетельствует о знании диссертантом соответствующей опубликованной научной литературы. Однако, на мой взгляд, в нем напрасно не отмечена весьма любопытная книга д.и.н., проф. В.А. Бердинских «Крестьянская цивилизация в России» (М., 2001), основанная на воспоминаниях самого вятского крестьянства, в которой специальная глава посвящена коллективизации. Анализ степени изученности проблемы был бы, вероятно, более обстоятельным, если бы автор поставил вопрос об изученности поставленной проблемы на региональном уровне, т.е. не ограничился бы констатацией состояния дел в Кировской области, а отметил бы имеющиеся достижения в плане регионального анализа проблемы, например, в конкретных регионах России, в первую очередь, в сопредельных с Кировской областью (Республике Коми, Архангельской, Вологодской, Пермской областях и т.д.), а также в регионах, из которых происходило выселение кулацких семей в Вятский край. Без этого из историографического очерка может сложиться впечатление, будто бы в других регионах России данная проблема не изучается, что вряд ли верно. Постановка вопроса об опыте разработки интересующей автора проблематики могла бы быть весьма полезна.

Отмечу, что автор ограничился характеристикой публикаций по теме. Но, вероятно, были, кроме того, и серьезные диссертационные исследования. Недостатком обзора литературы, на мой взгляд, является отсутствие небольшого вывода, где отмечалось бы, что к настоящему времени рассмотрены в той или иной мере такие-то вопросы, разработаны (или не разработаны, нуждаются в пересмотре) соответствующие методические и методологические подходы к решению проблемы, которые автор мог бы использовать в своей работе. В целом из обзора литературы становится вполне понятным целесообразность обращения диссертанта к изучению обозначенной им проблемы, достаточно логичными выглядят поставленные автором исследовательские задачи, решение которых, несомненно, представляет научный интерес, обоснованной представляется и научная новизна диссертации.

В диссертации дана общая характеристика источников, на которых построено исследование, указано, какого рода информация в них содержится, в каких фондах каких архивов хранятся материалы (всего использованы материалы 29 фондов пяти архивов). Однако вряд ли уместно в столь серьезном научном исследовании, как диссертация, группировать источники по принципу опубликованности–неопубликованности; этим обычно грешат начинающие исследователи, пишущие первые небольшие статьи. Следовало бы подойти к характеристике источников более обстоятельно, охарактеризовать их по типам, отметив основные достоинства и недостатки, имею-

щие наиболее существенное значение при проведении данного исследования, показать, как, в каком плане одни использованные диссертантом материалы дополняют другие, с какой полнотой они позволяют охарактеризовать те или иные аспекты процессов, рассматриваемых автором. По каждому из типов источников можно было бы отметить, какая часть источников данного типа опубликована, какая извлечена из архивов. Тогда было бы видно, на чем в первую очередь строится работа, велика ли доля материалов, вновь вводимых диссертантом в научный оборот. Тем не менее, несомненно, что названные диссертантом источники в целом содержат достаточно полную и достоверную информацию, на основе которой вполне возможно квалифицированно провести серьезное исследование. Использованная автором методика анализа источников, теоретическая и методологическая основа исследования не вызывают возражений. К сожалению, автор не отметил практическую значимость проведенного им исследования. Диссертант собрал значительное количество фактического материала, обработал и свел его в таблицы, представляющие несомненный интерес и являющиеся хорошей базой для диссертации.

В первой главе рассмотрена ситуация в Вятской губернии накануне коллективизации и раскулачивания. В ней охарактеризовано социально-экономическое положение вятского крестьянства в 1927–1929 гг. (в основном, на основе имеющихся публикаций), отмечено, что уровень социально-экономического развития вятской деревни оставался невысоким, социальное расслоение крестьянства было выражено не очень ярко, вследствие чего проводимые в регионе коллективизация и раскулачивание натолкнулись на понятные трудности. Здесь же на основе архивного материала освещено начало политики ограничения и вытеснения зажиточных хозяйств Вятской губернии в 1928–1929 гг., отмечено, что репрессивная политика по отношению к зажиточным крестьянским хозяйствам региона началась еще до 1930 г., но меры, которыми она осуществлялась, перестали быть эффективными с началом сплошной коллективизации. Как уже говорилось выше, материалы данной главы частично относятся к более раннему периоду времени, чем это предусматривалось автором в обосновании хронологических рамок диссертации.

Вторая глава диссертации посвящена изучению осуществления политики раскулачивания на территории региона в 1929–1933 гг. Диссертанту удалось ввести в научный оборот значительное количество материалов, характеризующих деятельность местных органов власти и управления в организации и проведении указанной политики. Автор отметил, что к концу 1933 г. слой зажиточных крестьян в вятской деревне перестал существовать; очевидно, поэтому диссертант завершил исследование политики раскулачивания на территории региона 1933 г. Однако в связи с этим возникает вопрос: если таковая политика завершилась в 1933 г., почему же автор во введении, обосновывая хронологические рамки работы, связывает фактическое завершение политики раскулачивания в регионе с 1934 г. («верхней границей» диссертационного исследования)? Если коллективизация «фактически завершилась» в 1934 г., то почему в главе отсутствует материал о раскулачивании в 1934 г.?

Интересным представляется попытка автора проследить восприятие политики коллективизации и раскулачивания местным крестьянством, ответную реакцию крестьянства на действия властей, формы сопротивления репрессивной политике. Правда, осталось не вполне понятным, почему диссертант ограничился показом этой реакции только в 1929–1930 гг. (в то время как глава в целом посвящена 1929–1933 гг.); связано ли это с отсутствием у автора материала по 1931–1933 гг. или же, быть может, с отсутствием самой реакции у крестьянства в те годы, диссертант не пояснил.

Третья глава включает в себя анализ создания и функционирования административных поселков на территории Кировской области. В ней освещены время появления спецпоселков в регионе, хозяйственное и правовое положение, основные занятия спецпереселенцев, состояние культурно-бытового обслуживания. В целом глава содержит интересные в научном отношении материалы. Однако необходимо отметить, что название самой главы и названия параграфов имеют очевидную нестыковку в хронологическом смысле: глава предполагает освещение событий 1930–1934 гг., а составляющие ее параграфы – только 1930–1933 гг. (1930 г. – 1-й параграф, 1931–1933 гг. – 2-й параграф). Можно было бы считать вынесение в название параграфа 1933 г. вместо 1934 г. простой опечаткой, однако и почти весь материал, изложенный в параграфе, завершается 1933 г., за исключением информации о посещаемости школ в спецпоселках в первой половине 1934 г. Каких-либо материалов о состоянии хозяйства и быта спецпоселенцев, демографических показателей по 1934 г. не приводится. Таким образом, в сущности, глава посвящена не 1930–1934, а 1930–1933 гг. Считаю нужным отметить, что главу, безусловно, усилили бы более обстоятельный материал, характеризующий демографические процессы в среде спецпоселенцев (такой материал было бы неплохо представить в виде специальной таблицы), а также карта расположения спецпоселков.

Во всех главах собран и обобщен значительный фактический материал, ввод которого в научный оборот весьма важен. Автор сумел внести личный вклад в разработку научной проблемы на базе имеющейся теоретической подготовки и разумного использования большого эмпирического материала. Это позволило ему в значительной мере решить поставленные в диссертации задачи, сделать важные выводы.

И.В. Бердинских в своей диссертации «Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1930–1940-х гг.» обратился к исследованию особенностей формирования инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930–1940-х гг. и эволюции ее качественных характеристик – теме,

актуальной в научном отношении как вследствие значимости самой проблемы, так и с учетом ее недостаточной изученности. Исследователь достаточно обстоятельно показал историю исследования проблемы, отметил достигнутые предшествовавшими исследователями определенные результаты, вместе с тем убедительно доказав необходимость специального глубокого и всестороннего научного анализа проблемы формирования инфраструктуры системы спецпоселений. Объем исторических источников, привлеченных для выполнения диссертационного исследования, весьма значителен, взаимодополняем и позволил с должной полнотой раскрыть поставленную проблему. Немалая часть архивных источников впервые введена в научный оборот.

В первой главе диссертации «Политико-правовые основы возникновения и развития советской системы спецпоселений в 1930–1940-е годы» освещены такие важные сюжеты как «кулацкая ссылка» 1930-х гг., этнические депортации первой половины 1940-х гг., особенности депортаций и функционирования системы спецпоселений второй половины 1940-х – 1950-х гг. Во второй главе «Особенности инфраструктуры системы спецпоселений» проанализированы особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях, экономическая эффективность спецпоселений, охарактеризовано спецпоселение как среда обитания, рассмотрены аспекты правового (нормативного) статуса спецпоселенцев, их права и обязанности, реальное положение в местах ограничения свободы. Сформулированные в заключении выводы логически вытекают из изложенного в главах обширного и разнообразного фактического материала и не вызывают возражений.

Я назвал лишь некоторые диссертации, защищенные в последнее десятилетие. За рамками статьи остались, к сожалению, весьма интересные работы Н.М. Игнатовой «Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века (на материалах Коми АССР)», А.Н. Кустышева «Подневольный труд в Ухто-Ижемском лагере НКВД-МВД СССР при освоении недр Коми АССР в 1938–1955 гг.», К.А. Казаковой «Развитие сельскохозяйственного производства в лагерях ГУЛАГа на территории Коми АССР в 1930–1950-х гг.», А.А. Беловола «Создание и развитие северных городов Коми АССР в конце 1920-х – середине 1950-х гг.», М.В. Левковой «Социальный протест колхозного крестьянства Европейского Севера России в 1930-х – первой половине 1940-х гг.» и ряда других исследователей.

В целом, все рассмотренные диссертационные исследования представляют весьма существенный научный и общественный интерес, и их издание в виде монографий (если это еще не осуществлено) было бы очень значимо для введения в оборот разнообразного и чрезвычайно информативного фактического материала, который можно было бы использовать как при подготовке обобщающих трудов по истории политических репрессий в России, так и для популяризаторской, просветительной и образовательной работы.

Источники и литература

- Азаров О.И. Железнодорожные лагеря НКВД (МВД) на территории Коми АССР (1938–1959 гг.). Сыктывкар, 2005.
Бердинских И.В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1930–1940-х гг. Ижевск, 2007.
Бубличенко В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.).
Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 гг. Сыктывкар, 2005.
Семенов А.В. Осуществление политики раскулачивания и выселения кулацких семей на территории Кировской области в 1929–1934 гг. Киров, 2003.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА
КОМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНЦЕ 1930-х гг.**

О.В. Золотарев (Сыктывкар, Россия)

Учитель, педагог, является неотъемлемой частью школы. Он неразрывно связан с ней. И позиция учителя (политическая и идеологическая) неизбежно отражается на взглядах подрастающего поколения.

Огромное влияние учительства прекрасно осознавала пришедшая в 1917 г. к власти в России Коммунистическая партия. К тому же большевики видели в учительстве и реальную пропагандистскую силу, с помощью которой можно было решить неотложную для страны задачу подъема дела просвещения. В.И. Ленин указывал: «... сотни тысяч учителей – это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками» [1].

Поэтому руководство партии считало необходимым обеспечить тесную связь учительства с коммунистами, а парторганизациям вменяло в обязанность активную работу среди учительства. Работа эта должна была в первую очередь способствовать изменению в благоприятную сторону политических взглядов учительского персонала. Но, конечно, власти более внимательно следили за благонадежностью не простого учителя, а преподавательского состава высших учебных заведений, в особенности педагогических, т.е. тех, где готовили будущих воспитателей подрастающего поколения. И если в 1920-е гг. А.В. Луначарский в определенной мере сдерживал давление властей на вузовских работников, то с начала 1930-х гг. в ходе ужесточившейся борьбы против вредительства и буржуазных специалистов работа многих вузов серьезно пострадала от репрессий в преподавательской среде. Наверное, во многом это объяснялось тем, что власти опасались интеллигенции как социальной группы, способной на идейное лидерство и сопротивление. Именно данное обстоятельство, наряду и с иными причинами, обусловило волну «чисток» среди вузовской интеллигенции в 1930-е гг. Она затронула в первую очередь высококвалифицированные кадры, на которые пытались свалить часть вины на относительные неудачи в развитии экономики и культуры.

Конечно, «чистки» педагогического персонала во многом были вызваны настроениями в учебных заведениях. Власти не могли устраивать настроения среди студенчества и преподавательского состава. Студенчество постоянно обвиняли в «антипролетарской политике», что было вызвано слабой массово-политической работой среди учащихся, «неудачным социальным составом студенчества» [2]. А немалую вину за данные настроения студенчества, по мнению властей, нес преподавательский состав. Кроме того, в педагогических коллективах царил доносительство и подозрительность (часто гонения и травля коллег осуществлялись самими педагогами – свидетельством этого – многочисленные протоколы собраний коллективов школ и вузов, причем нередко мотивами выступлений на данных собраниях были не политические мотивы, а желанием таким способом свести личные счеты).

Не избежал трагической судьбы и преподавательский состав Коми пединститута. Несмотря на сложности с кадрами, работники Коми пединститута, как и многие вузовские преподаватели по всей стране, подверглись репрессивному удару в 1930-е гг. Этот удар был тем более значителен, что преподавательский состав института во многом формировался из ссыльных.

Уже сразу после открытия в институте под давлением сверху идет процесс «чистки» студенческого состава. А вскоре и руководство вуза, и часть преподавателей были обвинены в злоупотреблениях. Причем если поначалу дело ограничивалось замечаниями за «протаскивание антимарксистских теорий», за оппортунистические настроения, «за слабую реакцию преподавателей» на враждебное отношение части студенчества к некоторым государственным инициативам, то к середине 1930-х гг. реакция властей явно ужесточилась, и в институте стали «обнаруживать» «вредителей» [3].

В январе 1933 г. Сыктывкарский горком отмечает «наличие в преподавательской среде явно чуждых элементов», в последующем речь идет уже «о недостаточной бдительности парторганизации к классовым врагам и их агентам, нашедшим приют в институте» [4]. Обстановка явно накалялась. Гром грянул в марте 1934 г. Сначала в газете «За новый Север» появляется статья «В Коми пединституте» за подписью «бригада студентов». В ней руководство института обвиняется в «беспринципном либерализме» по отношению к «подлым остаткам контрреволюционной троцкистско-зиновьевской оппозиции» [5]. Буквально на следующий день после выхода газетной статьи Бюро обкома ВКП(б) принимает Постановление по Коми пединституту, согласно которому исключается из партии директор института Д.И. Шулепов, с формулировкой «за притупление революционной бдительности» распускается партийный комитет института, целый ряд работников снимается с работы [6].

Продолжение последовало в 1935 г. Все вновь началось с публикации в газете «За Новый Север» материала о разоблачении в институте обкомом ВКП(б) при «непосредственной помощи крайкома партии» контрреволюционных элементов. К ним были причислены преподаватели Королев, Эрнст, Соколов (последние двое к тому времени уже числились среди административно высланных). Во главе группы контрреволюционеров стоял быв-

ший директор института, «кулак, буржуазный националист» Д. Шулепов. Институт был объявлен «гнездом троцкизма и национализма». Власти призывали сделать вывод из случившегося и «ликвидировать последствия вредительской работы троцкистско-зиновьевских и кулацко-националистических элементов» и «мобилизовать коллектив института на борьбу за высокое качество учебной и воспитательной работы» [7].

Пострадал и студенческий коллектив: многие студенты были исключены из института. Подобные «чистки» состава учащейся молодежи периодически проводились и в последующем, практически на протяжении всех 30-х гг. Так, в отчетном докладе комитета ВЛКСМ пединститута за 1940 г. отмечалось, что «на основе указаний ЦК ВКП(б)... большевистская бдительность значительно повысилась», в результате были «значительно очищены ряды ленинского комсомола, как в целом, так и в нашей организации, от чуждых нам людей, от врагов народа». В основном студенты исключались из рядов ВЛКСМ и института за связь с врагами народа, своими бывшими преподавателями. Причем нередко эти обвинения были столь надуманны и огульны, что они вызвали недоумение даже у властей и часто признавались ошибочными. Например, в том же отчете комсомольского комитета указывалось: «в практике работы комсомольской организации по очищению комсомольских рядов от чуждых нам людей были допущены политические ошибки... при исключении... подходили огульно, не разбираясь по существу в предъявляемых обвинениях... При обсуждении отдельных комсомольцев первым вопросом у членов комитета был вопрос: «Сколько врагов народа ты разоблачил?» Если скажет «никого», то первым пунктом обвинения был пункт «за не разоблачение врагов народа исключить из ВЛКСМ». В результате целый ряд студентов-комсомольцев был взят комитетом под сомнение без всяких оснований». О фактах черствости и бездушности при исключении из института нередко говорилось и раньше. Еще в 1933 г. одна из бывших студенток писала дирекции института: «К исключению меня из пединститута все отнесли так легко, как будто не о человеке идет речь, а о котенке». В грозном 1937 г. трагический случай в институте, когда отчисленная с педрабфака комсомолка Чередова покончила жизнь самоубийством, вызвал специальное постановление бюро Коми обкома ВКП(б), в котором руководство института предупреждали: «разоблачая врагов народа до конца, надо чутко относиться к каждому комсомольцу с тем, чтобы только действительный враг не оставался в комсомольской организации» [8].

Но эти действия мало повлияли на обстановку в институте. «Охота на ведьм» продолжалась. В 1937 г. в Коми пединституте, как и во многих других вузах страны, «выявили» вредительскую организацию. Ее главой был объявлен бывший руководитель института Д.И. Шулепов, деятельность вредителей, по мнению властей, наиболее ярко выявилась в подборе преподавательских кадров. В ее члены, помимо Д.И. Шулепова, были зачислены Г.А. Старцев, В.И. Лыткин, А.Н. Королев, А.С. Сидоров, И.И. Оботуров и др. Часть их была изгнана из вуза еще в 1935 г., другие попали в поле зрения НКВД позже, в 1937 г.

В чем же обвиняли уволенных педагогов? В основном в пропаганде антимарксистских взглядов. Например, преподаватель истории Г.А. Старцев укоряли в пропаганде установок школы М.Н. Покровского (уже заклеянной как антимарксистская). И.И. Оботуров (преподаватель литературы) обвинялся в проведении «антисоветской буржуазно-националистической практики, что выразилось в данной им в лекциях положительной характеристике «буржуазных националистов» В. Лыткина и А. Сидорова, в «восхвалении притаившихся врагов народа» (здесь имелись в виду В. Савин и Н. Попов).

Кстати, именно преподавание коми языка и литературы вызывало наибольшие нарекания властей, очевидно, в свете развернувшейся борьбы с коми национализмом. В ходе этой кампании вузовских работников обвиняли в излишнем внимании к биографиям «буржуазно-националистических представителей, они в курсе коми литературы характеризовались как «высокообразованные люди, отдавшие свою жизнь на изучение коми языка» (но это соответствовало действительности). Недовольство властей вызвало даже такие, казалось бы, мелочи, как упоминания на занятиях о получении В. Лыткиным золотой медали, что Екатерина II поощряла собирание словарей языков нерусских народов. Порицание заслужило и отсутствие явной критики «буржуазно-националистических идей», ибо в курсе лекций по коми литературе освещению деятельности В. Лыткина и А. Сидорова отводилось излишне много часов (12 часов), в то время, как на изучение темы «актуальные задачи по коми языку» только 2 часа. Приведенные примеры довольно четко свидетельствуют об определенной надуманности обвинений в национализме сотрудников института [9].

Особое недовольство властей автономии вызвало то, что некоторые коми писатели (Н. Попов, И. Изъюров и др.) назывались советскими писателями: «Выдавая этих деятелей за советских писателей, тем самым усыпляли бдительность советских студентов» [10].

В свете данных обвинений ясно, что именно кафедра языка и литературы вызвала наибольшую критику. В итоге почти все ее представители в той или иной мере были обвинены в проведении «определенной вредительской работы в строительстве коми языка и литературы и в преподавании». Почти все педагоги кафедры были сняты с работы, многие арестованы (И.И. Оботуров, Ф.Ф. Попов и др.).

Директору института Н.А. Михееву вменялось в вину то, что он «проглядел это вражеское гнездо», проводил «весьма недостаточную работу по выкорчевыванию врагов народа». Его действия квалифицировались как «притупление политической бдительности в подборе преподавательских кадров». Подобным же обвинениям

подвергся и преподавательский и студенческий коллектив института в целом, его общественные организации, в особенности партийный и комсомольский комитеты. Руководство Коми организации ВКП(б) потребовало «продолжить дальнейшую работу по выкорчевыванию из института всех врагов народа, в самое ближайшее время провести работу по ликвидации последствий вредительства в преподавании языка и литературы, истории, естественных наук» [11]. Правда, после этой кампании апогей «чисток» в преподавательской среде института прошел. Надо заметить, что это были именно «чистки», когда из преподавательской среды изгонялись, «вычищались» неугодные властям элементы. Люди лишались работы, подвергались гонениям, но вот арестованы и осуждены были немногие.

В ходе «чисток» пострадал цвет коми интеллигенции тридцатых годов. Особенно ощутимым был урон, нанесенный в области изучения коми языка и литературы, где почти все имевшие кадры были разгромлены. Фактически все ученые, которые наиболее плодотворно занимались изучением проблем коми языка и литературы лишились работы, многие были арестованы. Так, подверглись гонениям практически все видные члены Комиссии по зырянизации и участники научных лингвистических дискуссий 1920-х гг. – В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, В.А. Молодцов, А.А. Чеусов и др.

Особо трагичной была судьба следующих ученых и педагогов, работавших в институте. И.И. Оботуров был в ноябре 1937 г. исключен из партии «за контрреволюционную буржуазно-националистическую деятельность» и, не выдержав гонений, умер в 1938 г. в Петрозаводске. Г.А. Старцев в июле 1938 г. осужден на десять лет лагерей, однако вскоре оправдан (весьма редкий случай в практике тогдашнего правосудия) и выпущен на свободу. Впрочем, ненадолго – в сентябре 1940 г. его приговаривают к пяти годам ссылки, которую он отбывал в Красноярском крае. Заведующий кафедрой языка и литературы Г.А. Нечаев был в 1937 г. осужден на восемь лет. Э.М. Эрнст был наказан дважды – в 1940 г. его приговорили за шпионаж к восьми годам лишения свободы, а в 1943 г. добавили еще десять лет. Э.М. Эрнст неоднократно обращался в высшие судебные инстанции с кассационными жалобами. Это дало свои плоды – в декабре того же 1943 г. он был оправдан и освобожден из-под стражи. А.Н. Королев получил пять лет лагерей и умер в 1940 г. А.С. Сидоров был осужден в 1937 г. на три года «за контрреволюционную агитацию». В 1940 г. он освобожден, и дальнейшая его судьба сложилась вполне благополучно: он вернулся к семье в Ленинград, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, стал признанным ученым. Преподаватель немецкого языка К.Г. Вернер и его жена были приговорены в октябре 1938 г. к высшей мере наказания [12]. Все они в последующем были реабилитированы. Мы рассказали о судьбах только нескольких преподавателей института, пострадавших в 1930-е гг.

Непросто складывались жизненные обстоятельства и у первых директоров института. А.Ф. Богданов, не выдержав травли и обвинений, покончил с собой в декабре 1933 г. Д.И. Шулепов был снят с работы, осужден к году принудительных работ, был вынужден уехать из автономии. Покинул Коми край решивший не искушать судьбу, обвиненный в «беспринципности и непартийности», освобожденный от работы, исключенный из состава членов бюро и пленума обкома Коми ВКП(б) П.И. Размыслов [13].

Конечно, все эти кампании поиска «врагов народа» не могли не сказаться на работе молодого вуза. Руководство первенца высшей школы Коми автономии признавало в конце 1930-х гг., что институт «в смысле обеспечения преподавательскими кадрами» оказался «в исключительно тяжелом положении» [14]. Увольнение из учебного заведения крупнейших на тот момент специалистов нанесло непоправимый вред научной и педагогической работе, на долгие годы затормозило развитие вуза.

Источники и литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 405.
2. ГУРК НА РК. Хр. № 1. Ф. 194. Оп. 1. Д. 17. Л. 60-61об.
3. ГУРК НА РК. Хр. № 1. Ф. 194. Оп. 1. Д. 17. Л. 61, 84.
4. Коми пединститут: становление и развитие. 1932–1941. Документы, материалы, воспоминания. Сыктывкар, 2007. С. 69, 143.
5. За новый Север. 1935. 21 марта.
6. Коми пединститут... С. 152-154.
7. За Новый Север. 1935. 4 июля.
8. Коми пединститут... С. 107, 200, 207.
9. ГУРК НА РК. Хр. № 1. Ф. 194. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-7.
10. Там же.
11. ГУРК НА РК. Хр. № 1. Ф. 194. Оп. 1. Д. 74. Л. 1-7.
12. Полещиков В.М. За семью печатями. Сыктывкар, 1995. С. 196; Рогачев М.Б. Глава 10. Забытое имя // Они любили край родной / Отв. ред. и сост. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1993. С. 254; Жданов Л.А. Судьба перебежчика // Красное знамя. 1993. 3 марта; Жданов Л.А. Без вины виноватый // Республика. 1997. 26 июля; Жданов Л.А. Позвала малая родина // Красное Знамя. 1992. 26 сент.; Жданов Л.А. Нашли «свободу» в Коми // Красное Знамя. 1994. 15 июня.
13. Подробнее о судьбах первых руководителей Коми пединститута см.: Ректоры (директора) Коми пединститута. Сыктывкар, 2012.
14. См.: Коми пединститут... С. 194.

ПОДНЕВОЛЬНЫЙ ТРУД НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ СТРОЙКАХ КОМИ АССР (1929–1959 гг.)

А.Н. Турубанов (Сыктывкар, Россия)

Известно, что важнейшим элементом лагерной экономики в СССР прошлого столетия являлось капитальное строительство и, в частности, железнодорожное. История формирования и функционирования такого вида транспортной системы Коми края, как железные дороги, конечно, затрагивалась как в обобщающих работах региона [1], так и в специальных исследованиях ученых [2]. Вместе с тем многие вопросы этого сюжета разработаны фрагментарно и нуждаются в дальнейшем изучении и, в первую очередь, изменения в численности рабочих и служащих подневольного труда, занятых на различных железнодорожных стройках Коми края и, в частности, на строительно-монтажных работах.

Источниковой базой настоящей работы являются архивные и литературные данные, выявленные автором в архивах и библиотеках Сыктывкара, Москвы, других городов нашей страны. Наиболее интересными для автора этой статьи явились опубликованные работы О.И. Азарова, Н.А. Морозова, М.Б. Рогачева и Л.А. Максимовой, фактический материал которых нами частично был использован.

Труд заключенных и спецконтингента на железнодорожных стройках Коми края получил широкое распространение (табл. 1). Вышеприведенный материал позволяет проследить основные этапы формирования на территории Коми края железнодорожных строительных коллективов.

Таблица 1

Изменения в численности занятых работников подневольного труда на железнодорожных стройках Коми края, чел. (сведения на 1 января)*

Время учета	Всего	В том числе		Примечания
		Заключенные	Остальные подневольные работники	
1929 г. (сентябрь)	Нет сведений	2800	Нет сведений	Сведения с учетом Пинюгского (южного) участка железной дороги Пинюг – Усть-Сысольск (Сыктывкар)
1930 г. (сентябрь-октябрь)	Нет сведений	14050	Нет сведений	То же
1931 г. (май)	19210	18500	710	То же
1932 г.	4013	3366	647	
1933 г.	Нет сведений	4400	Нет сведений	
1934 г.	Нет сведений	1389	Нет сведений	
1936 г.	Нет сведений	15000	Нет сведений	
1938 г.	Нет сведений	25199	Нет сведений	
1939 г.	Нет сведений	29400	Нет сведений	
1940 г.	Нет сведений	26300	Нет сведений	
1941 г.	126800	119800	Более 7000	
1942 г.	161327	155600	5727**	
1943 г.	94205	88500	5705***	
1944 г.	42177	37800	4377***	
1945 г.	50377	46000	4377***	
1946 г.	Нет сведений	48300	Нет сведений	
1947 г.	Нет сведений	83200	Нет сведений	
1948 г.	Нет сведений	71500	Нет сведений	
1949 г.	71135	68500	2575****	
1950 г.	Нет сведений	69700	Нет сведений	
1951 г.	59531	59400	123*****	
1952 г.	Нет сведений	38926	Нет сведений	
1953 г.	Нет сведений	47001	Нет сведений	
1954 г.	Нет сведений	23678	Нет сведений	
1955 г.	Нет сведений	18505	Нет сведений	
1956 г.	Нет сведений	10046	Нет сведений	
1957 г.	Нет сведений	7389	Нет сведений	
1959 г.	Нет сведений	12773	Нет сведений	

* Источник: Турубанов А.Н. Использование труда подневольных работников на предприятиях и организациях Коми в 20–50-е годы XX века // Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы. Материалы регион. науч.

конф. (Сыктывкар, 28-29 октября 2005 г.). Сыктывкар, 2006. С. 133-135; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997. С. 25, 26, 103, 143; Жеребцов Н.Л. Трудный век строителей (о некоторых этапах истории строительства в Коми крае). Сыктывкар, 2008. С. 76; Рогачев М.Б. ГУЛАГ в Коми крае (1929–1960 гг.) // Финно-угроведение. 2009. № 1. С. 55; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы в СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 163-169; Максимова Л.А. Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар, 2005. С. 15-18.

** Сведения на 1 апреля по Севжелдорлагу только по немцам-трудоармейцам.

*** Сведения на 1 января по Севжелдорлагу только по немцам-трудоармейцам.

**** Сведения только по спецпоселенцам, местом жительства и работы которых явились исправительно-трудовые лагеря и спецстройки МВД СССР.

***** На наш взгляд, эти данные неполные – А.Т.

В истории железнодорожного строительства Коми края (в его формировании и функционировании) можно условно выделить три этапа. На первоначальном этапе – это конец 20-х – 30-е гг. XX в. – партийно-советское руководство Коми АО (АССР с 1936 г.) прилагало большие усилия, чтобы соединить край с железнодорожной сетью страны. Первым шагом в этом направлении явилось строительство железнодорожной ветки Пинюг – Усть-Сысольск (Сыктывкар), начатое в конце 1929 г. с двух направлений – со стороны Пинюга (железнодорожная станция на магистрали Киров – Котлас) и со стороны Усть-Сысольска (Сыктывкара), столицы Коми АО.

Основной рабочей силой на этой первой крупной железнодорожной стройке Коми края явились подневольные люди – заключенные и раскулаченные крестьяне (спецпереселенцы). Как видно из материалов таблицы, численность этой категории работающих быстро росла и на начало мая 1931 г. составила уже около 20 тыс. чел. В это же время Народный Комиссариат путей сообщения СССР принял решение о временной консервации строительства этой, на взгляд чиновников Центра, местной дороги. Хотя по протесту Коми облисполкома Госплан СССР отменил это решение, однако острая нехватка в стране материальных и финансовых ресурсов для осуществления планов первой пятилетки не была устранена. Таким образом, вопрос о приостановке строительства железнодорожной ветки Пинюг – Сыктывкар не был снят с повестки дня. Решение ГУЛАГа НКВД СССР о снятии со стройки заключенных и переброске их на строительство Беломорканала окончательно поставило «крест» на первой крупной стройке Коми АО этого периода. В течение 1932 г. руководства Коми АО и Северного края пытались реанимировать эту стройку, но без наличия рабочей силы и отсутствия должного финансирования это не удалось осуществить. 22 апреля 1933 г. СНК СССР принял решение: «Считать невозможным продолжение в 1933 г. строительства железной дороги Пинюг – Сыктывкар».

После консервации (прекращения) строительства данной железнодорожной ветки на очереди появилась новая стройка – сооружение узкоколейной железнодорожной линии от воркутинского рудника до устья реки Воркута протяженностью 64 км для вывозки воркутинского угля к реке Уса.

Как видно из материалов таблицы, почти 4,5 тыс. чел. работали на сооружении второй крупной железнодорожной стройки на территории Коми края. Основная масса работающих из Обдорского лагеря (Салехард) была занята на строительных работах – выемка грунта, его перевозка (перевалка) по трассе и т.д., все производственные процессы выполнялись вручную (лопаты, тачки, катальные доски – вот основной перечень орудий труда на этой стройке). В августе 1934 г. 64-километровая железная дорога была принята в эксплуатацию*.

Очередным событием в комплектовании железнодорожных строителей в Коми крае явилась реализация постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 августа 1936 г. «О промышленном развитии Ухты, Печоры и Воркуты». В соответствии с этим решением высших директивных органов страны уже в декабре 1936 г. в районе Княжпогоста 15 тыс. заключенных транспортного отделения Ухтпечлага НКВД начали рубку просеки будущей магистрали Чибью (Ухта) – Усть-Вымь (Айкино).

С принятием следующего постановления СНК СССР от 28 октября 1937 г. о строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали Коноша – Воркута развернулись масштабные работы по комплектованию новых строительных коллективов железнодорожников. С организацией 10 мая 1938 г. Северного железнодорожного лагеря (Севжелдорлаг) для сооружения линии Котлас – Воркута началось формирование нового крупного строительного коллектива специального назначения**. С этого события в железнодорожном строительстве в Коми АССР наступил качественно новый период: во-первых, за счет перераспределения кадров – строителей, заключенных системы ГУЛАГа НКВД СССР – резко возросла численность работников, занятых на общестроительных работах, во-вторых, наблюдался также рост численности специализированных монтажных организаций (например, на строительстве мостовых сооружений), где значительной была прослойка вольнонаемных специалистов, направленных на эти объекты из центральных строительного-монтажных организаций страны. Как видно из материалов таблицы, рост численности строителей продолжался до конца 1941 г. Вместе с тем число заключенных

* На «доделочных» работах на этой дороге в последующие годы работали более одной тысячи работников Усинского отделения Ухтпечлага НКВД (см.: Н.А.Морозов. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997. С.26).

** 14 мая 1940 г. приказом НКВД СССР № 00597 для строительства северного участка железнодорожной магистрали Кожва – Воркута был создан на базе Абезьского строительного района Севжелдорлага новый лагерь – Северо-Печорский (Севпечлаг) – А.Т.

Севжелдорлага в конце 1940 г. начало уже снижаться, так как земляные работы, где была занята большая часть работников, в основном была завершена. Люди были переброшены на строительство северной части железнодорожной линии Котлас – Воркута, значительно меньшая часть – перераспределена по другим стройкам и производствам НКВД СССР. Как известно, на уменьшение численности заключенных в Коми АССР повлиял также призыв в Красную Армию, на фронты Великой Отечественной войны десятков тысяч людей, основная часть которых была занята на рассматриваемой нами железнодорожной стройке республики.

28 декабря 1941 г. открылось рабочее движение поездов между Кожвой* и Воркутой, тем самым вчерне магистраль была «построена». Однако в 1942 г. и в последующие годы на «доделочных» работах, как видно из материалов таблицы, работали десятки тысяч подневольных людей**.

В вышеприведенном анализе материала таблицы нами даны сведения в основном о применении труда заключенных на железнодорожных стройках Коми края. К сожалению, мы не располагаем полными данными об использовании на железнодорожных стройках края труда других подневольных категорий: спецпереселенцев, трудмобилизованных, административно-ссылных и интернированных польских солдат и офицеров. Вместе с тем, в годы Великой Отечественной войны (период ввода основных объектов на железнодорожных магистралях Коми АССР) доля этих категорий подневольного труда в составе работников Севжелдорлага, например, постепенно возрастала и достигла 26% в 1945 г. против 8% в 1941 г., т. е. мы с полным основанием можем утверждать, что и эти подневольные люди вложили свой вклад в создание современного железнодорожного пути Республики Коми.

Источники и литература

1. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2; Жеребцов Н.Л. Трудный век строителей (о некоторых этапах истории строительства в Коми крае). Сыктывкар, 2008; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997, и др.

2. Дьяков Ю.Л. Строительство и эксплуатация Северо-Печорской железной дороги в годы Отечественной войны // История СССР. 1969. № 5; Он же. Строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали в довоенные годы (1937–1941 гг.) // Вопросы истории рабочего класса Коми АССР. Сыктывкар, 1970; Пиманов А.С. История строительства железной дороги «Чум – Салехард – Игарка» (1947–1955 гг.). Тюмень, 1998; Азаров О.И. «Печора в июле 1941 г. (Из истории строительства Северо-Печорской магистрали) // Родники Пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. IV; Он же. По тундре, по железной дороге» // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 1999. Т. 2; Рогачев М.Б. «Усевлон и история «мертвой дороги» // Покаяние: Мартиролог. Сыктывкар, 2000. Т. 3, и др.

* Сквозное железнодорожное сообщение между Котласом и Кожвой открылось в конце 1940 г.

** К «доделочным» работам мы относим строительство железнодорожной ветки Воркута – поселок Хальмер-ю (дорога длиной 62,5 км силами 10 тыс. заключенных была построена за один год и в 1945 г. была сдана в эксплуатацию), сооружение ветки станция Чум Северо-Печорской магистрали – поселок Лабытнанги Тюменской области (сорокакилометровый – западный участок ветки, сооружаемый силами заключенных Севпечлага), а также строительство ширококолейных подъездных путей к воркутинским шахтам, с 1950-х гг. – строительство вторых путей магистрали Котлас – Воркута.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА В СЕВЕРНЫЕ РЕГИОНЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.И. Чупров (Сыктывкар, Россия)

В начале XX в. движение рабочих и крестьян России приобретает невиданный характер. В ходе массовых стачек, митингов и политических демонстраций рабочий класс накапливает опыт революционной борьбы. Под влиянием рабочих принимает более широкий размах и движение крестьянских масс. По мере подъема массового движения царизм усиливал репрессии, используя всю мощь реакционно-чиновничье-полицейского аппарата. Страна была опутана сетью полицейских и жандармских управлений, охранных отделений. Одним из приемов царизма в борьбе со своими политическими противниками являлась ссылка в отдаленные места. Север Европейской России издавна служил местом политической ссылки. Наиболее значительный и массовый характер она приобретает в начале XX в.

История политической ссылки – неотъемлемая часть истории общественно-политического и революционного движения в России. В своем составе ссылка отразила весь спектр различных партий, политических и религиозных группировок, течений в их развитии на всех этапах освободительного движения. В ней были представлены и основные регионы Российского государства. Все это позволяет судить о накале и географии революционного движения в стране, о социальном, профессиональном, национальном составе его участников.

Наличие в ссылке большого количества представителей политических партий и течений не могло не стать ареной напряженных идейно-теоретических дискуссий. В ходе этих дискуссий шло оттачивание не только политических теорий, но и теоретических взглядов самих ссылных. Подобное обстоятельство позволило одному из них, автору очерков об архангельской ссылке М.В. Ильинскому, весьма точно назвать ссылку «довоспитательницей революционеров».

Сказанное выше определяет большую научную и практическую значимость темы, выводя ее далеко за рамки региональной. Ни один из исследователей истории революционной, политической борьба в России не может обойти историю политссылки.

Наряду с общероссийским, история политической ссылки имеет и большое региональное значение. Правительство определяло местами ссылки в основном окраинные районы России, менее развитые в экономическом и политическом отношении. Поселение здесь ссылных, прибывших из более развитых губерний, не могло не сказаться на жизни местного населения. Революционизирующее влияние ссылных на жителей окраин несомненно. Это влияние особенно усиливается с конца XIX в.

Заметно влияние ссылных и в сфере духовной и материальной культуры Севера. Научное изучение региона, создание театров и организация концертов, работа в качестве юристов, врачей, учителей – все это не могло пройти незаметно для населения удаленных от культурных центров уездов, да и самих Архангельска, Вологды и Петрозаводска.

Весом вклад ссылных и в развитие материальной культуры жителей Севера. Инженерные разработки, усовершенствования, внедренные ссылными в кустарное и промышленное производство, новые методы хозяйствования и новые сельскохозяйственные культуры в дальних северных деревнях – это лишь некоторые стороны деятельности ссылных, характеризующие их вклад в развитие материальной культуры Европейского Севера.

Приходится, однако, сожалеть, что история государственной политической ссылки на Севере не нашла еще должного освещения в литературе. Большая часть имеющихся работ, благодаря активности сибирских исследователей, посвящена главным образом проблемам истории ссылки в Сибири. Другие регионы исследователями затронуты еще слабо. Это касается и Европейского Севера. Первые попытки проанализировать положение «поднадзорных» с тем, чтобы привлечь внимание общественности, были сделаны самими ссылными. Многие из этих работ, в частности, публикации П.С. Ефименко, М.В. Ильинского, А.А. Дивильковского, Ю.Н. Лавриновича, а также И. Ревы, М. Колчина сохраняют научную ценность и поныне.

После Октябрьской революции значительная часть работ по истории ссылки была написана также участниками революционных событий. Им принадлежат и мемуарные произведения, в той или иной степени освещающие эту тему.

С конца 20-х гг. XX столетия изучение истории революционного движения, в том числе и политссылки, постепенно замедляется, а с 1935 г. фактически прекращается вплоть до начала 1950-х гг. В 1950–1960-е гг. появляются работы, освещающие историю политссылки в отдельных регионах Севера. Впервые отдельные моменты из деятельности политических ссылных были освещены в общих работах по истории Коми АССР. Из-за слабого изучения источников это были отрывочные и крайне неполные сведения. Специальному исследованию история политссылки в Коми крае была предпринята в работах В.Г. Зыкина. В них рассматриваются отдельные аспекты деятельности ссылных большевиков, показывающих их влияние на представителей других партий и местное население, дается анализ поступающей в Коми край нелегальной литературы.

В 1966 г. выходит книга Б.И. Расина «Тюрьма без решеток». Не имея научно-справочного аппарата, книга в полудокументальной, в полухудожественной форме рассказывает о деятельности ссыльных большевиков в Коми крае после российской революции. Принципиально нового, по сравнению с работами В.Г. Зыкина, эта книга не вносит. Основное содержание второй книги Б. Расина о ссылке в Коми крае – это краткие биографические сведения о большевиках и их деятельности в Яренске с 1908 по 1912 г.

Наиболее существенный вклад в изучение политссылки в Коми крае внесли работы В.И. Чупрова и Т.П. Раевской. Однако и в этих работах основное внимание уделено деятельности социал-демократов. В последние годы осветить деятельность политссыльных, представителей непролетарских партий успешно предпринял М.В. Таскаев.

В ряде работ, изданных в Мурманске и Петрозаводске, рассматривается история политической ссылки на Мурмане и в Олонецкой губернии в контексте истории местных партийных организаций. Подобным образом в 60-х – 70-е гг. XX в. шло изучение политической ссылки и в Архангельской губернии.

В 70-е гг. XX в. активно начинают изучаться политссылка в Архангельской и Вологодской губерниях, выходит несколько специальных исследований. С.Н. Цветков защищает кандидатскую диссертацию о деятельности большевиков в Вологодской ссылке в 1895–1917 гг., Е.Д. Федотова защищает докторскую диссертацию на тему о деятельности социал-демократических организаций Севера Европейской России (1903 – февраль 1917 г.). Основное внимание в ней уделено деятельности социал-демократических групп на Севере.

Комплексному научному изучению политической ссылки на Севере положило начало появление в 1978 г. сборника статей «Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVII – начало XX вв.)». Фактически первым основательным исследованием по истории социал-демократической ссылки на Крайнем Севере стала включенная в сборник статья С.Я. Косухина и В.В. Малиновского. Наряду с анализом проходивших в ссылке процессов в этой работе приведен богатый справочный материал, характеризующий численность, значительную часть имен ссыльных социал-демократов, места их расселения, время пребывания в ссылке. Последующие публикации этих и других авторов углубили и дополнили сведения, приведенные в статье.

Значительный вклад в исследование проблемы внесли вологодские архивисты. В 1977 г. ими был издан сборник документов и материалов «Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке (из истории Вологодской политической ссылки 1893–1914 гг.)». Само название говорит о том, что основное внимание было уделено большевикам.

В 1980–1990-е гг. истории политссылки внимание практически не уделялось. Приятным исключением явилась публикация в 1989 г. краткого библиографического словаря «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв.» (Вып. 1. 1895–1905 гг.). В работе даны краткие биографические справки обо всех политических ссыльных в Архангельской губернии, находившихся в ссылке с 1895 по 1905 г.

В начале 90-х гг. XX в. исследований по политической ссылке на Севере не появлялось. Первое десятилетие XXI в. отмечено двумя работами. В 2004 г. вышел первый том сборника материалов «Каторга и ссылка на Севере России», посвященный в основном изучению польской политической ссылки. В 2006 г. вышел второй том, где рассмотрены частные вопросы истории политссылки. «Поморский летописец» в 4-м выпуске опубликовал несколько материалов, посвященных отдельным политссыльным.

Таким образом, проделана большая работа, однако положено лишь начало изучению политссылки на Севере. Нет ни одной обобщающей работы по политссылке на Севере в начале XX в. Остается неизученной история северной ссылки с древнейших времен до середины XIX в. Требуется углубленное изучение вопросов разночинского периода ссылки и более фундаментальное исследование пролетарского этапа до 1905 г. Практически нет исследований по истории политической ссылки на Севере в период с 1906 по 1917 г.

Между тем существующая источниковая база настолько велика, что для её разработки потребуются несколько поколений исследователей. По приблизительным подсчетам, только в фондах учреждений дореволюционного периода государственных архивов Архангельской, Вологодской областей, Республики Коми и Карелии до 10% всех дел относится к истории революционного движения и политссылки.

Наряду с огромным количеством материалов, находящихся в фондах местных архивов, значительное число документов по истории ссылки и революционного движения отложилось в архивах городов Москвы и С.-Петербурга. К настоящему времени лишь мизерная часть этих документов введена в научный оборот.

Важным корпусом источников по истории политической ссылки являются воспоминания участников революционных событий на Севере. Если архивы в большинстве своем сохранили свидетельства, добытые в ходе полицейского надзора, жандармского сыска, то в мемуарах приводятся сведения, о которых, кроме некоторых подпольщиков, никто не знал или мог лишь догадываться.

Архивные и опубликованные мемуарные источники в значительной мере дополняют материалы периодической печати. В отпущенных пределах гласности специализированные ведомственные издания (журналы «Тюремный вестник», «Юридический вестник», газета «Право») публиковали законодательные акты и циркуляры о ссылке, хронику жизни ссылки. Некоторые сведения о ссылке находили отражение и на страницах местных газет. Смелее и чаще обращались к этим вопросам появившиеся с 1905 г. левые издания и, конечно же, нелегальная

печать. С ними политические ссыльные широко сотрудничали. Данное обстоятельство делает периодическую печать ценным источником для изучения как самой ссылки, так и теоретических взглядов корреспондентов.

Перечисление только основных групп источников дает представление об обширной источниковой базе, которая лежит в основе изучения истории политической ссылки. Это открывает широкие перспективы в исследовании темы.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

РЕПРЕССИИ БЕЛЫХ И КРАСНЫХ НА ПЕЧОРЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

М.В. Таскаев, И.Л. Жеребцов (Сыктывкар, Россия)

Карательные функции белых на Севере после антибольшевистского переворота в Архангельске стали выполнять чрезвычайные следственные комиссии (созданы постановлением Верховного управления Северной области 3 августа 1918 г.). Комиссии были наделены чрезвычайными правами арестов и производством обысков. В августе 1918 г. – феврале 1919 г. комиссии привлекли к ответственности 481 чел. (они получали тюремный срок). Расстрельные приговоры выносились редко даже в отношении арестованных деятелей большевистского подполья (они получали 10- или 15-летние сроки каторги). Для содержания каторжан и заключенных существовали тюрьмы, известность получили тюрьма на острове Мудьюг («Остров смерти») и тюрьма на полуострове Иоканьга. В Иоканьге за все время ее существования находилось 1200 чел., из них только 23 были расстреляны (Мыррин, с.116), 310 умерли от тифа и цинги. Паек заключенных составлял 200 грамм хлеба (больше чем в ленинградскую блокаду). На Мудьюге содержались сотни заключенных, часть из них погибла. Существовал Мурманский концлагерь (летом 1919 г. там содержалось 170 чел.).

Помимо чрезвычайных следственных комиссий репрессии осуществляли военно-полевые суды и органы контрразведки (в дальнейшем именно они стали основными органами репрессий). Союзная контрразведка носила название «Военный контроль», в период интервенции русская контрразведка подчинялась союзной, с осени 1919 г. действовала самостоятельно. Имелась также система обычных судебных органов, руководствовавшихся дореволюционным законодательством, но они играли второстепенную роль. В сборнике «Сквозь бури гражданской войны» написано: «Белые конечно не ставили и не могли ставить своей задачей подавление или уничтожение какого-то класса, рабочие и крестьяне не зачислялись априори в «сомнительные элементы» с лишением каких-либо прав и преимуществ. Принадлежность к большевистской партии, участие в Советских органах, сотрудничество с ними или даже сочувствие им, служба в Красной Армии на командных или политических должностях – вот далеко не полный перечень оснований для привлечения к судебной ответственности по законам военного времени» (с. 117).

Нельзя считать белых гуманистами, но тем не менее факт остается фактом. 9 апреля 1919 г. командующий войсками Северной области генерал-майор В.В. Марушевский издал приказ № 126, в котором предоставлялась возможность всем сторонникам большевизма и советской власти покинуть пределы Северной области и перейти за линию фронта к красным. О выезде из Мурманского края заявили 8500 чел., в Архангельске записались в списки выезжающих 7 тыс. чел. Советская историография признавала факт высылки за линию фронта нескольких тысяч человек-сторонников Советской власти. В Коми крае в январе 1919 г. из Печорского уезда за линию фронта была выслана группа бывших политссыльных-борцов с царским режимом (Гоголев, Капустин и братья Кадушкины).

Считается, что начало белого террора на Севере – расстрел С.Н. Ларионова, комиссара В. Шарыгина, красноармейцев из ларионовского отряда М. Георгиевского, И. Комарова, Я. Якубчика и И. Дьячкова. Приговор об их расстреле был вынесен в Архангельске Особым военным судом (Ларионов – как бывший офицер, а его люди – как бывшие солдаты судились военным судом), а 2 ноября 1918 г. командующий союзными войсками Антанты бригадный генерал Э. Айронсайд утвердил приговор. Обвинение Ларионова и других – «виновны в умышленном убийстве жителей с. Мохча Хозяинова и Терентьева и в грабеже».

Общественность Северной области не была удовлетворена существовавшей при белых системе суда. В августе 1919 г. архангельский Совет профсоюзов обратился в Земско-Городское совещание Северной области с протестом, в котором, в частности, отмечалось: «Нормального правосудия, которому можно было бы доверить судьбу, с надеждой, что не будет расправы, в области не существует. Выборность судей отменена... Внесудебные аресты имеют грандиозные размеры. Арестовываются крестьяне, рабочие и просто обыватели по поводу и без повода. Люди в большинстве случаев страдают безвинно... Военные суды по своему составу не внушают доверия и выносят кучами смертные приговоры... Попираются права личности гражданина» (с. 248-249). Обращает на себя внимание не изложение ужасов репрессий в Северной области, а сам факт подачи свободного протеста (открытого) представительному органу власти.

В Коми крае органы контрразведки в белогвардейских частях нам неизвестны. Их функции выполняли специальные команды карателей (например, комендантский взвод в Айкино С. Матвеева, рота поручика И. Вяткина в Помоздино). Кроме того, штабы Печорского и Пинего-Мезенского районов Северного фронта рассматривали дела арестованных. Этим же занималась гражданская администрация в лице уполномоченного Северного правительства с правами начальника Вологодской губернии С.О. Латкина и административных судей (судья Мезенского уезда Лазаревич был уполномочен разрешать дела и на территории Яренского и Усть-Сысольского уездов). Латкин в своих действиях (а также в действиях карателей) руководствовался (хотя бы для вида) приговорами местных крестьянских сходов в отношении коммунистов. Коммунистов ожидали отправка в местные тюрьмы,

отправка в Архангельск или Мудьюг, побои, расстрел. Кроме того, нередко коммунистов мобилизовывали для службы в армии белых.

Говоря о белом терроре, следует разделить самосуд и суд белых. Самосуд местных жителей, к которым белые не имели никакого отношения – после восстания в Троицко-Печорске 4 февраля 1919 г. Повстанцы организовали собственную Судебную коллегия из 12 человек под председательством П.А. Юдина, которая казнила 96 чел.

Историк В.И. Прошев писал про мятеж в Троицко-Печорске: «За одну ночь мятежники арестовали около 150-200 человек. Большинство из них было помещено в неотапливаемые помещения, холодные амбары при 35-40-градусном морозе, а затем после истязаний расстреляно. В числе погибших от рук мятежников десятки беженцев из Чердыни... начальник Уральской продовольственной экспедиции Морозов и другие... Около 600 возчиков с подводами, следовавшие из вычегодских и сысольских волостей ... за ляпинским хлебом..., оказались в белогвардейском плену». В Троицко-Печорске была организована Судебная коллегия для суда над арестованными коммунистами и активистами советской власти. В коллегия вошли 12 человек под председательством П.А. Юдина (последний потом утверждал, что «Как скажет народ, так он и судил»). Коллегия вела дела просто: всех арестованных выводили на сход населения, крестьяне кричали «да» (что означало расстрел) или «нет». Расстреливали на льду Печоры. По некоторым данным, до прихода белых были казнены 96 человек, в том числе бывший политссыльный Яков Розе, большевики Е.С. Тарабукин, И.К. Тарабукин, А.П. Тарабукин, И.В. Тарабукин, Морозов, Кукарцев, Федосеев, врач Циммерман и др. После вступления колчаковских частей в село прапорщик Т. Пашковский велел расстрелять всю комиссию П.П. Олунина (это комиссия ЧК VI Красной Армии для инспекции отрядов Мандельбаума) вместе с охраной. В.И. Прошев писал: «После коротких допросов, но долгих и жестоких истязаний всех членов комиссии, раздетых до нижнего белья, босых и связанных попарно, вывели на покрытую льдом Печору и расстреляли». На свободу были отпущены только 12 солдат-участников I Мировой войны, возвращавшихся из австро-немецкого плена на родину и случайно оказавшиеся в обозе Олунина (по версии В.И. Прошева, были расстреляны и они). Всего в Троицко-Печорске было расстреляно около 130-150 человек, причем, по словам очевидца М.Н. Попова, непосредственно местных троцко-печорских граждан среди казненных было только двое – большевики Арсений Попов, помогавший бежать красной судохране, и Василий Юдин.

П.З. Терентьев, один из 12 военнопленных, вступивший по дороге домой в Красную Армию и оправданный Судебной коллегией мятежников (всего, по некоторым данным, было оправдано, т.е. не казнено всего три человека из массы арестованных), впоследствии вспоминал: «Возвращался из австрийского плена вместе с отрядом Чрезвычайка во главе с Олуниным, 5 февраля 1919 г. в Сойве всех арестовали и привезли в Троицко-Печорск. Здесь действовала коллегия во главе со Скороходовым, Мельниковым, Пыстиным. По приговорам этой коллегии было расстреляно около 200 чел., в числе их и вся чрезвычайкомиссия и красноармейцы-добровольцы. Когда из Покчи прибыл белогвардейский отряд во главе с прапорщиком Жалковским, подпоручиком Поповым и комендантом Пашковским, через неделю были освобождены все 12 военнопленных под надзор. Пашковский по своей личной инициативе расстрелял массу народа – даже 10 человек ямщиков, везших нас, были расстреляны лишь только за то, что их товарищи, помещавшиеся вместе, 5 человек перебежало через фронт в Советскую Россию. После приезда Пашковского даже расстреливали без всякого формального допроса». Терентьев замечал, что «местное население сочувствовало белой своре, во время одной пустышной тревоги вооружились и женщины и мужчины кто топорами, кто вилами, косами и т.д.»

В Покче по примеру Троицко-Печорска организовали Судебную коллегия, куда вошли наиболее пострадавшие от советских конфискаций крестьяне А.П. Остяков, Н.П. Остяков, П.И. Логинов, Н.Н. Нестеров, А.Т. Растворов, А.С. Пыстин. Коллегия приговорила к казни председателя и членов покчинского волисполкома И.П. Остякова, В.Л. Жижева, Ф.М. Ефремова и др., обвиненных в грабежах крестьянского имущества. 3 марта отряд Н.А. Шахтарова вступил в Усть-Щугор, где была устроена казнь почему-то не эвакуировавшихся с отрядами красных усть-щугорских совработников, в том числе расстреляли председателя волисполкома И.М. Канева, председателя комбеда М. Никифорова, учителя А.М. Мартюшева, волостного волвоенрука А.А. Мартюшева и др. Все эти расстрелы – самосуд повстанцев. Исключение составляет приговор колчаковского прапорщика Пашковского в отношении Чрезвычайной комиссии П.П. Олунина.

О массовых расстрелах на Печоре командующий Северным фронтом белых генерал-майор В.В. Марушевский писал позднее в своих мемуарах: «В этих глухих местах между Усть-Цильмой и, примерно, Чердыню – революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Участники экспедиции (имеется в виду посланный из Архангельска в Омск экспедиционный отряд есаула Мензелинцева – *Авт.*) видели проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды...Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый – было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной

анархии в богатом и спокойном когда-то крае». Самосуд творили и «охотники за черепами», ставившие силки на красных и стрелявшие из засады. По некоторым сведениям (вызывающим, впрочем, сомнение), один такой охотник истребил 60 красных (что сомнительно).

Белые не поощряли самосуд народа. Полковник П.Ф. Естифеев еще в сентябре 1918 г. сообщал в Архангельск, что арестовал ряд активистов советской власти: «...Что с ними делать? Пока я их в усть-цилемскую тюрьму. Есть такие, что толпа просит дать их для самосуда – я, конечно, не даю, но расстрел одного-двух успокоил бы толпу и поднял бы нас в их глазах. Телеграфируйте». Арестованные впоследствии были вывезены в Архангельск.

Много арестантов было вывезено белыми в Архангельск. Вначале не расстреливали на месте, т.е. на Печоре (наверное, из-за отсутствия судебных органов). В сентябре 1918 г. в Архангельск вывезли 23 арестованных, в декабре 1918 г. из Ижемской тюрьмы были отправлены в Архангельск 16 человек (15 из них попали в Мудьюгский концлагерь). Всего в 1918 г. в Печорском уезде было убито в боях и расстреляно (а также утоплено в проруби) 47 большевиков и активистов советской власти (данные из газеты «Красная Печора»). Газета «Красная Печора» в номере от 7 ноября 1921 г. публикует список жертв белого террора на Печоре, но в этот список попали и товарищи, которые погибли в бою, а не были расстреляны (например, В.Ф. Батманов), в список также привычно включают лиц, которые погибли от самосуда местных жителей, не имеющих отношения к суду белых (как Н.И. Зыков, например).

В 1919 г., по данным редакции «Красной Печоры», специально занимавшейся этим вопросом, в Печорском уезде от белого террора погибло 58 чел., но кто из них пал жертвой самосуда, а кто был казнен по приговорам судебных органов белых – сказать невозможно (в список жертв попали также солдаты 10-го полка, попытавшиеся дезертировать из Белой Армии. Какой-либо политической окраски их дело не имело, но позднее считалось, что они погибли «за власть Советов»). В отношении лиц, бывших на советской службе и оставшихся на Печоре после эвакуации красных, местное население устраивало самосуды, производило опись имущества для конфискации. Предупреждения властей не останавливали самосуды, которые приняты такой размах, что 8 июня 1919 г. начальник Печорского уезда Г.П. Алашев издал приказ о немедленном прекращении «безобразного производства» – самочинных обысков и расстрелов. В приказе отмечалось, что «... непрерывные жалобы и донесения пострадавших и обиженных указывают, что самочинные обыски и даже расстрелы не прекращаются. Подобный произвол создает в умах впечатление о новой власти не как о носительнице здоровых начал законности и правопорядка, а как о власти, чуждой этим началам...» Известны отдельные факты вмешательства властей в устраиваемые самосуды населения. Так, в Красноборе в марте 1919 г. волостная управа организовала обыск у учителя В.В. Ильина, акушерки Е.И. Березиной и фельдшера И.И. Чопа. Обыск был произведен на том основании, что у вышеупомянутой тройцы «красные ничего не взяли». Во время обыска обнаружили запасы муки. 29 марта 1919 г. уездный правительственный комиссар Н.П. Ушаков в специальном письме в Красноборскую управу заметил, что «произведенный Вами обыск считаю незаконным... Повторение подобного превышения власти повлечет за собой самые серьезные неприятные для Вас последствия». Начальником Печорского уезда Г.П. Алашевым в декабре 1919 г. была составлена для начальника уездной милиции специальная «Инструкция», в которой Алашев писал: «... чины вверенной Вам милиции совершенно не понимают возложенных на них служебных обязанностей и не соблюдают порядка и законности при исполнении служебных обязанностей, вызывая тем самым по отношению к себе заслуженное неуважение и нарекания со стороны граждан». Алашев указывал милиционерам: «1. Быть вежливыми, почтительными и предупредительными в отношении со всеми гражданами, независимо от их званий, чина и общественного положения. 2. Уважать неприкосновенность личности, жилища и имущества каждого гражданина. 3. Никто из чинов милиции не имеет права производить самостоятельных обысков, арестов или дознаний без приказа начальника милиции или иных высших должностных лиц. 4. При производстве арестов или обысков или дознаний милиционер, коему поручено производить оных обязан предъявить постановление об аресте тому лицу, арест или обыск которого производится». Однако все постановления и мероприятия властей оставались по существу на бумаге.

По данным газеты «Красная Печора», в 1920 г. в Печорском уезде жертвами белого террора стали два человека, вывезенные на Иоканьгу (то ли там погибли, то ли расстреляны). До сих пор неизвестна судьба т.н. печорских беженцев в количестве около 600 чел., бежавших с Печоры весной 1919 г. и осенью 1919 г. попавших в плен белых на Вычегде. (Под Усть-Сысольском были задержаны около 600 советских беженцев из Печорского уезда, эвакуировавшихся в свое время вместе с Ижмо-Печорским полком. С.О. Латкин проинформировал штаб Печорского района о высылке массы задержанных обратно на Ижму и Печору. 11 декабря 1919 г. начальник разведки Печорского района подпоручик Сергачев обратился в Архангельск за инструкциями по делу о советских беженцах: «Во время наступления наших частей по направлению на Усть-Сысольск задержано нами около 600 человек, которые добровольно бежали в прошлом году с большевиками из района Ижмы. Последние и теперь бежали за отступавшими красноармейцами, но попали в наши руки, так как им был перерезан путь. Многие из них участвовали в прошлом году в грабежах. Прошу вашего указания, как поступить с ними, разрешить ли им вернуться на родину или отправить их через фронт в Совдепию?». Не дождавшись указания из Архангельска,

10 января 1920 г. Сергачев шлет вторую телеграмму: «Как поступить с захваченными беженцами, которых местные общества обратно не принимают, как вредный элемент?». Судьба печорских беженцев до сих пор до конца неясна. Газета «Зырянская жизнь» от 13 декабря 1919 г. писала, что «...по дороге Визябож-Додзь-Корткерос в лесу валяется десяток трупов, раздетых догола, расстрелянных печорских беженцев». На заседании Печорского укома РКП(б) 9 марта 1920 г. в Усть-Сысольске прозвучала информация, что «захваченных печорских беженцев белые отправили через Корткерос под предлогом на родину, а в настоящее время, как выясняется, эти беженцы в числе 225 чел. расстреляны». По данным Е.Г. Королевой и А.А. Попова, печорских беженцев белые «...отправили на Ижму и там большинство из них расстреляли». В то же время газета «Красная Печора» от 7 ноября 1921 г., специально занимавшаяся мартирологом жертв белого террора среди уроженцев Печоры, где были опубликованы списки казненных, вообще не упоминает о жертвах среди печорских беженцев).

Первые факты репрессий красных на Печоре относятся к июню 1918 г. 2 июня 1918 г. в верхнепечорские волости выехал Пермский экспедиционный отряд губчека под руководством некоего Семенова. Отряд имел четкие цели: «Организация местных чрезвычайных комитетов, перевыборы кулацких Советов, разоружение отрядов белой армии, конфискация звонкой монеты, товаров и припасов у кулаков». Газета «Известия Пермского губернского исполкома Рабочих, Крестьянских и Армейских депутатов» от 1 сентября 1918 г. так писала о действиях Семенова на верхней Печоре: «Экспедиция навела свои порядки, поарестовала некоторых кулаков из наиболее сознательно-контрреволюционных; собирали сходы, на которых в популярной форме излагалась сущность советской власти. Говорить приходилось с переводчиком, так как громадный процент населения даже не понимает русского языка... Пермская экспедиция работала вместе с Екатеринбургской, посланной для перевыборов Советов и национализации пароходства на Печоре. В результате 20-дневной работы было найдено: 25 винтовок, около 50 револьверов, около трех пудов золота, серебра около пуда и восемь пудов медной монеты». Газета информировала, что в сентябре отряд Семенова снова выехал на Печору.

Имеются свидетельства очевидцев о развязанном пермскими чекистами «красном терроре» на верхней Печоре. В Савиноборе, например, отряд Семенова расстрелял В.К. Мезенцева и А.Е. Попова, трупы их были сброшены в Печору. Председатель Савиноборского волисполкома А.П. Мезенцев, наверное, обвиненный в принадлежности к кулачеству, был арестован и увезен в неизвестном направлении. (По другой информации, эти же действия в июне 1918 г. совершил в Савиноборе отряд под командованием Э.Ф. Аппоги). Почти одновременно с Семеновым на нижней Печоре находился архангельский экспедиционный отряд С.Н. Ларионова. Ларионов собрал в Мохче крестьянский сход и потребовал выдать ему убийц Зыкова. Сход отказался это сделать. Тогда Ларионов арестовал двух самых богатых граждан волости Хозяинова и Терентьева и расстрелял их. В ответ на робкую просьбу мохченского общества заменить расстрел денежной контрибуцией один из красноармейцев ларионовского отряда заметил: «Мы приехали не продавать своих товарищей за деньги, а устанавливать революционную законность». Законность была соблюдена.

Дальнейший террор на Печоре связан с именем Мандельбаума. После захвата Усть-Цильмы красными в селе начались аресты, расстрелы, конфискации. На месте расстреляли хозяина дома, где размещался штаб белой дружины самообороны. Народный судья Г. Филиппов по приказу братьев Аппоги был пропущен «сквозь строй» – на протяжении 250 сажень судью провели между двумя шеренгами красноармейцев с нагайками в руках. Под конец пути избиваемый Филиппов свалился. Аппоги хотели растоптать его лошадьми, но животные не пошли на человека. Тогда судью добились выстрелами из револьверов. В числе арестованных оказались правительственный комиссар уезда Г. Козлов, председатель продовольственного комитета В.М. Воробьев, священник Ифаил (Анфаил) Суровцев, инспектор народных училищ Долинов, казначей Семиряков, подпрапорщик Красиков и несколько крестьян. Козлов был расстрелян в Усть-Цильме, остальных казнили позже (часть в Усть-Щугоре, часть в Покче, причем Красикова расстреливали дважды. Вдова Козлова в своих воспоминаниях, опубликованных на страницах архангельской газеты «Северное утро» от 4 марта (19 февраля) 1919 г., так писала об обстоятельствах смерти своего мужа: «Был конец сентября. Однажды муж поздно вернулся домой. Обходил караулы. Лишь только под утро заснул. Вдруг стук в двери. Прибежал знакомый. Вид его был встревоженный. Оказалось, большевики, засылая (так в тексте – *Авт.*) из пулеметов наши маленькие отряды, слабо вооруженные, заставили их отойти и уже входили в наше село. Лишь только я поднялась на вышку, чтобы посмотреть, вижу: толпа точно каких-то разбойников окружила наш дом. В руках ружья, у поясов револьверы и ножи. Ломятся в двери. Бьют рамы. Кричат. Ворвались. Как звери набросились на нас. Несколько большевиков окружили нас. – Бейте ее, бабу! Один конец им всем! – кричит. Проснулась наша девочка. Выбежала и испугалась. Крикнула и бросилась к нам с плачем. Какой-то красноармеец отбросил ее в сторону. – Пристукните эту тварь, товарищ, – крикнул один из большевиков, роясь у нас в шкафу и засовывая в карманы подвернувшиеся ему под руки чайные ложки. В одном месте ломали шкаф и вытаскивали наше белье и одежду, в другом опрокидывали столы и рылись, отыскивая деньги. Крик, шум разбиваемой посуды, снование озверевших людей. Среди разгрома и хаоса усадили моего мужа и заставили писать. Он надел очки... Вдруг какая-то зверская рожа как ударит моего мужа по лицу...и другой, и третий. Наносят удары по глазам. Разбили очки. Смятая оправка далеко отлетела в сторону. Я рванулась к мужу, но тут же упала от посыпавшихся на меня ударов. Ныло тело. Бегали красноармейцы, вынося из нашей квартиры

все, что только могли. Открытыми дверями врывается холод. Валялись обломки посуды, просыпанная мука, случайно оброненный платок и разбросанные бумаги. Вошел ихний офицер. Белобрысый, весь говорит, как латыш. Прошел несколько раз по комнатам, веселый. Потирает руки. Повели моего мужа. Снова хлещут его по лицу. Пинают. 10 дней его пороли. Бьют до изнеможения. Дадут стакан воды и снова избивают. Измучили совсем. Потом стали убивать. Раз выстрелили. Он закричал от боли. Помедлили. Оставили биться на земле. Тяжело страдал. Дали второй выстрел. Он забился еще сильнее и страшно закричал. Не дают умереть, нарочно мучают. И только с третьего выстрела добились и сбросили в реку. Не дали похоронить». О смерти священника Суровцева «Северное утро» от 23 (10) февраля 1919 г. писала: «Настоятель Усть-Цилемского собора о.Анфал Суровцев претерпел от большевиков мученическую смерть: захваченному в конце сентября о.Анфалу Суровцеву сначала причинили невыразимые страдания, так как целых 10 дней его били нещадно плетьюми, потом постепенно отрезали нос, уши, вырвали язык, застрелили на борту парохода и сбросили в реку».

В начале октября 1918 г. посланный Мандельбаумом в Савинобор В.Е. Исаков разбирает там жалобы крестьян на действия комбеда. Активный член комбеда Алексей (фамилия не сохранилась), бывший политссыльный, пытаясь что-то сказать в свое оправдание, был убит в спину и сброшен в реку.

Архангельская газета «Северное утро» от 9 февраля (27 января) 1919 г. так писала об освобождении Печорского уезда от красных: «До освобождения от большевиков в конце ноября минувшего года Печорский край нашей губернии переживал дни сплошного ужаса. В крае неистовствовали красноармейские банды. В конце ноября партизаны из с.Усть-Вашка Мезенского уезда заняли Усть-Цильму. К ним присоединились для общей борьбы крестьяне из деревень с реки Цильмы. Эти действия добровольцев под руководством героев-офицеров принесли несчастным жителям Усть-Цильмы невыразимую радость: открылись двери тюрьмы, выпущены были на свободу 40 или более узников, которые плакали от неожиданной радости освобождения, ибо все они были перед этим приговорены большевиками к смерти. Большая часть спасенных были люди пожилые. Многие из этих несчастных людей перед тюремным заключением были подвергнуты унижительным для человеческого достоинства истязаниям: захваченных граждан пороли плетьюми, затем раны их посыпали солью, смачивая водой и снова пороли. Очевидец этих ранений, рассказывавший нам о зверствах большевиков, говорит, что он пришел в ужас, когда увидел исполосованные спины, представлявшие одну сплошную, кровавую рану... у некоторых оказались сломанные ребра, у иных оставались еще в теле пули... Уже уходя из Усть-Цильмы большевики успели утопить двоих граждан в проруби. После Усть-Цильмы было освобождено с.Красноборск. Здесь происходили те же ужасы, что и в Усть-Цильме. Всего подвергшихся истязаниям, о которых сказано выше, было свыше 100 человек. Очень характерным является истязание большевиками Георгиевского кавалера Конона Филиппова, имевшего несколько медалей и четыре Георгиевских креста. Большевики требовали от него, чтобы он отдал им боевые награды. Герой отказался. Тогда его начали пытать: били, драли, топтали и совершенно искалечили... Убитые, изувеченные и искалеченные ограблены были дотла. У всех забрали имущество, угнан скот, отняты денежные сбережения...В дер. Галовской большевики ограбили местных жителей примерно на полтора миллиона... Издевательства и насилие соединялись с кошунством... В Галовском было запрещено звонить в колокола и на них был наложен арест, и только после освобождения села народ выразил свою радость по случаю свержения ненавистного ига торжественным колокольным звоном... Ряд зверств большевиков испытали и с.Ижма и Мохча...».

После ухода красных в апреле 1919 г. с Печоры в Печорском уезде была создана специальная комиссия по оказанию денежной компенсации жертвам советских репрессий. Документы этой комиссии хранятся в некогда секретном фонде 1316 Центрального госархива Республики Коми. Не было на Печоре ни одной деревни, где бы красноармейцы не произвели реквизиций и конфискации, а попросту грабежа в свою пользу. В течение зимы 1918–1919 гг. красные забирали у населения все, начиная от ложек и вилок и кончая коровами и лошадьми. А.П. Рочева из Усть-Усы жаловалась в Усть-Цилемскую Земскую управу, что в декабре 1918 г. красноармейцы увели у нее корову, забрали шесть сарафанов, женскую шубку, одеяло. У крестьянина Е.Г. Кожевина из Брыкаланска отобрали лошадь, овцу, забрали хомут, вожжи, топор, брюки, два шелковых платка, женскую кофту, женскую шубку, пару женских чулков. У А.Н. Терентьева конфисковали малицу, 30 аршин сатина, брюки, крест с цепочкой, два кольца, тарелку, два куска мыла, увели со двора лошадь. И.Х. Терентьев лишился трех охотничьих ружей, пять фунтов дробы, двух фунтов пороха, двух возов сена, розвален, рукавиц. Инвалид Н.К. Артеев из того же Брыкаланска сообщал, что красные увезли у него пять возов сена. У Р.С. Рочева в марте 1919 г. изъяли хомут, вожжи, три веревки. У Г.И. Канева из Кипиево увели лошадь, две пары брюк, настенные часы, сорок возов сена, 25 пар рябчиков. У И.М. Канева красноармейцы забрали пару детских сапог. Его однофамилец из того же Кипиева лишился швейной машинки, трех серебряных крестов, пяти брюк, четырех ножиц, двух кальсон, двух топоров, 10 фунтов масла, трех фунтов чая, всех вилок, ложек и столовых ножей. У крестьянина И.В. Вокуева из д.Захарвань в декабре 1918 г. красноармейцы перебили все окна в доме, убили на мясе корову. В д.Мутный Материк красноармейцы сожгли дом Е.М. Семьяшкина. В Усть-Усе у торговки И.Г. Рочевой конфисковали 15 пудов масла, три ящика спичек, 60 пудов рыбы, пять брюк, три пары валенок, три женские рубашки, три женские шубы, три одеяла и т.д. У А.И. Фирсовой из той же Усть-Усы красноармейцы забрали малицу, шелковый сарафан, катушку ниток и пять ложек. У Д.А. Дьячковой увели со двора корову, забрали три пары пим, валенки,

две сатиновые женские рубашки, шесть пар нижнего белья, золотое кольцо, три шелковых платка, два ремня и т.д. Подобный разбой творился в Мохче, Сизябске, Бакуре, Ижме, Галово и всех других местах, где стояли красноармейские гарнизоны.

Массовые репрессии красные провели в Брыкаланске. К.И. Попов в своих воспоминаниях особо отмечал, что «в селе Кычкар... Мандельбаум много расстрелял здесь людей». Сохранились свидетельства о расстреле семьи Ф.Л. Кожевина (отца, матери и старшего брата). Были расстреляны муж А.В. Торопиной, сын И.К. Сметанина. В Кипиево красные расстреляли двух сыновей Ф.Е. Ануфриева. Население Ижемского района выполняло ряд военных повинностей для красных, в том числе участвовало в фортификационных и саперных работах. Сохранились документы Мохченского волисполкома, из которых следует, что почти ежедневно в течение зимы в Ижму уходило в распоряжение саперной команды красных по 63-65 человек. Принимали участие в подневольной работе на красных и арестанты ижемской тюрьмы. По свидетельству А.А. Терентьевой, «пищу [арестантам] выдавали весьма скудную... были изнурены». Впоследствии двое заключенных (белогвардеец А.П. Терентьев и лесничий Никонов) умерли от истощения. Во время эвакуации Ижмо-Печорского полка на Вычегду были вывезены заложники, насильно уведены из родных мест все медицинские работники. Направленный на Печору с инспекцией помощник начальника Архангельской губернии Б.В. Романов отправил в Архангельск отчет, где писал об ужасах «красного террора» в Печорском уезде: «Установлены следующие факты из действий большевиков в районе Ижмы, при посещении его 3-го апреля, т.е. через два дня после ухода большевиков. 1). Расстрелы и убийства могут быть подразделены на три категории: первая – месть и устрашение, активный расстрел, пытки и издевательства; вторая – расстрел по обвинению в чем-нибудь производился ночами; третья – убийство тайком, без шума, когда первые два повода отсутствуют, а люди казались опасными. Среди жертв первой категории много родственников наших партизан. Из числа их жена убитого в бою под Ижмой прапорщика Хозяинова, расстреляна после того, как ее восьмилетняя дочь убита 8-ю штыковыми ударами. Вторая группа наиболее многочисленна. Обвинение обычно – в контрреволюции. К третьему способу прибегали особенно в конце, перед уходом, очевидно, боясь со стороны населения взрыва отчаяния; так была убита группа солдат, вернувшаяся из немецкого плена и отказавшихся поступить на службу красных. Всех их скопилось в Ижме до 50 человек, по уходе красных, остался один. Едва ли красные увели с собою хоть кого-нибудь, вероятнее, все убиты или брошены в прорубь. Число убитых установить было невозможно, да едва ли и будет когда-либо, так как бросание в прорубь практиковалось параллельно с убийством. Лично я видел более 50 трупов, из них до 25 в одной общей могиле, разрытой жителями, остальных просто брошенных на и вокруг кладбища. Узнать никого нельзя; кто не обезображен, тот поеден собаками. 2). Отношение большевиков к царившему среди населения голоду самое хладнокровное. Все съедобное вначале отбиралось у населения оптом. В дальнейшем остатки разыскивались по инициативе отдельных красноармейцев. Случаи угроз, побоев и насилия при этом неисчислимы. Хотя население не имело возможности ни защищаться, ни даже протестовать, набеги производились чаще ночами, что особенно отразилось на детях (видел сошедшего с ума 14-летнего мальчика). Коров в деревне осталось ничтожное количество. Молоко от них систематически отбиралось красными до последней минуты. В домах, где не осталось ни одной целой вещи, стояли недопитые бутылки молока, которые я видел 3 апреля. Жители в последнее время питались собачиной, редко кониной. Солома почти вся съедена еще в начале марта. Красные в то же время имели хлеб (от 1 1/4 фунта в начале до 1/2 в конце), мясо в изобилии, т.к. резали скот, не считаясь ни с чем; и рыбу, которую привозили с Печоры, пока не была занята Кычкар и Кожва. От голода особенно пострадало село Мохча, где умерло к 1 апреля до 100 чел., и где должен был умереть еще не один десяток почерневших и опухших людей, для которых освобождение опоздало. Немногим лучше было положение семей сторонников красных, покинувших район вместе с большевиками. 3). Весь район, богатейшая часть Печорского уезда, подвергся полному и совершенному разграблению и погрому. Взято все, что имело какую-нибудь ценность. Вся домашняя утварь, вся одежда, кроме той, что на людях, все меха и, конечно, все деньги и ценности, которые систематически разыскивались в домах. (В Ижме уцелел один самовар, хозяин которого догадался выломать кран). В большинстве сколько-нибудь богатых домов вся обстановка разгромлена. Я видел дом, в котором ни одной ножки стульев, столов, кроватей не оставлено целой. Из всех шкафов, комодов все увезено чисто. Лошади угнаны почти все. В селе Ижме осталось 5 лошадей. Обоз большевиков состоял из 1500 подвод, растянувшихся на 30 верст. Говорилось, что на дом будет оставлено по одной корове, но на деле много домов без скота, а уцелевшая скотина еле держится на ногах, так как за сеном для скота ездить было не на чем – все лошади работали на большевиков. Часть населения, семьи и родственники красных, добровольно ушли, боясь мести; многие были уведены насильно, как, например, фельдшерский персонал. Врач оставлен лишь потому, что болел сыпным тифом. Уведены почти все девушки, до того распределенные между красными. Большевики изображали себя футуристами. Раскрашенные физиономии, женские наряды, всякие пестрые ленты, нашитые в большом количестве на одежде, и другие юрдыства были обычны и имели особенно отвратительный вид среди шатающегося от голода населения и непогребенных трупов, население почти не выходило из домов. В сумерки стреляли без предупреждения по каждому прохожему, по каждому освещенному окну. Терроризированное население встретило белых колокольным звоном, а затем разошлось по домам и снова впало в глубокую апатию».

Временно исполняющий обязанности зав. Усть-Цилемским соборным приходом священник Иоанн Серебренников представил в Архангельский Епархиальный Совет рапорт о жертвах «красного террора» среди лиц духовного звания в Печорском уезде за первые месяцы 1919 г.: «9 января ст. ст. священник Кипиевского прихода о.Владимир Зуев был взят красноармейцами и увезен в Кычкар и здесь выстрелом из ружья – разрывной пулей в голову – убит. Умер он, как говорят очевидцы, от руки своего прихожанина, ставшего красноармейцем, истинно геройски: «благословив перекрестившись, он благословил по направлению с.Кипиево. Красноармеец грубо закричал на него: «что ты машешь рукой», прибавив к этому площадную брань. Раздался выстрел и о.Владимира не стало. Тело священномученика две недели валялось на снегу и после того, как жена почившего уплатила красноармейцам 800 рублей, дали ей возможность положить в могилу. После ухода красных о.Владимир похоронен в ограде Кипиевской церкви 7 марта о.Николаем Истоминым. Все имущество о.Владимира Зуева разграблено красноармейцами. Вторую жертвой духовенства стал 19 февраля ст.ст. псаломщик Кычкарского прихода Петр Алексеевич Таратин, преклонных лет старец (св.70 лет). Его красноармейцы расстреляли в лесу за то, что будто бы он радовался приближению белоармейцев. Его также похоронил 11 марта ст.ст. священник Кычкарского прихода о.Николай Истомин. После почившего Петра Алексеевича осталась многочисленная семья: старший сын в белоармейцах, второй сын взят красноармейцами и увезен в Ижму, где и расстрелян. Вечная память мученикам. В Ижемском районе духовенству грозит от красноармейцев страшная опасность и едва ли кто из них останется в живых, так как красные озверели... Священник Бакуринского прихода на Печоре о.Иосиф Распутин был схвачен красноармейцами, увезен в Ижму и там, привязанный к телеграфному столбу – расстрелян. Несмотря на мольбы жителей, его не позволили похоронить. Труп священника был обглодан собаками. О.Иосиф прослужил в этом приходе 23 года, за мягкость и кротость характера был особенно уважаем прихожанами...». Голодной смертью, специально инспирированной большевиками, 9 марта 1919 г. умер благочинный о.В.Новиков.

Массовый террор красными творился в отношении пленных белогвардейцев. Красный партизан В.Е. Юдин открыто признал после гражданской войны, что «в плен, конечно, мы не брали», пленных расстреливали. В декабре 1918 г. в Ляпино по приказу Мандельбаума было расстреляно 14 пленников, добыты все раненные белые. В Ижме в конце декабря 1918 г. все пленные белогвардейцы были расстреляны (число не установлено).

Печорская ЧК была создана, по всей видимости, Мандельбаумом в 1919 г. После первого удаления Мандельбаума ее возглавил А.Г. Колпаков. Он сообщал, что в январе 1919 г. в распоряжении Печорской ЧК 36 арестантов. Судьба их неизвестна.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАСПОР МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ В XX ВЕКЕ: РОЛЬ ГУЛАГА И ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ

Е.Н. Рожкин (Сыктывкар, Россия)

Общепринятое определение Республики Коми, как многонациональной территории, было подтверждено итогами Всероссийской переписи населения 2002 г. Три пятых численности населения составили русские, четверть – коми, от 6% до 1% – украинцы, татары, белорусы. Представители других национальностей в общей численности населения республики заняли менее 1%, а в сумме на более чем 100 национальностей пришлось всего около 3,3% [1].

Как видим, подавляющее большинство населения республики относится к народам, традиционно исповедующим православие. К проживающим в республике представителям народов, на этнических родинах которых главенствует ислам, относятся татары, башкиры, азербайджанцы, многие кавказские и среднеазиатские этносы. Общее число их по разным оценкам колеблется от 30 тыс. до 40 тыс. чел.

Первые относительно массовые миграции представителей исламских народов на территорию тогда ещё Коми АССР происходили в конце первой половины XX в. Перед войной индустриализация Коми АССР шла через деятельность сложившейся системы ГУЛАГа. Количество вольнонаёмных было невелико. Например, в 1932 г. в Ухтпечлаге на 4690 заключённых приходилось всего 78 вольнонаёмных (1,7%) [2]. Во время войны произошли качественные изменения в составе трудовых ресурсов. Изменялись как количественные показатели, так и этнические. На начало 1941 г. в Коми состояло на учёте 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249 тыс. заключённых [3]. В то же время за годы войны на фронт было отправлено только из мест заключения более 100 тыс. чел. и 2,5 тыс. спецпереселенцев – «бывших кулаков» [4], их необходимо было заменить на рабочем месте. Замена происходила по нескольким направлениям миграции.

Внешняя миграция в Коми начиная с 1940 г. имела выраженную этническую составляющую. Первые этнические массовые спецпереселения были польские и прибалтийские [5]. В то же время в Коми АССР поляков было направлено на порядок больше, чем представителей прибалтийских народов. Например, только в 1940 г. было завезено 19388 польских граждан, из них трудоспособных – 9987 чел. [6]. Из прибалтийских республик были присланы в основном литовцы. Трудились они большей частью в лесной промышленности, где была высокая потребность в рабочей силе низкой квалификации.

Следующие крупные этнически окрашенные миграции относятся к периоду непосредственно войны. Самые массовые спецпереселенцы среди них – немцы. Представители остальных национальностей среди спецпереселенцев составляли во время войны в Коми АССР относительно небольшие диаспоры (от нескольких тысяч чехов и украинцев до нескольких сотен и десятков крымских татар, калмыков, чеченцев и т.д.) [7]. В конце войны начали прибывать украинцы (ОУНовцы), перемещённые немцы из оккупированных европейских стран и «фольксдойче». Количество представителей мусульманских народов было невелико, их ссылали большей частью в другие местности.

Многонациональное население Республики Коми в основном сформировалось во второй половине XX столетия. Важнейшим периодом в этом процессе был послевоенный период, когда миграции, внесшие решающий вклад, перешли из разряда подневольных в категорию свободных. Движение в этом направлении было простым, разнонаправленным и подверженным различным управленческим воздействиям.

До середины 1950-х гг. миграции, особенно в малонаселённой местности, относящейся к Крайнему Северу (имевшей к тому же особый «гулаговский» статус), регламентировались и контролировались государством. Во второй половине 1950-х гг. картина кардинально изменилась [8]. Начался период послевоенной индустриализации республики.

Вероятно, имелось несколько периодов миграционной активности. Например, несомненно, на национальный состав повлияла направленность оргнабора [9, 10], осуществляемого со второй половины 1950-х гг. [11, 12, 13]. Среди территорий, в которых проходил организованный набор трудовых ресурсов, была и Татарская АССР. Кроме того, с 1955 г. шёл общественный призыв на комсомольские стройки. В Коми это были в первую очередь:

- угольная отрасль – со второй половины 1950-х гг. [14];
- лесная отрасль – со второй половины 1950-х гг. [15];
- железнодорожный транспорт – со второй половины 1950-х гг. [16, 17];
- Сыктывкарский лесопромышленный комплекс – конец 50-х, начало 60-х гг. (строительство и найм на производство) [18].

От переписи 1939 г. к переписи 1959 г. число представителей мусульманских народов выросло значительно. Например, численность татар – с 709 до 8459 чел. (рост в 20 раз), азербайджанцев – со 112 до 1374 чел. (рост в 12,3 раза), узбеков – с 51 до 1245 чел. (рост в 24 раза), башкир с 56 до 623 чел. (рост в 11,1 раза), чеченцев с 58 до 282 чел. (рост в 4,9 раза). Численность представителей других мусульманских народов была невелика [19].

Конечно, вклад периода подневольных миграций значителен, но он далеко не в полной мере определяет формирование современных трудовых ресурсов, в основном сложившихся к концу 1980-х гг. [20]. Так, численность представителей национальностей, депортированных в 40-е гг., в 1960–1980-е гг. значительно уменьшилась. Это касается поляков, латышей, эстонцев, литовцев [21]. Позднее всего начали выезжать немцы, которые были сняты с учёта как спецпереселенцы только в 1970-е гг. [22]. Отчасти в связи с поздним «освобождением» немцев связана их относительно большая численность в Коми к концу 1980-х гг.: люди успели создать семьи, закрепилось второе поколение и т.д. В то же время численность представителей других национальностей, в частности, выходцев из некоторых Волжских республик, с Кавказа и из Средней Азии выросла за 20 лет к переписи 1989 г. в 2-4 раза (татары, чувашаи, узбеки, казахи, туркмены, абхазы, аварцы, балкарцы и т.д.) [23].

Влияние миграции на национальный состав населения республики наглядно подтверждается данными переписей. Так, например, численность «прочих» национальностей в межпереписной период 1979–1989 гг. увеличилась в 1,4 раза [24]. Большинство представителей различных национальностей жило к 60-м гг. XX в. в городах и служило источником формирования трудовых ресурсов для промышленности. Самая высокая доля горожан по переписи 1970 г. была у евреев (86,7% от численности евреев), литовцев (86,3%) и татар (78,2%). Только у коми (66,9%) и молдаван (56,5%) большая часть жила на селе [25].

Во второй половине 1980-х гг. на первое место среди причин миграции выходит негативная социально-экономическая и политическая ситуация в некоторых регионах Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии [26]. В 1990-х гг. к общей кризисной ситуации добавляется фактор роста национального самосознания в национальных республиках. Интересно проследить общее сальдо миграции в 1980–1990-х гг. представителей основных этнических групп мусульманской уммы Республики Коми. Для татар характерно превышение числа въехавших над прибывшими до 1990 г., затем вплоть до настоящего времени сальдо учтённой миграции отрицательное и равняется – 7946 за период с 1990 до 2002 г. Это третий результат после русских и украинцев. Число татар с 27 тыс. чел. по переписи 1989 г. уменьшилось до 15 тыс. чел. по переписи 2002 г. Другая картина с азербайджанцами. Если численность татар в Республике Коми с 1950-х гг. вплоть до 1990 г. росла, то численность азербайджанцев менялась скачкообразно. По переписи 1970 г. их число уменьшилось по отношению к 1959 г. в полтора раза и составило 905 чел. Затем наблюдался практически непрерывный рост, и к переписи 2002 г. численность составила 6066 чел. То есть, если в 1970 г. татар в Коми было в 10 раз больше, чем азербайджанцев, то в 2002 г. татар больше только в 2,5 раза [27]. В 2002 г. больше всего представителей мусульманских народов было в порядке убывания в Воркуте, Усинске, Ухте, Сыктывкаре и Инте [28].

Подводя итог, можно утверждать, что имеющаяся этническая структура мусульманской уммы Республики Коми сложилась во второй половине XX века. Основную роль в её формировании сыграли трудовые миграции, связанные с ускоренной послевоенной индустриализацией. Соотношение основных исламских народов внутри уммы меняется. В настоящее время уменьшается доля татар и башкир, увеличивается доля азербайджанцев, кавказских народов Российской Федерации и среднеазиатских народов.

Литература и источники

1. Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 3.
2. Максимова Л.А. Сталинские лагеря и освоение Европейского Северо-Востока // Очерки по истории политических репрессий в Коми. Сыктывкар, 2006. С. 125, 136.
3. История Коми с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 402.
4. Книга Памяти Республики Коми. Сыктывкар, 1996. Т. 4. С. 420-421.
5. Постановление Совета народных комиссаров Союза ССР от 30.12.1939 № 2122-617 сс. О спецпереселенцах-осадниках // Органы исполнительной власти Республики Коми в документах и материалах. Сыктывкар, 2007. Т. 2. С. 606-607.
6. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 102.
7. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 66.
8. Комсомольско-молодёжные и лес: о работе комсомольско-молодёжных бригад в Коми АССР // Молодёжь Севера. 1977. 10 июля.
9. Микушев А. Там, где шумит тайга: о новосёлах в Тыбью // Красное знамя. 1956. 11 сент.
10. Шевелёв Л. Всем классом: о выпускниках Любимовской средней школы Курской области, приехавших на строительство Печорской железной дороги // Красное знамя. 1957. 2 окт.
11. Зубов Т. Работают комсомольцы: на строительстве вторых путей Печорской железной дороги // Ухта. 1956. 5 дек.
12. Рoshал М. Смена: очерк о жизни молодёжи, приехавшей на шахты Воркуты // Красное знамя. 1956. 6 нояб.
13. Дьяченко П. Комсомольско-молодёжные бригады созданы: на шахте № 2 комбината «Интауголь». Красное знамя. 1956. 17 июня.
14. Рoshал М. Смена: очерк о жизни молодёжи, приехавшей на шахты Воркуты // Красное знамя. 1956. 6 нояб.
15. Комсомольско-молодёжные и лес: о работе комсомольско-молодёжных бригад в Коми АССР // Молодёжь Севера. 1977. 10 июля.
16. Микушев А. Там, где шумит тайга: о новосёлах в Тыбью // Красное знамя. 1956. 11 сент.
17. Шевелёв Л. Всем классом: о выпускниках Любимовской средней школы Курской области, приехавших на строительство Печорской железной дороги // Красное знамя. 1957. 2 окт.

18. Турубанов А.Н. Создание индустриальной базы строительства Сыктывкарского лесопромышленного комплекса // Проблемы повышения эффективности производства, развития производительных сил Коми АССР. Сыктывкар, 1973.
19. <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
20. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 38.
21. Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар: Коми Республиканское управление статистики, 1990. С. 5.
22. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 38.
23. Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Сыктывкар: Коми Республиканское управление статистики, 1990. С. 6.
24. Национальность – важный аспект: по итогам переписей населения 1979 и 1989 гг. в Республике Коми. Госкомстат Республики Коми // Вперёд. 2001. 23 марта.
25. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чём рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. С. 93.
26. Национальный состав Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989г.). Сыктывкар: Коми Республиканское управление статистики, 1990. С. 5.
27. Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 39.
28. Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 40.

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век» (Программа фундаментальных научных исследований УрО РАН).

Содержание

ПРИВЕТСТВИЕ ЕПИСКОПА СЫКТЫВКАРСКОГО И ВОРКУТИНСКОГО ПИТИРИМА	3
ПРИВЕТСТВИЕ ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН РЕСПУБЛИКИ КОМИ	4
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	5
Меньковский В.И. «Устная история» в англоязычной историографии сталинизма	5
Кринко Е.Ф. Депортации советских народов в годы Великой Отечественной войны: современная историография	12
Садьков Т.С. Восстание, потрясшее ГУЛАГ (Об истории восстания заключенных Степлага)	16
Борисов А.А. Репрессии как форма борьбы за власть в истории Якутии: региональная специфика и последствия	19
Рябченко О.Л. Репрессии против студентов советской Украины в 1920–1930-е годы	22
Игнатова Н.М. Принудительный труд спецпереселенцев в экономике регионов Европейского Севера в 1930–1950-е гг.	26
Мусагалиева А.С. Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане во время Великой Отечественной войны	31
Михалев Н.А. Женщины на строительстве железной дороги Чум–Салехард–Игарка (строительства № 501, № 503 ГУЛЖДС МВД СССР)	35
Дьякова Е.В., Каражанова М. Жертвы харьковской трагедии 1942 г.: судьба казахского солдата	38
Дианова Е.В. Кооператоры Карелии – жертвы сталинских репрессий	41
Щур Ю.И. «Горячее лето 1941 г.»: репрессии против уроженцев Западной Украины в г. Запорожье	44
Исупов В.А. Политический террор как демографический феномен	46
Миронов А.Г. Особые лагеря МВД СССР: трудовое использование контингента (по материалам ГАРФа)	48
Ускембаев К.С. Трагические страницы политических репрессий в Казахстане	52
Родионов Н.А. Спецпереселенцы и репатрианты в торфодобывающей промышленности Урала в 1940-е гг.	55
Максимова Л.А. ГУЛАГ как фактор модернизации на Европейском Северо-Востоке СССР: дискуссионные вопросы	59
Вшивцева Ю.В., Макаренко М.Ю. Влияние политических репрессий и депортаций на состав и структуру населения Краснодарского края (1930–1940-е гг.)	63
Гагиева А.К. Государственная архивная служба в системе НКВД (40–60-е гг. XX в.)	66
Кропачев С.А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны	69
Жеребцов И.Л. Изучение истории политических репрессий на Европейском Севере России в диссертационных исследованиях начала XXI века	72
Золотарев О.В. Политические чистки преподавательского состава Коми педагогического института в конце 1930-х гг.	80
Турубанов А.Н. Подневольный труд на железнодорожных стройках Коми АССР (1929–1959 гг.)	83
Чупров В.И. Государственная политическая ссылка в северные регионы России в начале XX века	86
Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Репрессии белых и красных на Печоре в годы Гражданской войны	89
Рожкин Е.Н. Формирование диаспор мусульманских народов в Республике Коми в XX веке: роль ГУЛАГа и трудовых миграций	96

Научное издание

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
РОЛЬ ГУЛАГА, МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Материалы I Международной научной конференции (Сыктывкар, 25–29 октября 2011 г.).

Часть 1

Оригинал-макет – Н.К. Забоева
Компьютерный набор. Формат 60x84 1/8. Уч.-изд. л. 11,2.
Тираж 150. Заказ № 44 (158).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36